

ИРИНА КОТОВА

КОРОЛЕВСКАЯ
КРОВЬ

ПРОКЛЯТЫЙ ТРОН
СВЯЗАННЫЕ СУДЬБЫ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Иллюстрации в тексте
Вероники Ажулич и Анны Ларюшиной

Иллюстрация на обложке
Евгении Козиной и Алины Литиной

Иллюстрации на форзаце *Ольги Лялиной*

Иллюстрация на нахзаце *Алины Литиной*

Котова, Ирина Владимировна.

К73 Королевская кровь. Проклятый трон. Связанные судьбы / Ирина Котова. — Москва : Эксмо, 2023. — 864 с. : ил.

ISBN 978-5-04-176449-4

Приближается день рождения королевы Рудлога, и страна собирается отпраздновать его со всем размахом. Готовится к торжественному балу и дворец, но молодая правительница неспокойна. После ее восшествия на трон семью Рудлог снова начал преследовать злой рок, и жизни близких то и дело оказываются под угрозой. А если оглянуться назад, окажется, что и в прошлом не все чисто: предки не доживали до старости, теряли супругов, спивались, сходили с ума и кончали жизнь самоубийством. Но все-таки иногда нужно взглянуться в прошлое, дабы понять, что твой трон проклят.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176449-4

© Котова И., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

Том 3

ПРОКЛЯТЫЙ ТРОН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Суббота – воскресенье,
середина октября, Иоаннесбург
Люк Кембритч

Ставки сделаны, рулетка твоей собственной рукой раскручена так мощно, чтобы не было ни единого шанса отгадать результат, и стучит-скачет шарик судьбы, и жизнь замерла в ожидании: красное или черное? Красное? Или черное?

И если ты счастливчик и если рука твоя не дрогнула и ты рассчитал усилие, то можно отвернуться на мгновение от всепоглощающего, привычного азарта и прислушаться к себе, чтобы понять: что в тебе заставляет раз за разом начинать игру снова и повышать ставки, испытывая свою удачу?

Но игра уже начата, и нужно довести этот раунд до конца. И хотя ты знаешь, что почти наверняка выиграешь и вопрос лишь в том, что и сколько ты поставил и насколько готов рискнуть, беспокойство все равно поднимает голову. Все ли ты сделал правильно? Достаточно ли все просчитал? Нет ли того, чего ты по самоуверенности своей не заметил?

Люку снилась Марина в красном и черном. Она сидела на коленях блакорийского мага, спиной к Кембритчу, обхватив любовника ногами, сжав его черные волосы пальцами, и целовала.

Не трогай его, Марина. Не надо.

Светлые короткие волосы.

Будто светящаяся золотистая кожа.

Прошу. Не трогай.

Стройные ноги, напряженные бедра, изгиб тонкой спины.

Полустон оттуда. Где нет его.

Вокруг них дымчатым маревом пульсировала страсть.

Чужие руки на той, кого хочет он. Как она посмела?! Как он посмел?!

«Я не твоя», — жестко сказала Марина, оглянувшись, и голос ее подхватило эхо, и с каждой волной звука что-то било Люка в грудь, что-то похожее на желание убивать. Он задыхался от ярости, парил на ней, раскинув руки, запрокинув голову, и ярость эта пульсировала в голове, в кулаках, в груди, и реальность плавилась, сгорала в ней, исчезала горьким едким дымом. Было горячо, ново и больно.

Он проснулся еще в темноте и лежал, глядя в потолок, чувствуя, как болит после ночного загула тело. Затем встал, как был, нагим, подошел к окну, распахнул его настежь, в осеннюю тьму и ветер, чуть не сорвав мешающуюся штору. И закурил, чувствуя на груди и бедрах, на всем своем сухощавом теле капельки морозящего косого холодного дождя.

— Это и есть ревность, мой болезненный друг, — сказал он себе голосом Тандаджи и хрипло рассмеялся.

Телефон молчал. Кто бы сомневался, что она не придет. Да и не нужно это.

Вчера, в субботу, у Люка был день звонков. С утра позвонил Тандаджи, коротко и сухо сообщил, что поведение Кембритча на посольской встрече в пятницу вызвало международный резонанс, и хотя газеты молчат — потому что информация распространяется только по дипломатическим и родственным каналам, — вся аристократия континента наверняка уже в курсе. А у заговорщиков тишина, будто и не было ничего.

«Не мне учить тебя ждать», — сказал ему Люк.

Шарик стучал и катился, и ничего еще нельзя было разглядеть на колесе, но сигналы о том, что все идет верно, поступали.

После двенадцати позвонила Крис и превосходно сыгранным дрожащим голосом сообщила, что ей очень жаль, но отец запретил ей встречаться с любимым Луки, потому что папочка — государственный чиновник и это может сильно навредить его карьере. И тут же добавила, что они обязательно останутся друзьями и могут встречаться в закрытых клубах, пока шумиха не уляжется. Крис так натурально всхлипывала, что Люк даже мысленно поаплодировал ей. Хотя, возможно, Валенской действительно было грустно.

Ему не было грустно, ему стало легко.

Во время обеда раздался звонок от отца, и Кембритч-старший обрушил на непутевого сына всю мощь отцовского гнева. Впрочем, это не помешало Люку наслаждаться ароматным грибным супом с янтарными каплями масла на поверхности и превосходным мясным

паштетом, которые его добрая повариха Марья Алексеевна приготовила в утешение — она всегда чувствовала, когда у хозяина проблемы. Но на этот раз, в принципе, и чувствовать не пришлось — все было, так сказать, налицо. Хорошо хоть, что после работы хирурга и виталистов он мог жевать и внятно говорить, а нос, как обещали, скоро перестанет ощущаться чужеродным элементом. Шрамы тем не менее еще оставались, красные, шелушащиеся, неровные, и Люк, глянув в полированную гладь стола, усмехнулся. Он и так не был красавцем, а сейчас лицо и вовсе напоминало перепаханное поле. И пусть рубцы станут почти незаметными через два-три сеанса у виталиста, сеточка белых нитей всегда будет напоминать о кулаках принца-консорта.

— Ты опозорил нас, опозорил семью, — разорвался Кембритч-старший, и Люк кривился, поднося ко рту ложку с супом, — потому что сейчас отец был прав. — Счастье, что в твоей голове хватило ума не отвечать Байдеку, иначе мы были бы уже прокляты! Как ты докатился до такого, сын, что мне невозможно приехать к тебе, потому что моя репутация и так под угрозой? Скоро выборы главы партии, и из-за тебя придется уступить место этому Савинскому! Что ты молчишь?

— Я слушаю тебя, — вежливо ответил Люк, прижимая трубку к плечу и намазывая горячий, сладко пахнущий хлеб желтым маслом.

— Мне бы лишить тебя наследства, — грозно сказал граф Кембритч.

«Но ты не можешь», — с удовлетворением подумал Люк.

— Как только королева вернется, я буду просить ее принять твои извинения. И ты принесешь их, сын, ты меня понял? Публично! И, если понадобится, в ногах будешь валяться, но вымолишь прощение. Понял, сын?

— Я все понял, — покладисто сообщил виконт, — все сделаю, папенька. Если ты уговоришь принять мои извинения, я буду твоим должником.

Граф тяжело дышал в трубку, и Кембритч вдруг вспомнил, что ему уже немало лет.

— Люк, — произнес его родитель весомо, — прекращай пить. Ты уже не мальчик, пора остепениться, я же знаю, что голова у тебя светлая. Хватит гулять, найди себе хорошую жену, пусть не принцессу, рожай детей, входи в дела графства. Тебе быть лендлордом. Мы не вечны, сын.

— А как же укрепление позиций рода и усиление крови? — с сарказмом спросил лорд-младший. — Я ведь все еще официально обручен с первой Рудлог, неужели откажешься от таких перспектив?

Джон Уильям Кембрич

— Какое обручение, — разочарование так и сквозило в голосе старого политикана, — кто тебя теперь к этой семье подпустит, сын? Хорошо, что хоть журналистов с возвращением Рудлогов заткнули и простые граждане наше имя не полощут. Какой позор! Боги, какой позор! Сколько времени и сил придется потратить, чтобы все исправить!

Восклицания снова пошли по кругу, как и увещевания, и Люк вежливо слушал, давая отцу выговориться, пока тот не выдохся и не положил трубку.

Потом пошли звонки на городской телефон. Дворецкий вежливо отвечал, вычеркивая приглашения и запланированные визиты из светской карты. Люка это не трогало. Он и раньше-то не вызывал у рудложских аристократов сильного восторга, и только титул заставлял искать его общества и приглашать на обеды и ассамблеи. А теперь от него воротили носы.

Кембритч-младший набрал номер матери и долго ждал, пока чопорная инляндская экономка позовет к телефону леди Шарлотту. В старых домах порядки не менялись даже с появлением мобильных телефонов.

— Сынок, — сказала мама тепло. И Люк сразу расслабился, забылся так, что даже потер пальцем нос, как делал в детстве. — Как ты? — обеспокоенно спросила она. — Сильно болит?

Мама была единственной, кто всегда был за него. Даже когда он укусил кузена Лазаруса за руку, она только спросила, все ли зубы целы. Хотя Лози был младше Люка на два года.

И даже когда он чуть не угробил себя наркотой и пьянками, леди Шарлотта не отвернулась от непутевого сына.

— Терпимо, мам, — ответил он. — Все нормально. Там у вас сильно шумят?

— Пошумят и замолкнут, — мягко успокоила его мать. — После скандалов с нашими Инландерами твой поступок — легкое недоразумение. Так что при дворе ты не главная новость, сынок. Вот, например, принца Лоуренса Филиппа уж семь лет как женили на Диане Форштадтской, так ведь до сих пор чудит. Думаю, скоро пол-Форштадта станут на него похожи. И это второй принц! А первый наследник, хоть и давно не замечен в скандалах, на прошлой неделе чуть не свернул себе шею на скачках. Луциус после этого специальным указом запретил ему участвовать в подобных мероприятиях. От короля, кстати, снова прислали письмо с требованием, чтобы ты вернулся и принял титул моего отца.

— Инландер выдал тебя за Кембритча, мама, — резко напомнил Люк, — и требовать он ничего не может.

— Да? — с сомнением спросила леди Шарлотта.

Виконт быстро перевел разговор на другую тему:

— Сейчас сезон в Лаунвайте, мам. Почему ты не выехала в городской дом? Хватит пылиться в поместье. Тебе сколько сейчас? Сорок? Сорок один?

Она засмеялась:

— Мне пятьдесят два, мальчик мой, и прекрати лстыть, ты все время повторяешь эту шутку. Что мне там делать? Я, пока была замужем за Кембритчем, растеряла все связи. А заводить новые... я слишком долго была одна и слишком привыкла к этому. Тем более что Бернارد сейчас дома, приехал на каникулы из училища.

Берни был младше Люка на пятнадцать лет, а сестра, Маргарета, — на семнадцать. Поэтому общались они с трудом.

— А вот если, — с намеком добавила мать, — ты приедешь к своей старушке, то, может, я и захочу стряхнуть пыль с диванов лаунвайтского дома, сынок. И даже потанцую с тобой на одном из балов столичного сезона. Здесь все двери будут открыты перед тобой, не сомневайся.

— Может, и приеду, мам, — ответил Люк задумчиво. — Скорее всего, так и получится.

Ближе к вечеру позвонил Нежан Форбжек, один из подозреваемых в участии в заговоре, и как ни в чем не бывало сообщил, что в следующий четверг у Романа Соболевского снова карточная вечеринка, на которой Люка будут рады видеть и принять, потому что он произвел отличное впечатление на хозяина дома. А на Крис не надо сердиться, потому что она дура, сама все разболтала, и папаша ее дурак, и братец, хоть они и приятельствуют, дурак, а вот он, Люк, ничего такого не сделал страшного и с ним обошлись несправедливо.

Люк соглашался, жаловался, возмущался, бормотал что-то полупьяным голосом и распрощался, называя Форбжека дорогим другом и единственным, кто его понимает.

Потом он позвонил Тандаджи и отчитался о разговоре.

Делать было нечего, суббота тянулась вязко и медленно, телевизор раздражал, как и бездействие, да еще и нос разнылся. Слуги ходили тихие, дом казался гулким, большим, и Люк спустился в холодный пустой спортзал, переоделся, обмотал кулаки эластичным бинтом. Размялся пятнадцать минут — поворачивал плечами, покрутил головой, чувствуя, как отдает болью в лицо, понаклонялся, поотжимался. Начал «бой с тенью» — обязательный разминочный бой с невидимым противником. И затем, слыша, как гулом откликаются на удары стены, стал избивать боксерскую грушу, повторяя джебы, свинги и ап-

перкоты, боковые и прямые удары, со свистом выдыхая воздух, ощущая, как бежит пот по спине, и то и дело поглядывая на лежащий на скамейке телефон.

Он весь субботний день подспудно ждал только одного звонка и был уверен, что она позвонит. Ведь набрала же она его в пятницу. Не удержалась.

Люк развернулся и ударил по груше коленом, затем прямой ногой, добавляя к элементам бокса удары из восточной борьбы. Провел серию подходов со скакалкой, уже не обращая внимания на дергающую боль.

Подошел к телефону и набрал номер. Послушал гудки, отключился, снова ушел к груше — тренировать нижние удары и крученые, с подсечками. Ему очень не хватало реального противника. Того, кому можно было бы отвечать.

Марина не взяла трубку ни в следующий раз, ни через один, а Кембритч с упорством барана возвращался к скамейке и снова и снова жал «позвонить», потому что она должна была ответить — не могла она выдержать и не ответить. Только не Марина.

На последнем звонке она сбросила вызов, сообщение проигнорировала, и Люк, устав, как будто тащил на себе многотонный груз и не дотащил, потому что не хватило сил, пошел плавать в теплом бассейне, поглядывая на лежащую на краю трубку.

Он вел себя как идиот и, осознав это, быстро собрался, надел полумаску и уехал в один из тех полулегальных ночных бойцовских клубов, где могли сойтись в поединке и аристократ, и простой горожанин, и никому не было дела до того, кто ты, если ты хорошо дерешься и не боишься крови.

Люк курил в распахнутое окно, мерз, но упорно не закрывал его. Болело тело, тянуло в груди. Было пять часов утра воскресенья, и телефон молчал.

Суббота, Иоаннесбург
Марина

— Если я ради тебя сяду на это животное с утра, — сказал Мартин фон Съедентент таким тоном, будто разговаривал с ненормальной, — то вечером ты будешь ублажать меня в Блатории.

Вообще, у него был повод быть несколько недовольным, потому что я опять разбудила его с утра пораньше, как только проснулась сама, и предложила поехать со мной на ипподром. Слишком много

эмоций было вчера во время безобразного спектакля, устроенного Люком на посольской встрече, и потом, когда я звонила ему, слишком много ненужных мыслей — а выездка как ничто другое успокаивает и приводит голову в порядок.

— Все, что захочешь, мой грозный господин, — мурлыкнула я в трубку, посмеиваясь и старательно убирая из головы картинку окровавленного Кембритча, звериные желтые глаза убивающего его Мариана и белую как полотно Василину.

— У нас как раз склон новый открыли, — пояснил он, — поставлю тебя на лыжи и столкну с горы, чтобы насладиться криками ужаса. Мой невыспавшийся организм заслуживает удовлетворения от мелочной мести.

— Я умею кататься, — сообщила я, вставая с кровати, — так что месть не удастся. Придумаешь что-нибудь другое.

— Тогда после склона будешь сидеть рядом в номере, трепетно держать меня за руку, наливать глинтвейн, — маг зычно зевнул, и мне стало немного совестно, — и кормить конфетками.

— Мартюша, — сказала я нежно, — осознаю, что я эгоистичное чудовище. Ложись досыпай, а я сама съезжу. Просто с тобой весело. А встретимся завтра.

— Нет, — ответил он мрачно, — завтра ко мне собирается ваш придворный маг и, к моему несчастью, мой одноклассник Зигфрид. Ему запрещено рассказывать, что происходит во дворце, поэтому он просто смотрит печальными собачьими глазами и уничижает мои запасы алкоголя. Вы его там бьете, что ли? И, Марин, если я еще раз услышу от тебя «Мартюша» или, не дай боги, «Мартик», я тебя отшлепаю. Понятно, ваше высочество?

— Понятно, — поспешно согласилась я. — Какой ты все-таки грозный по утрам. Может, все-таки спать?

— Все равно уже не засну, — он куда-то зашагал, — так что давай, используй своего безвольного друга.

— Хочешь, я накормлю тебя завтраком в ресторане? Рядом с ипподромом есть чудное место, «Копытца». Мне очень-очень стыдно, правда, — призналась я, заходя в ванную.

— Это хорошо, — из трубки раздался звук зашумевшего душа, — значит, я правильно изобразил страдальца. Тобой так легко манипулировать, высочество. Я прямо почувствовал себя злодеем.

Я возмущенно фыркнула, и он злодейски захохотал в трубку.

— А насчет завтрака, — блакориец отсмеялся, зашуршал чем-то, — так и скажи, что жаждешь поскорее меня лицеизреть.

— В этом можешь даже не сомневаться, — произнесла я немного невнятно, потому что в этот самый момент откручивала зубами колпачок с зубной пасты.

— Тогда могу прийти к тебе сейчас, — сказал маг очень низким порочным тоном, но было понятно, что при этом он улыбается во весь рот, — примем вместе душ, разделим полотенце...

— Боюсь, моя горничная не вынесет тебя в половинке полотенца, — прошепелявила я. Паста во рту холодила и нетерпеливо ждала щетки. — Так что давай через полчаса. Я тебя покормлю, потом арендуем тебе самую смирную и хорошенькую кобылку. А вечером, обещаю, держать за руку буду очень нежно.

Так мы некоторое время упражнялись в остроумии, затем Мартин отключился и я усердно заработала щеткой. Вот почему с ним так легко разговаривать? Никакого напряженного молчания, никаких истерических ощущений. Шуточки у нас довольно откровенные, и все равно никакой неловкости. А вчера я только от одного звука голоса побитого Кембритча чуть с ума не сошла. Это невыносимо — так злиться на него и при этом знать, что он в одном с тобой городе, в десяти минутах езды от дворца, что достаточно нажать на кнопку телефона — и услышать его. И ненавидеть себя, потому что никак не можешь забыть.

«Тебе просто нужно переспать с ним и избавиться от наваждения».

Я чуть щетку не проглотила.

«Восхитительная идея».

«Ты понимаешь, что не сможешь строить другие отношения, пока не избавишься от него в своей голове?»

«Но... возможно...»

Мне было страшно додумывать мысль, и я дернулась к душе, включила зачем-то воду, хотя изо рта еще торчала щетка. Потом вернулась, взглянула прямо и жестко на себя в зеркало.

«Трусиха».

«...Возможно, я не хочу от него избавляться».

«Он же для тебя ничего не значит».

— Верно, — твердо сказала я вслух. Внутренний голос хмыкнул:

«И простить не можешь».

«Не могу. И не прощу».

Из запотевшего зеркала на меня смотрела самая глупая женщина в мире.

Подаренный Люком жеребец встретил меня ласково и немного укоризненно — хотя с ним и занимались и гуляли в мое отсутствие. Поначалу немного заартачился, показал обиду, но затем спокойно дал себя оседлать и весьма бодро вышел на дорожку.

Мартин забраковал предложенную смирную кобылку и, сообщив, что вообще-то научился ездить верхом едва ли не раньше моего деда, выбрал себе серого красавца с надменной мордой. Животные ревниво косились друг на друга, но слушались, а я наслаждалась ощущением того, как вспоминает тело правильную посадку, положение ног, упор ступней, как руки правильно ложатся на поводья, словно и не было этого перерыва. Через полчаса я так осмелела, что пустила своего Пастуха вскачь и даже взяла один барьер — для младших учеников. Потомок чемпионов презрительно фыркал, но я была счастлива.

Мартин не осторожничал, и мне было страшно смотреть на то, что он вытворял. Все-таки конь не был приучен к нему, но блакориец управлялся с ним так, будто растил с детства.

— Ты идеальный мужчина, — сказала я магу, когда мы вели жеребцов обратно в конюшню.

— Лесть не отменяет месть, высочество, — ответил он смешливо, тряхнув черными волосами и подмигнув мне. Я улыбнулась. Ну правда же идеальный. И чего тебе еще нужно, Марина?

А вечером он перенес нас на север Блакории, в номер небольшого, но очень дорогого отеля у склонов разной степени сложности, освещенных множеством огней. Лыжников было очень много, но сам отель и пространство вокруг работали для избранных: сюда не пускали журналистов и случайных людей, и в каждый номер был свой вход с улицы, закрытый от соседей.

В горах начинались осенние сумерки, снег отсвечивал синевой и дышал холодом, и ноги у меня болели после утренних верховых упражнений. Но я быстро разогрелась, а дальше были только скольжение, и ветер в лицо, и ощущение полета, и азарт — обогнать Мартина. И смех, когда я все-таки завалилась лицом в снег на торможении, зацепившись одной лыжей за другую, и так и лежала на животе, с каким-то чудесным образом сцепившимися лыжами, и хохотала. Народ, проезжающий мимо, смотрел на меня и улыбался.

— Все, — произнес Март, подъехав и расцепив меня и лыжи, — потопали в номер. Пока ты еще можешь стоять на ногах.

— А ты не можешь перенести нас? — капризно спросила я. До фуникулера было далеко, а шагать вверх по склону, пусть и по засыпанной дорожке, удовольствие невеликое.

— Лентяйка и эксплуататорша. — Мартин создал Зеркало, и мы вышли прямо у отеля. — А как же польза физкультуры для организма?

— Моему организму сейчас нужна горячая ванна, — я ждала, пока он откроет дверь, — вкусная еда и мягкая кровать.

— Тогда даю тебе час, — барон пропустил меня вперед, — и жду в гостиной на ужин. Хорошо отдохни, высочество, тебе еще весь вечер поднимать тяжелый черпак, разливать глинтвейн и обхаживать меня.

Номер состоял из двух отдельных спален с примыкающими к ним удобствами, гостиной с массивным камином и столовой зоной, маленького кабинета — если вдруг дорогим постояльцам взбредет в голову поработать — и сауны с небольшим бассейном. Я, снимая лыжный костюм и оглядывая великолепную спальню (каким образом, интересно, доставляют на склоны эти огромные кровати? или стекла на высокие окна?), задумалась вдруг, как легко восприняла переход от нищеты к роскоши. Как быстро я перестала считать деньги, как спокойно отношусь к тому, что даже не знаю, сколько заплатил Март за сутки аренды этих апартаментов, хотя и подозреваю, что наша семья могла бы существовать на эту сумму не один месяц.

Помнится, лет в пятнадцать за семейным обедом я спросила маму, почему мы живем так богато и почему не можем отдать часть денег тем детям, которых я видела в школе, — они одевались бедно, и никто не возил их на машинах. И Полина меня поддержала, и Вася. А вот Ангелина смотрела немного с превосходством — она-то уже окончила университет на тот момент. И сейчас, когда я набирала огромную, сделанную из прозрачного закаленного стекла с серебряным плетением внутри ванну, этот разговор вдруг всплыл в памяти так, будто случился совсем недавно.

— Маришка, — мама улыбнулась, — не нужно стыдиться денег, больших или маленьких, если они заработаны честно. Наши деньги и финансы государства никак не смешаны, доходы приносят поместья и предприятия семьи, и ни одно из них не получено бесплатно или нечестно. Ты лично, если захочешь, можешь по достижении совершеннолетия потратить свой капитал на благотворительность, но это в конечном итоге ничего не даст и не улучшит жизнь людей. Да, ты поможешь единицам, может, сотням, и ты знаешь, что у нас работают благотворительные королевские столовые и прочие учреждения. Но это не дает развития, это только милосердие.

— Разве милосердие — это плохо? — упрямо и возмущенно спросила я. Мне тогда казалось, что мир несправедлив, а я и моя семья виноваты в том, что у нас так много денег.

Мама вздохнула и терпеливо продолжила:

— Милосердие хорошо и нужно в том случае, если человек болен или немощен, дочка. Тогда это благое дело. В остальных случаях оно вредно. Если ты будешь покупать своим одноклассникам одежду, ты лишишь их стимула получить хорошее образование, чтобы заработать на нее. И что они будут делать, когда ты перестанешь им помогать? Без умений, без знаний, с уверенностью, что им должен кто-то помочь, кто угодно, кроме них самих? Ты сейчас мыслишь как простой человек.

Она оглядела нас и очень серьезно произнесла:

— Никогда не забывайте, что вы из семьи Рудлог. Красным Воином нам дана власть, но дана и ответственность перед предками и потомками, ответственность за эту страну и за наш род. Что бы ни случилось в стране, девочки, за все это в конечном итоге ответственны только мы. Мы гаранты того, что каждый человек, если захочет, сможет реализовать себя. И того, что государство будет развиваться без потрясений и катастроф.

— Мама, — перебила ее Полли, — но разве такое разделение на бедных и богатых справедливо?

Она тоже всегда была идеалисткой. До переворота, конечно. Хотя... как раз Пол осталась идеалисткой и после.

— Так устроен мир, дорогая, — ласково сказала ей мама, — и так уж получилось, что ты родилась в семье, старше и знатнее которой нет. Нет абсолютной справедливости для всех. И государство не может быть идеально, потому что я не идеальна. Но я стараюсь. Стараюсь достичь справедливости. Именно поэтому у нас даже самый бедный человек имеет возможность получить достойное и бесплатное образование и потом найти работу, а не сидеть на социальном пособии. И он будет платить налоги, которые пойдут на образование другим людям. И он должен четко знать, что через какое-то время честной работы его благосостояние улучшится.

— Все понятно, — важным тоненьким голосом сказала семилетняя Алина, и мы все посмотрели на нее и захихикали.

Мама воспользовалась передышкой, чтобы глотнуть чаю, и продолжила свою импровизированную лекцию. У нас часто бывало такое — семейные посиделки переходили в передачу опыта. И теперь я понимала, что она старалась все упростить, насколько это было воз-

можно, чтобы мы поняли. Все, кроме трехлетней Каролиши, которая в тот момент ковыряла оmlет.

— В этом и состоит задача государства — дать человеку не деньги, а возможность заработать столько, на сколько у него хватит усердия и таланта; убрать коррупцию — чтобы начальники не смели сажать на места знакомых и родных, а оценивали рабочие качества. Да, дети богатых всегда будут иметь больше возможностей, а природа человеческая такова, что воровство полностью изничтожить невозможно, но в конечном счете на первом месте всегда окажется профессионализм. И ко всему прочему, — добавила мама, глядя на наши хмурые и пытающиеся осознать услышанное физиономии, — возвращаясь к вашему личному капиталу, вы просто не имеете права отказывать своим детям в том, что передали вам предки. Поэтому если хотите кому-то помочь — помогайте руками и головой. Идите работать в больницы, опекайте стариков, навещайте детей в детских домах. Используйте ваше имя, вкладывайте то, что заработали лично, привлекайте помощников и меценатов. Но не тратьте наследство. Деньги человек должен зарабатывать сам или умно и дальновидно распоряжаться тем, что заработали предыдущие поколения его семьи.

Тогда я не поняла маму и не согласилась с ней.

Но потом была жизнь в Орешнике. И я видела разных людей. Тех, кто родился там и умрет, скорее всего, там же, в нищете и грязи, жалюсь на несправедливость, потому что не выучился, не захотел работать, зато на бутылку и закуску деньги всегда находил. И тех, кто стиснув зубы стремился вверх и достигал этого. Да и я, если подумать, сама была такой. Но ведь получила же профессию, нашла работу, и да, было невыносимо тяжело, но предложили же мне через два года работы бесплатное образование — доучиться от больницы на хирурга? Еще лет пять — и я могла бы себе позволить и квартиру, и хорошую машину, и отдых на море. Не эти апартаменты, конечно, но мне бы вполне хватило.

Другое дело, что буквально в течение полугода после переворота подняла голову и развернулась коррупция и социалка обрушилась так, что до сих пор восстанавливают, и разделение между бедными и богатыми только усилилось. Премьер Минкен вовремя подхватил этот корабль, чтобы не допустить катастрофы, но ломать не строить, и в дальнейшем оставалось лишь восстанавливать и разгребать... Вот и бедной Васе пришлось присоединиться к разгребанию...

Я опустила в ванну, чувствуя, как ноют натруженные за сегодня руки и ноги. И попа. Филей болел страшно, я уж и забыла, как страдает мягкое место поначалу. И как важен для наездника хороший массажист.

За стенкой что-то низким голосом напевал Мартин, и я захихикала. Видимо, ванны у нас были смежными. И вот лежу я тут, за перегородкой — идеальный мужчина, который даже в ванной поет не противно, а думаю при этом о коррупции и вселенской справедливости. Какая уж тут вселенская справедливость, когда ее и персональной-то не бывает?

— У тебя полчаса осталось, — сообщил Март громко и гулко через стенку, и я засмеялась уже в голос.

Через сорок минут я, с еще влажными волосами, выходила в гостиную в сером мягком трикотажном платье до пят с крупным вывязанным рельефом и в таких же толстых длинных носках. Я сразу полюбила его, как только увидела в магазине. Всегда есть вещи, которые напоминают тебе теплое одеяло: в них безумно удобно, и они скользят по телу, словно лаская его. Вот и в этом платье можно было сидеть на подоконнике, скрестив ноги — и оно закрывало их полностью, — или поджав колени, не опасаясь, что сверкнешь бельем.

Я увидела накрытый стол, Мартина, который подбрасывал дрова в камин, и подумала вдруг, что Март сам как это платье. С ним тоже можно задирать ноги выше головы, и все равно будет удобно.

— Кто-то опоздал, — сказал он, — ай-ай. Я чуть с голода бревно не начал грызть. Садись, высочество, я за тобой поухаживаю.

— Ну уж нет, — я покачала головой, — раз я проштрафилась, обхаживать тебя буду сама. Может, в следующий раз ты не будешь так рычать на меня с утра.

Он уселся, нетерпеливо постучал вилкой по тарелке.

— Манеры, молодой человек, — строго произнесла я тоном суровой классной дамы, положила нам салата, хрустящей дымящейся рыбы, разлила вина в бокалы. Блакориец следил за мной с усмешкой. Все это было вопиющим нарушением этикета. — Приятного аппетита, грозный господин.

— Да, с утра я обычно мрачный парень, — признался фон Съедентент, — слуги знают, что, если кто до полудня разбудит, будет уволен. Правда, после полудня я раскаиваюсь и принимаю на работу обратно. И только перед тобой я бессилён, как котенок.

Ужин прошел приятно и легко, и после Мартин, как истинный кавалер, проводил меня до спальни, целомудренно поцеловал в щеку и ушел.

А я, просто неприлично улыбаясь и чувствуя в теле приятную расслабленность, открыла дверь. Было так хорошо и легко, что хотелось упасть на кровать и валяться там, раскинув руки и ноги. За окном медленно падали крупные белые хлопья и стояла такая тишина, что слышно было, как шуршат по покатой крыше скользящие вниз дорожки снега. Я подошла к зеркалу, снимая серьги и любуюсь собой — светлая, коротковолосая, тоненькая, с огромными глазами, высокими скулами и мягкими, розовыми от вина губами. Как же хорошо быть собой!

«Хороша, Марина, хороша».

«Вот сейчас даже не буду спорить».

Из-за двери послышалась тихая ритмичная музыка — видимо, Март в спальне включил аудиосистему. И я прислушалась, развернулась перед зеркалом в такт, повела плечами, изогнула талию, качнула бедрами. В душе росло какое-то озорство, совершенно девчоночье, хотелось повыделываться, глядя на себя и млея оттого, какая я классная. И я затанцевала, медленно, чувственно, подняла руки, провела по плечам, по затылку. Боги, как же мне хорошо!

Вдруг вспомнилось, как я танцевала в клубе, а затем, кадрами, и остальное: Кембритч, балкон, высота, и жар, и холод, и словно в ответ на мои мысли завибрировал и засветился лежавший перед зеркалом телефон. Я протянула руку, уже зная, кто звонит, посмотрела на экран, резко сбросила вызов.

Стало обидно, будто в мой мягкий и расслабленный мирок вдруг ткнули ледяной иголкой. Я глядела на трубку, на затухающий экран. Семь пропущенных вызовов, и все от него. Не было сил ни злиться, ни двигаться. И чего я хочу сейчас, я тоже не понимала.

Вспышкой снова засветился экран, завибрировал. Сообщение из четырех слов: «Приезжай ко мне. Пожалуйста».

«Самоуверенность у него, в отличие от лица, видимо, не пострадала».

Я даже не знаю, чего мне хотелось больше: закричать, выбросить телефон в окно или все-таки попросить Марта переместить меня в Иоаннесбург, чтобы доехать до Кембритча и закончить то, что начал Мариан. Во всяком случае, настроение было самое кроваж- жадное.

Я тихо вышла в гостиную. Здесь было слышно, что Мартин с кем-то разговаривает — музыку он сделал потише, — и я потопталась у его спальни, затем приоткрыла дверь. Маг сидел в кресле, уже без рубашки, в одних брюках, и, прижимая к уху телефон, стягивал носок.

— Все, Виктор, составь ему компанию и развлекай, а о доплате поговорим. — Он кинул трубку на кровать, кивнул мне, прищурившись, потянулся руками вверх, покрутил плечами со стоном. — Заходи, принцесса. — Он разглядел, видимо, что-то в моем лице, потому что похлопал себя по коленям. — Иди сюда, вижу, надо утешать и снова вправлять мозг. Правда?

— Кто звонил? — спросила я вместо ответа, аккуратно садясь на самый краешек его колен. Но блакориец обхватил меня, прижал к себе, и я поерзала, устраиваясь поудобнее, положила голову ему на плечо.

— Зигфрид ваш, — ответил он досадливо, — решил сделать сюрприз и заявился сегодня ко мне на ночь глядя. Так что пришлось срочно и дистанционно организовывать ему компанию, выпивку и прочие удовольствия.

Мне стало совестно.

— Так, может, ты к нему сейчас, Март?

Маг был надежным и удобным. И тело у него оказалось крепким, хорошим таким, развитым мужским телом. И пах он хорошо, теплым мужским запахом. Я прислушалась к себе. Приятно, да.

Блакориец фыркнул:

— Ни за что. Я уже попросил дворецкого составить ему компанию. Виктор привычный, сейчас они напьются, потом по бабам пойдут. А я тут побуду. С тобой.

Я нахмурилась. Было неловко спрашивать.

— Мартин... и ты тоже с ними по бабам ходишь?

— Марина, — сказал он очень серьезно, — для всего континента мы с тобой встречаемся. А я все-таки не только бабник и разгильдяй, но и барон и дворянин. За кого ты меня принимаешь? Если я подгребу кого-нибудь под себя, то на следующий же день все газеты будут живописать мои похождения и полоскать твое имя.

— Ну а как же... — я замаялась. — Тебе разве не хочется?

— А что, разве не чувствуется, что хочется? — прошептал он низко, и я покраснела. И уже совершенно нормальным тоном продолжил: — Принцесса, мне почти восемьдесят лет. Первую женщину я попробовал в четырнадцать. Шестьдесят шесть лет не самого раз-

меренного опыта. Поверь мне, я способен продержаться несколько недель или месяцев — ну, пока не завоюю тебя или пока не надоем.

Мартин шутил, и я улыбнулась ему в шею. Тема была, признаться, горячая, но и здесь он как-то увел ее от неловкости.

— И вообще, Марина, мне надо с тобой провести воспитательную работу. То ты меня Мартюшей обзываешь, то считаешь, что я могу предпочесть Зигфрида тебе. Что дальше? Будешь советоваться со мной, какой маникюр сделать? Я себя чувствую твоей подружкой, а не мужчиной.

— О нет. — Я прикоснулась губами к его плечу. — Ты мужчина, Мартин. Самый лучший в мире. Самый классный. Самый мне нужный.

— Ты слишком много льстишь, — произнес маг смешливо. — Так что случилось? Из-за чего ты пришла ко мне с выражением ужаса на лице? Увидела мышь или зловещую тень за окном?

Я включила телефон и показала ему сообщение.

— М-да, — произнес он мне в макушку с иронией. — Вот мужика корежит-то, Марина. Я уже говорил, что ты страшная женщина?

— Что мне делать? — всхлипнула я. — Все так хорошо было, и он все испортил.

— Ну-у-у, — протянул блакорисец, поглаживая меня по спине, — я могу сейчас доставить тебя во дворец. И поедешь к нему. Хочешь?

— Нет! — возмутилась я, чувствуя, как взрывается в животе предательский горячий ком радости только при одной мысли: а может, да? И одновременно с ним — колючий и холодный шар злости в голове. — Не надо, Март. Я спрашиваю, что мне делать вообще. Он же отравил меня собой, Март!

— Девочка моя, — глубокомысленно произнес он, целуя меня где-то за ухом, а затем прикусывая мочку и смешно рыча, от чего я прикрыла глаза и немного расслабилась, — я тебя не буду утешать. Увы, в этом случае твой яд является твоим лекарством. И рано или поздно тебе придется это признать. И чем раньше ты это сделаешь, тем менее катастрофичными будут последствия для окружающих.

— А может, просто поженимся, Март? — Я серьезно посмотрела ему в глаза. — Мы ведь можем быть счастливы.

Он легко поцеловал меня в губы. Потом еще и еще, сильнее и жарче, так мощно, что у меня закружилась голова, и я уперлась ладонью ему в грудь.

— Вот-вот, — усмехнулся маг. — Марина, не смей меня, это слишком избитый сюжет. Я готов поиграть в твоего жениха, если тебе

очень нужно, но ведь итог будет один. Тебя тянет к нему, его тянет к тебе, и при всей твоей воле, железная ты Рудлог, однажды вы окажетесь в постели. Вот когда — и если — наиграешься им, тогда и поговорим о нашей возможной семейной жизни.

— Нет, — сказала я твердо, и он недоверчиво тряхнул головой. — Не окажемся.

Мартин покачивал меня на коленях, а я молчала. Тихо играла музыка, и было слышно, как потрескивают поленья в камине гостиной. Сейчас очень остро чувствовалось, что мужчина, в чьих руках я успокаиваюсь, действительно много старше меня. Много опытней. И много мудрее. И он не позволял мне врать себе.

— Знаешь, — сказал Март весело, — давай-ка повторим вечерний глнтвейн. Если уж тосковать и не спать, то под хорошее вино. Угу? Напьемся?

— Угу, — согласилась я. — Только за сигаретами схожу.

И мы правда напились, и тоска часа через два куда-то ушла. Последнее, что я помню, — как мы кружились под музыку посреди спальни и я горячо уверяла Мартина, что обожаю и люблю его, а он клялся мне в том же в ответ.

Проснулись мы около полудня, в одной кровати, и не было ни неловкости, ни стыда. Март балагурил, я язвила, за окнами светило солнце, кофе был прекрасен, потому что его было много, и во дворец я вернулась в хорошем настроении. И новости дома тоже были хорошими: нашлась Пол, и на радостях мы с Алиной поехали по магазинам. Надо было оторваться, ведь завтра предстоял первый рабочий день. Вот я и оторвалась.

И я даже почти не вспоминала о невозможном Люке, и о том, что его дом в десяти минутах езды от дворца, и о том, что нужно выбросить телефон и вернуть ему машину — чтобы избавиться наконец от всего, что связано с этим мужчиной.

ГЛАВА 2

Вторая половина октября,
Иоаннесбург

Утро воскресенья началось с переполоха в доме начальника Управления госбезопасности Рудлога, плавно перешедшего в переполох во дворце.

Во-первых, звонок Игоря Стрелковского из Бермонта застал Тандаджи в тот самый момент, когда его супруга и матушка громко выясняли, кто же должен печь традиционные тидусские лепешки с медом в честь народного праздника Великой Реки и подавать их соседям в знак расположения. Печь хотели обе, подавать — никто, потому что соседи были, надо признать, препротивные, и Майло с терпением мученика разруливал конфликт, предложив женщинам разместиться на кухнях в противоположных концах дома и испечь каждой свою порцию. А разнесет угощение по соседям он сам. Уж у него-то примут и с улыбкой, и с поклонами. И даже съедят, опасаясь, что бдительность сотрудников госбезопасности простирается и на эту сферу.

Прекрасно, когда у тебя есть возможность оборудовать две кухни для каждой из хозяек. Ради этого стоило уезжать из Тидусса.

Во-вторых, известие о том, что четвертая принцесса стала медведицей и что на нее напал демон, не прибавило Тандаджи хорошего настроения, и он стал усиленно соображать, как донести эту новость до отдыхающей королевы после пятничного фиаско и стоит ли сообщать заодно о роде деятельности оной принцессы. А если не сообщать — как объяснить нападение? А еще надо бы понять, остался ли жив темный, и если да, то не вынырнет ли он в Иоаннесбурге — в университете, например. Где учится пятая Рудлог.

Размышления были столь тяжелы, что, когда матушка и жена вновь начали ругаться, определяя, кто из них какую кухню займет, Майло воздел руки к небу и поклялся шестиглазым духом Шивалой, что если сейчас в доме не настанет тишина, то он запретит им выходить из своих комнат до конца года, а сам купит себе другой дом, как и поступают приличные тидусские отцы семейств.

Дамы, осознав серьезность угрозы, замолкли и вполне спокойно разошлись в разные стороны.

В-третьих, королева Василина, получив с утра звонок от начальника разведуправления и узнав о том, что Полина нашлась и находится в Бермонте, но по каким-то причинам стала мохнатой и четырехлапой, мгновенно распорядилась договориться с Демьяном о визите и сообщить придворному магу, что тот должен забрать их из поместья Байдек Зеркалом. Придворный маг отбивал положенный выходной, и агенты Тандаджи с ног сбились, пока не нашли его в Блатории, в доме барона фон Съедентента, в состоянии тяжелого похмелья. Он был так хорош, что даже не мог правильно выговорить собственные имя и фамилию, хотя, признаться, и трезвые язык ломали на сочетании «Зигфрид Кляйншвитцер».

Пока несчастного приводили в чувство, королева несколько раз звонила Тандаджи и грозным голосом вопрошала, почему до сих пор не прибыл маг. Причина «потому что он пьян как свинья» была признана не очень этичной для озвучивания, и пришлось срочно придумывать оправдания.

В-четвертых, дворцовый люд, прознав каким-то образом, что королева со страшным и свирепым мужем возвращаются раньше срока, развил просто паническую деятельность по приведению всего, чего только можно, в идеальное состояние. В результате за пару часов дворец стал блестеть, а самые впечатлительные пили успокоительные капли и тренировались улыбаться при помощи зеркала. Попробуй не улыбнись тому, кто на твоих глазах превратил лицо одного из самых родовитых дворян королевства в отбивную!

В-пятых, посол Тайтаны выбрал именно этот день, чтобы привезти телепортом во дворец подарок для Байдека от восхищенного эмира — кривой меч и лазурные шаровары, в которых ходили лучшие бойцы восточной страны на ежегодных боевых сабантуях, и настаивал на том, чтобы передать их лично. Так как восторга от своего срыва консорт явно не испытывал, да и времени на встречу с посланцем у него не имелось, пришлось разрешать ситуацию, грозящую перейти в дипломатический конфликт. В конце концов нашлось устраившее всех решение: и меч, и штаны были торжественно отправлены в королевский музей, а Василина втайне от мужа поблагодарила посла по телефону и пообещала обязательно посетить Большой Сабантуй в Тайтане на следующий год.

Она очень надеялась, что надевать их Мариана не обяжут.

И наконец, сам Тандаджи тоже выдвигался в Бермонт вместе с королевской четой, понимая, что ему, скорее всего, предстоит нелегкий разговор с Байдеком.

В общем, остались соседи тидусса в этот день без медовых лепешек.

Полина

В это же время в замке Бермонт просыпалась Полина Рудлог, и состояние у нее было престранное. В голове был сумбур, события вчерашнего дня никак не хотели вспоминаться. Глаза то и дело закрывались, не позволяя сориентироваться, а во рту почему-то стоял привкус крови. А когда взгляд сфокусировался, оказалось, что Поля находится в незнакомом помещении, полном чужих запахов.

Не все из них, правда, были чужими, и четвертая принцесса дома Рудлог долго втягивала носом воздух, удивляясь, когда это у нее так обострился нюх. Знакомый терпкий аромат щекотал ноздри, и от этой щекотки хотелось растянуться, покататься по кровати, поизгибаться и порычать.

Порычать?

Она снова приоткрыла тяжелые веки, осматривая помещение. Комната явно дамская — нежные цвета, изящная мебель с вырезанными цветочками-лепесточками, большие окна без занавесок, растения на широких подоконниках. Полина пошевелила пальцами, и по телу пробежала легкая судорога. Почему-то очень мешали волосы, и она подняла руку — поправить, и замерла, разглядывая длинную светло-русую прядь и кисть, на которой не было обручальной серебряной пары. Неужели к ней вернулась ее внешность? Или она где-то ухитрилась покрасить и нарастить волосы, а теперь не помнит об этом?

Что же вчера произошло? Смутные воспоминания о приезде Демьяна в Белую Обитель, о полете над Бермонтом, костре на сопке... Чувство опасности, беспокойство, ужас. Картинки вертелись в мозгу, но никак не хотели становиться отчетливыми. Еще и тело кололо какими-то крошками, и Полина повернулась на бок, чтобы хоть чуть-чуть отодвинуться. Наткнулась глазами на спящего рядом Демьяна, пискнула от неожиданности и стала медленно-медленно сползать с кровати, утягивая за собой одеяло, — вдруг пришло осознание, что она совершенно голая.

Сползти удалось тихо, и принцесса обмоталась в трофейное одеяло, как в тогу, и начала отступление. Сначала надо было подойти к окну — понять, где она находится.

За окном лежала заснеженная столица Бермонта, Ренсинфорс, и Пол даже разглядела крышу, на которой пряталась до своего ночного приключения.

— Если ты снова попробуешь улететь, — раздался с кровати тихий низкий голос, — я, честное слово, сейчас же поймаю и женюсь, чтобы точно больше никуда не делась.

Поля фыркнула, повернулась. Демьян лежал на кровати, одетый и очень-очень сонный, взъерошенный и серьезный. И она его совершенно не боялась, наоборот, почему-то было весело.

Принцесса показала ему правую руку, с намеком повертела кистью.

— Пропала при обороте, — пояснил его величество Бермонт. — Ничего, у меня есть еще. Ты бы не вставала, Поля, у тебя сейчас состояние нестабильное.

— Я ничего не помню, — сказала она хрипло и сипло, закашлялась. В глазах заплескались цветные круги, и через секунду Демьян уже был рядом, схватил, отнес обратно на кровать.

— Послушай, — произнес он очень серьезно, — Полюш, у тебя вчера был стихийный оборот. Ты перекинулась в медведицу у меня на глазах. И это может снова произойти в любой момент. Поэтому нельзя напрягаться, волноваться, хорошо? Я тебе потом все расскажу, что было, а сейчас отдыхай.

— Я что теперь, как ты? — Полина захихикала, подумав при этом, что ведет себя как-то неадекватно.

— Как я, — улыбнулся Бермонт, присаживаясь рядом на кровать, — только маленькая совсем еще. Почти медвежонок.

— А почему? — поинтересовалась принцесса, трогая его за руку. Не могла она удержаться, и все.

— Это из-за моей крови, ноззи. Ты тогда, — Демьян погладил ее пальцы, — наглotalась, вот и получилась реакция. Неожиданная, как ты сама.

«Ноззи» — так он называл ее в детстве. Егоза, заноза.

При упоминании об их встрече в его спальне Полине захотелось с головой укрыться одеялом. Опять стало стыдно.

— Ты не сердись? — спросила она тихо и жалобно.

Демьян покачал головой, нахмурился:

— Нет. Но сержусь из-за того, что ты улетела из Обители. Полина! Не смей от меня больше убегать. Понятно?

— А чего это ты раскомандовался? — спросила она обиженно, хотя хотелось часто-часто закивать и согласиться. Особенно когда в его голосе появлялись низкие нотки. Тогда и телу опять становилось щекотно. Но чтоб ею командовали? — Я тебе даже не невеста еще, — добавила она мстительно, — а уже должна слушаться?

Болотно-зеленые глаза потемнели, но Демьян улыбнулся, погладил ее по голове.

— Как была вредная, так и осталась. Выйдешь за меня, Полина?

— Чтобы ты мог командовать без всяких ограничений? — проворчала принцесса. Вдруг стало чувствоваться, что и зубы не чище-ны, и волосы какие-то спутанные, и выглядит она, наверное, словно чучело.

— Именно, — кивнул он серьезно. — Так что, будешь моей королевой?

— Да буду, буду, — пробурчала она, садясь и снова натягивая на себя одеяло, — сам же знаешь. Дай мне умыться, а то я всю жизнь буду вспоминать, что мне делали предложение, когда я выглядела как испуганный дикобраз. И вообще, отнеси-ка ты меня в ванную. Раз мне нельзя перенапрягаться. Хочу помыться и посмотреть на себя — хоть узнаю, как выгляжу сейчас.

— И кто еще кем распоряжается, — пробормотал Демьян тихо, легко поднимая замотанную в одеяло невесту на руки. Полина улыбнулась.

— Ты чего такой растерянный?

— Не ожидал, что ты сразу согласишься, — признался король Бермонта, заходя в ванную. Встал перед зеркалом, держа свою ношу на руках, и Полина завертела головой, рассматривая себя.

— Ну-ка, поставь меня на пол, — скомандовала она, и Демьян послушался, но все равно придержал ее за талию.

Пол глядела на себя в зеркало. Высокая, голубоглазая, на носу еле заметная горбинка — как она переживала из-за нее в детстве, ведь ни у кого из сестер такой не было! И лицо совсем не похоже на мамин — узкое, без характерных скул. И волосы у нее не вьющиеся, а прямые, правда, у Марины тоже были такие, а у Ангелины волны едва заметные, поэтому можно считать, что здесь Полина не выделяется. Но в целом... очень неплохо.

— Ты очень красивая, — сказал Демьян, встретив в зеркале ее скептический взгляд. Он был еще выше ее и гораздо шире — плечи выглядывали даже из-за толстого одеяла. — Ты и в восемь лет была хорошенькой, а сейчас просто расцвела. Ваши женщины всегда славились своей красотой.

— В восемь лет я была противной, — со вздохом признала принцесса, глядя ему в глаза. — Но уже тогда поняла, что вырасту и выйду за тебя замуж. Так что можешь гордиться. А потом пошли слухи, что ты хочешь жениться на Василинке, и я жутко ревновала и злилась. Даже подсунула ей как-то жабу в постель... Я десять лет почти каждый день о тебе вспоминала. А ты удивляешься, почему согласилась. Мне кажется, я и на дело-то решилась потому, что могла тебя хоть так увидеть.

— Я и забыл, что Рудлоги славятся еще и прямоотой, — рассмеялся Демьян.

— Эх ты. — Полина в зеркале показала ему язык. — Я тут в любви признаюсь, а он смеется. Медведь, что сказать.

— Я тоже тебя люблю, Пол, — шепнул он ей на ухо. — Не сомневайся никогда.

— Это другое дело, — сказала принцесса довольно и деловито. — Тогда отворачивайся, я хочу помыться. Только не уходи, у меня куча вопросов.

— Например? — Его величество отвернулся, слушая шорохи, звук полившейся воды, ее тихое «ой!» — видимо, включила холодную, — плеск.

— Так ты тоже с детства в меня влюблен? — слова было не разобрать — судя по звукам, она прямо под душем чистила зубы. — Жажду подробностей, любопытно, сил нет!

— Нет, конечно, — усмехнулся он. В ванной запахло каким-то мятным гелем для душа или шампунем, и Бермонт поморщился — сильный ментол перебивал собственный запах Полины. — В детстве я тебя боялся. Ты и правда была ужасной занозой. А понял три недели назад. Когда ты улетела.

— Ты бы себя видел, тоже бы улетел, — отрезала она. — Вот демон, а в чем это у меня волосы? В крови? Не отмыть никак. Демьян, а что же все-таки вчера было? — Снова раздался звук, как будто из бутылки выдавливали шампунь. — Вот гадость, щиплет. — Она зашипела. — Я как начинаю думать, у меня голова болит.

— Не думай, Полина, — сказал Бермонт с беспокойством, — потом. Скоро должна твоя сестра приехать, если она уже не тут. И хотелось бы, чтобы вы поговорили, а начнешь переживать — обернешься. Ты ведь сама все расскажешь, Пол?

— Угу, — ответила она угрюмо. — Вася приедет, да?

— Ее величество Василина-Иоанна, — подтвердил он со смешком.

— Кстати, — Полли словно что-то вспомнила, — Демьян, а что с Ангелиной? Почему не она на троне?

— Я был на коронации, — осторожно произнес Бермонт, — и корона выбрала Василину. А остальное тебе сестра расскажет, ладно?

— Вот это да... жаль, что я не видела, — протянула принцесса; судя по звукам, она ожесточенно терла себя мочалкой. Демьян вдруг пожалел, что остался в ванной. Какая бы выдержка у него ни была, но знать, что она там, за стеклом, и слушать все это, а самое главное, представлять и не рваться туда, к ней, было очень трудно. Он не выдержал, глянул в зеркало на ее силуэт за матовым пластиком, сжал ку-

лаки. Полина что-то говорила, и Бермонт заставил себя прислушаться. Да, поболтать она всегда любила.

— Я так удивилась, что здесь уже зима. У нас еще месяц снега точно не будет, — рассуждала принцесса. — А когда он у вас выпал?

— Вчера, — откликнулся Демьян.

— Вчера? — произнесла она странным голосом, со скрипом скользнула руками по пластику, согнулась, и он бросился к ней, запахнул двери душа.

Под льющейся водой мотала головой маленькая медведица, совершенно мокрая и обиженная. Заревела, боднула его лбом, и он, вздохнув, выключил душ, взял большое полотенце и стал ее вытирать.

* * *

Стрелковский тоже поднялся рано. Набрал по телефону Тандаджи и кратко обрисовал ему ситуацию. Начальник в тишине, прерываемой каким-то женским бормотанием, выслушал его и приказал ждать — сейчас он сообщит о том, что принцесса нашлась, ее величеству, и она обязательно захочет нанести визит в Бермонт.

— Надо, что ли, его величеству Демьяну от Управления орден выписать, — с сарказмом сказал Майло на прощанье, — ведь он спас не только принцессу, но и нас двоих от гнева королевы. — Помолчал и добавил: — Хотя насчет себя я не уверен.

Завтрак прошел в одиночестве — беспокоить Бермонта в такую рань Стрелковский не решился, а специально приставленный к полковнику в помощь сотрудник охраны сообщил, что маленькая медведица тоже еще спит и обратного оборота не было. И напарница Игоря, капитан Дробжек, жива, над ней всю ночь работали врачи и виталисты. И что он, охранник, готов проводить полковника куда он пожелает, так как его величество распорядился всячески угождать гостю.

От экскурсии по замку Игорь отказался, и молодой берман откланялся, сообщив, что будет ждать за дверью.

Стрелковский допил кофе. На душе после сна, измучившего его ночью, было пусто и вязко, и все ощущения казались какими-то приглушенными, будто он находился за толстым слоем стекла.

Ему отзвонился Тандаджи, сообщил, что визит задерживается — проблемы с придворным магом — и что пара часов свободного времени у Игоря есть. Полковник встряхнулся, вышел и попросил отвезти его к Люджине, в королевскую лечебницу.

Лечебница располагалась в городе, в отдельном здании недалеко от замка, и дойти туда можно было пешком минут за пятнадцать, но его со всем уважением отговорили, усадили в машину и доставили прямо на место. Строгий и уставший хирург в паре с главным виталистом приняли полковника вежливо, подробно рассказав о состоянии напарницы, стараясь заменять медицинские термины на доступные обывателю.

Семнадцать переломов, кровоизлияния во внутренние органы, тяжелое сотрясение мозга, надорванная селезенка, баротравма, обширный ушиб буквально всего тела. Игорь слушал и сжимал зубы, и даже заверения, что жизни северянки больше ничего не угрожает, не успокоили его. Он помнил, с какой силой врезалась в Люджину смертоносная волна, и внутри все болело — так сдавили грудь чувство вины и жалость.

— Главное, что позвоночник цел и череп, — успокаивал его врач, — а остальное сшили, сложили, виталисты поправили, закрепили. Отеки уходят, сейчас пострадавшая спит — и спать будет долго. Проснется — можно решать с транспортировкой, если захотите. Но я бы рекомендовал оставить здесь, у нас очень сильное отделение виталистов, на ноги поставят.

— Можно навестить ее? — спросил Игорь Иванович, и врач покачал головой, но потом посмотрел на него и со вздохом согласился.

— Там сейчас работает тройка виталистов, поэтому только из-за стекла, — предупредил он. — Отвлекать нельзя, уж извините.

— Это вы извините, — сказал Игорь с неловкостью. Ему было неудобно — хирург был очевидно вымотан. Но очень важным оказалось увидеть, что Люджина жива.

Капитан лежала в большой палате за огромным окном в стене, и у стекла в узком, тускло освещенном коридоре стояли несколько молодых людей в белых халатах, что-то записывали, тихо обсуждали.

— Практиканты из местной МагАкадемии, — сообщил врач, — выбрали специализацией виталистику, наблюдают за работой опытных коллег. Давайте вот тут с края встанем: и им не помешаем, и нам все видно будет.

За стеклом, вся в каких-то спицах, выглядывающих из гипса, капельницах, окруженная непонятными аппаратами с большим количеством мигающих в разном ритме разноцветных кнопок и экранов, лежала его напарница. Лицо — а он мог в этом обилии гипса и бинтов разглядеть только его — было спокойным и почти без синяков.

Кожа у нее и так была белой, а сейчас выглядела почти прозрачной. Под глазами залегли тени, губы были сухими и приоткрытыми, но дышала Люджина плавно. И на экране рядом ритмично и уверенно билась линия ее сердца.

По бокам и у изножья койки священнодействовали три виталиста. Никак иначе Игорь не мог назвать то, что видел там. Двое, как искусные пряхи, растянули кругом от одного к другому видимые даже ему белые пульсирующие линии, идущие от тела пациентки к ладоням виталистов. И от рук их в воздух тянулись линии более тонкие, создавая грубую, словно составленную из больших треугольников проекцию тела женщины над Люджиной. Третий медленно двигался вдоль проекции, держа над ней руки, замирая над какими-то участками, затем шагал далее. Вот он подошел к коллеге, который стоял у ног пациентки, сделал быстрое движение — и коллега перехватил нити жизни, начиная медленное движение от ног к голове.

— Держать не так сложно, как лечить, — тихо пояснил врач. — Они сейчас работают напрямую с аурой, а та уже, получив нужный импульс, активно заживляет повреждения. Через два часа их сменит вторая тройка.

— Когда она очнется? — спросил Игорь, потрясенный увиденным. Хирург пожал плечами:

— Как только организм поймет, что может работать без поддержки. Здесь прогнозы бесполезны.

Игорь еще немного посмотрел на работу мастеров стихии Жизни и отправился обратно. Но по пути попросил завезти его в ближайший храм, где принес жертву всем богам и попросил как здоровья для напарницы, так и благословения для тех, кто лечит ее.

* * *

Королева Василина прибыла в замок Бермонт только к полудню, строгая и нахмуренная. Ее сопровождали немного смущенный придворный маг, от которого остро чувствующие берманы тут же унюхали мощный и основательный сивушный запах, мрачный принц-консорт, напрягшийся сразу, как они вышли из телепорта в зал, полный придворных, и невозмутимый Тандаджи, взирающий на окружающих с видом человека, достигшего абсолютной гармонии.

Демьян встречал венценосную коллегу лично, и они расцеловались, как брат и сестра. Мариан хранил напряженное молчание и только сжимал кулаки, наблюдая за происходящим.

— Расслабься, брат, — тихо сказал ему Бермонт, когда Василина прошла чуть вперед, к приветствовавшей ее королеве-матери. — Мне тоже нелегко в полную луну, а ты еще и не тренирован. Поверь, твою женщину никто не тронет, для берманов это невозможно. Но если ты не прекратишь глядеть вокруг с таким видом, будто готов к убийству, кто-то из моих людей может не выдержать и вызвать тебя на бой. Убери вызов из взгляда.

— Если бы я еще это умел, — ответил Байдек. Было видно, что ему даже говорить сложно.

— Просто сосредоточься на ней, а не на окружающих, — посоветовал Демьян. — У тебя хотя бы есть отвлечение. Намного труднее, когда женщины нет, поверь. У нас больше всего драк во время полнолуния, поэтому и туристов пускаем неохотно. Они не понимают, что нельзя подходить к нашим женщинам, вот и случаются иногда инциденты. Или ведут себя вызывающе, шумно, тогда молодняк и срывается.

— Как же вы сосуществуете с местными людьми? — удивился Мариан, следя взглядом за супругой. Она с мягкой улыбкой слушала матушку Бермонта, леди Редьялу, с которой была знакома еще с допереворотных времен.

— Мы уважаем их обычаи и нравы, они уважают наши, брат. А иначе никак. — Демьян кивнул в сторону Василины. — Пойдем, покажу вам вашу... сестру.

Медведица носилась во внутреннем, крытом магическим куполом дворе замка, прыгала за птичками, терлась о деревья, жевала траву. Здесь было лето. Огромный двор был зелен и свеж и напоминал опушку леса с поляной перед ней. Цвели полевые цветы, качались лиственные деревья, пели птицы. Все это резко контрастировало с мрачной, готической красотой замка Бермонт, с его высокими помещениями, узкими витражными окнами, множеством звероподобных скульптур и серым камнем стен. Здесь, наверное, поместился бы целый стадион, и Василина подумала, что им в Рудлоге тоже не помешал бы такой кусочек лета.

— У нас очень долгая зима, — пояснил Демьян, — поэтому почти в каждом замке линдмора есть зимний сад. С магическими куполами мало, конечно, в основном со стеклянными. А ей в покоях скучно, грызет все, вот и привели сюда. Здесь тепло, купол защищает от холода, ну и интересно ей.

— Полина? — недоуменно позвала королева, с сомнением глядя на зверя, лакающего из маленького прудика воду. Медведица подняла голову, повертела ею, увидела Василину и бросилась к ней.

— Узнала?! — Королева обрадовалась, упала на колени, стала тереть подбежавшую мохнатую сестру, чесать, гладить. Было видно, что опыт общения с медведями у нее есть.

— У ее высочества первый оборот, — продолжал объяснять Бермонт, — в это время сознание... ну примерно как у младенца. Медведица подавляет в ней взрослого человека. Но это пройдет, с каждым разом поведение будет все осознанней.

— А почему так произошло? У нас в семье, кроме Мариана, берманов точно не было, — спросила Василина, поднимая глаза. — Или это из-за нашей семейной полиморфии? Пол всегда была талантливее нас всех в оборотах, но, насколько я знаю, в таком состоянии нельзя находиться более получаса... хотя у нее получалось и дольше. И почему медведица?

Полине надоело ласкаться, и она ткнулась носом в ногу Демьяна, внимательно обнюхала Байдека, потерлась об него и ускакала обратно в сад.

— Она такая маленькая, — задумчиво проговорила королева. — Мариан, когда обернулся, был очень большим медведем.

Они опять посмотрели на развалившуюся на лужайке мохнатую принцессу. Та увлеченно терла лапой нос.

Бермонт улыбнулся:

— Это зависит от внутренней зрелости, Василина. Барон, по всей видимости, был человеком развитым и внутри и снаружи. А Полина внутри еще ребенок. Вот и проявился такой... медвежонок.

Что-то такое было в его интонации, что Василина перевела взгляд на коллегу и подняла брови — он смотрел на Пол почти с умилением, достаточно странным для его обычно бесстрастного лица. Переглянулась с мужем — тот тоже это заметил.

— А что касается причин оборота, — наконец продолжил Демьян, — то это не ваше семейное свойство, а скорее наше. Но, извини, я бы предпочел, чтобы сестра сама рассказала тебе об обстоятельствах произошедшего. Подожди до конца полнолуния — и все узнаешь.

— Демьян. Поссоримся, — очень спокойно, но с металлом в голосе произнесла королева Рудлога, и Байдек с удивлением глянул на свою мягкую жену. — Не надо скрывать от меня информацию. Это

все-таки моя сестра. Я благодарна, что вы нашли ее, но обстоятельства меня, признаюсь, очень смущают.

— Не сердись, ваше величество. — Демьян проследил взглядом за медведицей. — Я не собираюсь ничего скрывать. Это скорее вопрос этики. Я обещаю тебе, что все расскажу. Погостите у меня до конца полнолуния? Она может обернуться обратно в любой момент, заодно и поговорите. Согласна?

Василина хмурилась, колебалась, бросила взгляд на мужа, и тот неохотно кивнул.

— Хорошо, — сказала она, — мне все равно нужно побеседовать с Тандаджи. Только, Демьян, никаких торжественных обедов и прочих официальных вещей. Я бы предпочла, чтобы этот визит вообще не освещался.

— Конечно, — кивнул Бермонт. — Все будет по-семейному. Сейчас вам покажут ваши покои. Там есть кабинет, сможешь поработать, если будет нужда. Но прежде прошу на обед, матушка счастлива увидеть тебя снова и хотела бы продолжить общение.

Они уже выходили из внутреннего двора в замок, когда Василина спохватилась:

— А что, если она обернется, пока нас не будет?

— Здесь смотрители — женщины, — успокоил ее Бермонт, — они сразу же дадут знать, если что-то произойдет. И одежду сюда уже принесли. Ну и я... буду заглядывать...

После обеда Василина не удержалась и еще раз зашла во внутренний двор. Там было совсем жарко, будто на юге в летний полдень. Медвежонок Полина сладко спала на лужайке, лежа на боку и вытянув лапы, и вид у нее был самый умиротворенный.

— Медведей в нашем семействе прибавилось, — сказала она со смехом Мариану. На душе уже воцарился покой: сестра на месте, жива, здорова, ну а мех и лапы — кому они когда-нибудь мешали?

Муж обнял ее, притянул к себе. Смотрительницы, стойко дежурившие тут же, деликатно отвернулись.

— Мне кажется, на эту конкретную медведицу уже претендует другое семейство, василек.

Она скосила глаза — в низком темном окне первого этажа, выходящем во двор, виднелась высокая и мощная фигура короля Бермонта. Стало почему-то еще смешнее, и в то же время было как-то жаль коллегу.

— Пойдем. — Василина развернулась и зашагала ко входу во дворец. — Думаю, нас уже ждет Тандаджи.

Начальник разведуправления был не один. У кабинета, предоставленного Демьяном, стоял Стрелковский, и королева, после перехода в Бермонт видевшая Игоря лишь мельком, тепло поприветствовала его. Она была в хорошем настроении и, изящно опустившись в кресло, попросила рассказать, как велись поиски сестры и каким образом удалось ее найти.

Говорил Игорь Иванович, и по мере его рассказа лицо ее величества принимало все более бесстрастное выражение, и только сжатая линия губ выдавала ее напряжение, да еще постепенно холодеющий воздух в кабинете. Мариан обеспокоенно поглядывал на супругу и тоже слушал. О том, что Пол вылетела с первого курса. О том, как она искала работу и попала в «школу охраны». О том, как «школа» оказалась учреждением для взращивания воров. О ее «делах». О том, что «школа» ликвидирована и принцессе больше ничего не угрожает. О последнем задании и о том, как Стрелковский поехал с напарницей в Бермонт, и о случившемся у сопки. О темном, который чуть не убил сестру королевы, если бы не подоспевший вовремя Демьян.

Игорь рассказывал сухо, без упоминания тех деталей, которые ему поведал король Бермонта, а сам в этот момент думал, как же похожа молодая королева на мать — именно сейчас, когда она растеряна, обеспокоена и зла. Он очень хорошо изучил Ирину, умел считывать ее эмоции по малейшим признакам и теперь видел те же проявления на лице ее дочери. Вот она чуть нахмурилась, вот прикрыла глаза, а сейчас выпрямилась еще сильнее, развернув плечи так, будто готова поднять гору.

— Благодарю, Игорь Иванович, — ровно произнесла Василина, когда полковник замолчал. — Господин Тандаджи, почему мне не сообщили, что Полину нашли, сразу, как появилась информация от этого, — она презрительно скривила губы, — учителя?

— Нам нужно было убедиться, что ее высочество действительно на месте, — объяснил невозмутимый тидусс, — чтобы не беспокоить вас понапрасну. Тем более что в пятницу произошел известный... инцидент. Я пытался поговорить с вами...

— Да, я помню, — нетерпеливо и раздраженно сказала королева. — Хорошо. Спасибо вам за работу. Теперь осталось выслушать Полину... и Бермонта, если он выполнит обещание... Игорь Иванович, какова вероятность, что темный остался жив?

— Его тело не нашли, — сообщил Стрелковский, — поэтому вероятность есть. Пролом в земле очень глубокий, туда, как мне сообще-

ли, спускались люди Бермонта. Возможно, он и лежит где-то под обвалом почвы, но исключать то, что он смог спастись, нельзя.

— Значит, нужно убедиться, — резко высказалась Василина. — Вы ведь тоже помните, что такое эта демоническая сила?

— Помню, — сдержанно подтвердил полковник.

— Сделаем все возможное, ваше величество, — добавил Тандаджи.

Она помолчала, и мужчины с некоторой опаской глядели на королеву, пытающуюся успокоиться.

— Есть еще что-то, о чем я должна знать, господин Тандаджи?

Тидусс поймал предупреждающий взгляд Мариана, который отчетливо говорил: «О заговорщиках ни слова!»

— Да, ваше величество.

Принц-консорт заledenел и даже чуть подался вперед.

— Нам стало известно, что в Магическом университете, возможно, скрывается еще пара темных. Я разговаривал с ректором, и господин Свидерский сообщил, что они с коллегами пытаются вычислить их и поймать. Собственно, то, что Александр Данилович выглядит сейчас стариком, является частью плана — он намеренно отсек часть своей силы, чтобы заманить демонов и уничтожить. Я распорядился об усилении охраны в университете. Также не успел сообщить вам, по той же причине, простите, ваше величество...

Начальник Управления госбезопасности склонил голову. И Стрелковский, и королева, и Байдек глядели на него с беспокойством и удивлением.

— Свидерскому оказать полноценную помощь, — скомандовала Василина. — Алину, — голос ее дрогнул, совсем незаметно, — нужно убрать из университета. Она сейчас во дворце, я поговорю с ней. Это все, господин Тандаджи?

— Все, — сказал он после небольшой паузы и увидел, как расслабился Мариан.

— Тогда вы свободны, можете возвращаться в Иоаннесбург. Господа, сделайте все возможное, чтобы избавить мою страну от темных, — говорила Василина с силой, — и я достойно вознагражу вас.

— Мы это сделаем и без всякой награды, ваше величество, — ответил Тандаджи, и они откланялись.

Стоило им выйти, Василина вскочила с кресла, нервно заходила по кабинету. Остановилась у окна, пытаясь успокоиться. За стеклом шел снег и одновременно светило солнце, Ренсинфорс был красивый, нарядный со своими яркими цветными домами на холмах, кривыми дорогами и белоснежным покровом на крышах и улицах,

и королева Рудлога некоторое время наблюдала за снующими внизу машинами, спешащими по своим делам людьми, чтобы привести мысли в порядок.

— Почему Полина ничего не сказала нам? — спросила она горько, прижимаясь к теплому телу подошедшего сзади мужа.

— Спросишь у нее, — ответил Мариан, глядя ее по рукам сквозь тонкий трикотаж. Она была вся напряжена и зажата, и он развернул ее к себе, взял на руки, поднес к креслу, усадил на колени и продолжил гладить, как маленькую.

— У нас всегда в семье было бесконечное доверие, Мар, — жаловалась супруга, прижимаясь к нему и вздрагивая от нервного напряжения, — а тут узнаешь, что родной человек что-то скрывал, жил двойной жизнью, да еще и вляпался в преступность. Я плохая сестра. Ведь сто раз с ней разговаривала по телефону и ничего не почувствовала, не поняла! Ведь могли же уберечь, ну ужели не поддержали бы, когда вылетела из института?

— Вы все очень гордые, — только и ответил он. — Ей, наверное, стыдно было признавать поражение.

Василина завозилась, поднимаясь с его колен.

— Надо звонить Алине, — объяснила она. — И да, ты прав, иногда наша гордость нам мешает. Я вот знаю, что мне ответит сестра сейчас. А мне так страшно, Мариан, ужасно страшно! Я видела, что может сделать один демон. А теперь их трое, что мы можем противопоставить им? Мама была опытнее, но и то не смогла...

— Алло? Васюш, привет! Как там Полли? — Алинка была весела, голос звучал звонко, радостно. — Мы с Маринкой с утра по магазину нам, ужасно расстроились, что не застали вас. Очень хотим ее увидеть!

— Да мы в нашем дворце буквально на три минуты появились, очень торопились в Бермонт. Потом все расскажу. Сейчас звоню по другому поводу, — голос королевы опять звучал уверенно и спокойно. — Ребенок, тебе сейчас нельзя возвращаться в университет. Там ловят демонов, сама понимаешь, как это опасно. Поживешь во дворце, пока все не закончится.

— Демонов? — странным голосом переспросила пятая принцесса. В трубке раздался глухой и взволнованный голос Марины, переспрашивающей у сестры, о каких демонах речь. — Ах, вот в чем дело... Василин... не сердись, но я не могу пропускать. У меня только-только стало получаться. Я буду осторожна, обещаю...

— Алина, — резко проговорила в телефон королева, — это не обсуждается. Тебе уже не пять лет, и учеба не стоит твоей жизни. Останешься во дворце, это хотя бы безопасно.

— Н-не останусь, — упрямо сообщила Алинка, и Василина сжала трубку, стукнула ладонью по столу.

— Сестренка, я не буду тебя уговаривать. Я могу просто приказать не выпускать тебя, даже если ты меня за это возненавидишь.

— Если т-ты это сделаешь, — крикнула Алина в трубку со слезами, — я никогда с т-тобой не б-буду разговаривать! И в-все равно сбегу! Василина! П-пожалуйста!!! — в ее голосе появились умоляющие нотки. — Ну хочешь, я б-буду жить во дворце, только ходить на занятия и возвращаться к вам? Там несколько т-тысяч студентов, все будут учиться, а я дома сидеть? Пожалуйста!!!

Василина сама уже чуть не плакала, беспомощно глядя на мужа.

— Алиш, ну хватит реветь... Алина! Хорошо. Но я сообщу ректору, что тебе нужна особая охрана. И после пар сразу домой, ладно?

— Васюш, н-не говори, пожалуйста, — продолжала всхлипывать сестренка. — Я только-только нашла друзей, а к-как мы будем общаться, если они узнают, кто я? Все сразу поймут, что ко мне особое отношение, охрану в-ведь не скроешь.

— Не реви, богов ради, — жалобно сказала королева, — я подумаю, ребенок. Подумаю. Пока говорить не буду. Но сегодня же подойдешь к Кляйншвитцеру, он установит тебе сигналку на мгновенный перенос. И если что, сразу беги! Понятно?

— Спасибо, — шмыгала носом младшая принцесса, — спасибо большое, сестренка, я так тебя люблю! Ты самая лучшая, самая понимающая, самая добрая и...

— ...Самая глупая и безвольная... — проворчала Василина в трубку. — Мы возвращаемся завтра, Алиш. Завтра и поговорим еще раз.

Она положила телефон и обернулась к Мариану.

— Я управляю целой страной, — сказала королева растерянно и печально, — но не могу справиться со своей семьей. Если с Алиной что-то случится, я себе этого не прощу... Была бы на моем месте Ангелина, она бы даже слова сказать не дала — заперла, и все дела. Я слишком мягкая.

— Я люблю тебя именно такой, — ответил Мариан. — Василек, я прослежу, чтобы ее охраняли и защищали. И Тандаджи уже говорил об усилении охраны. Если что — запрю лично, не сомневайся.

Она улыбнулась, но в глазах стояли слезы.

— С ужасом думаю, как буду справляться с детьми, когда они войдут в переходный возраст. Нет у меня нужной жесткости.

— Для этого у тебя есть я, — спокойно произнес муж.

* * *

В это же время король Бермонта, несколько подзабросивший дела за прошедшие три недели, встречался с главами кланов. И хотя они признавали его превосходство, разговор получался тяжелый.

Иерархия в аристократии берманов была очень жесткой, и воля короля не оспаривалась. Но при этом традиция требовала уважительного отношения к мнению ліндморов и признавала за всеми равное право на озвучивание оногo. Уважительное озвучивание, конечно. А то можно и на бой нарваться. Слишком многие из присутствовавших помнили, какая тяжелая рука у нынешнего короля — или лапа, в зависимости от формы поединка.

Зал Совета кланов был высок, мрачен, как и весь замок, и холоден. Единственный из всех залов он освещался свечами — традиция, чтоб ее, — и отапливался печами. По серым стенам яркими пятнами висели портреты королей династии Бермонт, а стену за монархом украшало огромное, искусно рисованное древо кланов с витиевато выписанными названиями родов. Все они вели свою родословную от Хозяина лесов, но линия Бермонт была старшей, хоть ее первенство и оспаривалось регулярно в поединках. Но сейчас поединок шел словесный.

— Мой король, — почтительно говорил старый и седоусый Теодор Бергстрем, глава одного из сильнейших кланов, — прошел слух, что вы хотите взять в жены чужестранку, принцессу Рудлог. Правда ли это?

Они сидели на больших, укрытых оленьими шкурами строганых стульях, за тяжелым длинным столом, в строгом соответствии с иерархией.

— Правда, — кивнул Демьян хладнокровно. По сравнению с огромным Теодором он выглядел почти стройным, но тот уступил ему в трудном бою десять лет назад, и с тех пор не было бермана вернее. И говорить ему было позволено многое.

— За всю историю Бермонта всего несколько раз король брал себе женой женщину не из берманов, — продолжал Бергстрем, — и мы знаем, что иноземки очень тяжело принимали наши обычаи и с трудом вписывались в нашу среду. Не лучше ли отказаться от этого брака и выбрать кого-то из наших дочерей, как мы просили? Любая будет счастлива быть с тобой, мой король, и станет послушной и пре-

данной женой, которая не создаст проблем и родит столько медвежат, сколько сможет.

Важно слушающие старшего линдморя одобрительно закивали, без настойчивости, впрочем. Демьян ждал — Теодор еще не закончил говорить.

— Ты знаешь, мой король, — степенно продолжил Бергстрем, — что нет сильнее уз для преданности, чем узы крови. Если ты породнишься с сильным кланом, то он перейдет под твою руку на все время твоего правления. Разве тебе не хочется этого? Кровь наших дочерей сильна, среди них нет некрасивых или глупых. Разве может какая-то чужестранка, да еще и из людей, сравниться с ними?

Он замолчал, сложил руки на столе, показывая, что закончил.

— Благодарю вас, что пришли поговорить со мной, — низко и бесстрастно сказал Демьян, и берманы склонили головы, признавая силу, чувствуящуюся в его голосе. — Согласен, что дочь любого из кланов достойна стать моей королевой. Однако я уже принял решение. Эта женщина из древнейшего рода потомков Красного, и к тому же она, как вы знаете, умеет принимать и нашу форму. Брак с ней позволит Бермонту заключить выгодный союз с большим и богатым Рудлогом, что поднимет благосостояние наших людей. Плюс ее сила. Вы помните легенду о том, как успокоились смертоносные бураны у нас в предгорьях, когда мой предок женился на дочери Белого Целителя Воздуха? Красная принесет нам тепло. И благословение Красного Воина.

— Хозяин не очень-то жалуется Воина, — напомнил еще один линдмор, когда Демьян замолчал. — Не осерчал бы.

— Без благословения брака не будет, — пообещал Бермонт. — К тому же вы знаете, что при женитьбе главы государства на чужестранке вы можете снова попробовать свои силы на трон. Я не буду преследовать никого, если кто решится. Это традиция.

— Хорошо, что ты уважаешь традиции, мой король, — удовлетворенно сказал Бергстрем, оглядывая оживившихся линдморов. — Будут славные бои.

* * *

Полина перекинулась обратно только вечером, перед ужином. Смотрительницы тут же отдали ей одежду, проводили до покоев, сообщили королю. Василину известили слуги и провели ее в комнаты к сестре.

— Боги, какая ты высокая! — Королева крепко обняла немного помятую четвертую принцессу, и та сжала ее в ответ, вздохнула тяжело.

— Мне надо многое тебе рассказать, — сказала Полина с усилием. — Только я очень хочу есть, Васюш. И... можно Демьян тоже будет присутствовать?

Ужин проходил в очень узком кругу — два монарха, Мариан и увлеченно уплетающая огромную порцию жаркого Полли. Она собрала светлые, сильно отросшие волосы в хвост и казалась очень худенькой и угловатой, как подросток, со своими длинными руками и ногами.

Второй раз за день королева слушала историю младшей сестры и теперь была гораздо спокойнее.

— Я пробралась в замок за подвеской, — говорила Полина, — и здесь наткнулась на Демьяна. Я же не знала, что ты уже королева, Васюш! Я бы не пошла, честное слово! Он не узнал меня сначала и попытался схватить, — Василина бросила острый взгляд на Бермонта, обещающий серьезный разговор о том, почему он не сообщил ей о встрече с Полиной, — и я его... покусала. До крови. Видимо, поэтому и произошел оборот, меня после этого ломало, все мышцы болели, но я думала, что это из-за болезни. А потом я испугалась и улетела...

— Ты только не волнуйся, Полин, — с беспокойством попросила королева, уже поставленная в известность, что может произойти и обратный оборот. — Лучше поешь, а потом расскажешь. Не ходишь же голодной.

Полина мотнула головой. Демьян с каменным лицом очищал терпко и сладко пахнущий мандарин. На столе вообще было много фруктов, даром что страна северная. Но Бермонт активно торговал с Эмиратами и Маль-Сереной.

— А потом он нашел меня в Обители, — рассказывала чуть позже четвертая Рудлог, — но я решила, что сначала надо разобраться и закончить свои дела, чтобы не подставлять под удар семью, а потом уже возвращаться.

— Со школой все решено, Полин, — сообщила Василина, — разведуправление постаралось. Так что не бойся ничего.

— Да сейчас меня все равно и не узнал бы никто, — легко ответила Полина, — но это очень хорошая новость. Надо будет сказать спасибо.

— Скажешь, — пообещала королева. — Будет возможность. Твое дело расследовал Стрелковский, помнишь его? Он вернулся.

— Конечно помню, — обрадовалась Пол, — я в детстве его просила меня стрелять научить. Но он, пока мама не разрешила, не соглашался. Хороший дядька.

Произошла смена блюд, принесли десерт, Полине отрезали огромный кусок торта, а она все ела и ела и не могла остановиться.

— Я смутно помню то, что произошло, когда я прилетела на сопку, — заканчивала она свой рассказ, и голос ее немного дрожал, несмотря на показную бодрость. Видимо, за этой бойкостью и кажущимся легкомыслием принцесса пыталась спрятать стыд и страх. — Помню, что человек, который пытался меня убить, оказался магом. И что сначала его отвлекли какие-то люди, женщина и мужчина. Страшно было ужасно... я уж думала, больше не увижу вас. А потом пришел Демьян и спас меня.

Она подняла глаза и взглянула на Бермонта. Тот посмотрел на нее и слабо, чуть заметно улыбнулся.

Повисла пауза. Мариан усердно пил воду из высокого стакана. Василина подняла брови и покачала головой.

— Гляжу, ты уже определился с тем, кого из сестер хочешь в жены, Демьян? — сурово спросила она.

— Определился, — согласился сын Хозяина лесов, с неохотой переводя взгляд на коллегу. Полина уткнулась в тарелку и покраснела.

— А ты, Пол? — не менее серьезно обратилась королева к сестре. — Ты считаешь, что готова к замужеству? К переезду в другую страну? К чужой культуре? К детям?

— С Демьяном — готова, — смущенно пробормотала четвертая принцесса.

Королева вздохнула и с сомнением посмотрела на сестру, которая только-только выбралась из одной авантюры, но собиралась ввязаться в другую, уже на всю жизнь.

— Ты дашь свое согласие, Василина? — почти равнодушно поинтересовался Бермонт. Только чуть сощуренные глаза да вздувшиеся мышцы на шее выдавали его напряжение.

Королева думала и сердилась, что сама себя загнала в угол. Ну зачем подняла эту тему? Опять она не может проявить волю в том, что касается сестер.

— Мне нельзя волноваться, — кротким голосом напомнила Полли, — не хочу спать сегодня на земле и в шкуре. Васю-ю-юш...

— Хорошо, — сухо озвучила свое решение ее величество. — Но, Демьян, чтобы все было по-человечески! Наша семья и так на виду, не хочется скандалов. Визит, помолвка, потом свадьба.

— Конечно, сестра, — улыбнулся король Бермонта. — Я счастлив, благодарю тебя. Обещаю, все будет прилично и правильно.

Ночью, когда в замке Бермонт погасли огни и только стража да ночные слуги несли свою службу, а напереживавшаяся за день королева уснула в объятиях мужа, в гардеробной покоев, отведенных принцессе Полине, тихо скрипнула потайная дверь. В комнату осторожно вошел мужчина и, мягко, аккуратно ступая, чтобы не слышала охрана в коридоре, прошел в темную спальню.

Девушка мирно дышала, укрывшись тяжелым одеялом, и он чуть постоял над кроватью, выдохнул тяжело. Решился и скользнул к ней, прижался, прикоснулся губами к макушке, потерся о спутанные длинные волосы. Легко пробежался рукой по талии, прикрытой тонкой сорочкой, сжал кулак, практически отпрянул. Голова кружилась, тело тянулось к ней, и он почти пожалел, что пришел. Надо уходить, иначе обещание, данное Василине, точно не выполнит. И напугает невесту снова. Надо уходить.

Он убеждал себя, и все медлил, и вдыхал ее запах, мучаясь, но тут принцесса засопела громче, повернулась к нему, такая теплая и сонная.

— Я уж думала, ты не придешь, — прошептала она ему в губы, и глаза ее блестели.

— Я не смог удержаться, — покаянно шепнул он в ответ. — Завтра ты уедешь, и сколько еще ждать?

— А не нужно было соглашаться на долгие помолвки, ваше величество, — с упреком тихо сказала Полина. — Сам виноват. А если я за это время влюблюсь там в кого-нибудь порасторопнее?

Она шутила, но Демьян сжал зубы, схватил ее — Полли только ойкнула — и прижал к себе.

— Тогда я убью сначала его, потом тебя, — прорычал он ей на ухо. — Запомни, Пол!

— Что за чудесного мужчину я себе выбрала, — произнесла она с насмешкой и совсем без страха. — Не сжимай ты так, медведь ты бешеный!

Демьян не устоял, поцеловал ее прямо в смеющиеся губы, потом снова и снова, утверждая свои права, пока она не начала тяжело дышать, и прижимать его к себе сильнее, и тереться об него всем своим длинным гибким телом. Ему так хотелось посмотреть, какая она,

и попробовать ее снова, и ощутить под руками ее кожу, что он застал низко, вибрирующе, и все-таки отодвинулся, оставив на ее животе свою горячую большую ладонь.

— Нельзя, — сказал он сдавленно и провел пальцами ниже, дернулся, — Полюш, как же я хочу... нельзя...

Она протянула руку и погладила его по плечу.

— Но просто побыть со мной ты можешь? Демьян? Просто посним вместе?

— Ты думаешь, я смогу заснуть? — признался он глухо.

— Тогда уходи, — рассердилась принцесса. — Уходи, и будем ждать свадьбы!

Демьян снова стиснул ее, поцеловал, чувствуя, как неумело она отзывается, и радуясь этому, почти ликуя. Полина сердилась, уворачивалась, но не выдержала, обмякла, приоткрыла губы, и он долго-долго касался их, то сильно и напористо, то мягко, изучая и обучая ее в полной тишине, прерываемой лишь вздохами.

Он не смог уйти и все-таки заснул, прижимая к себе свою Рудлог. Завтра он попробует убедить Василину ускорить и помолвку и бракосочетание. Или придется искать способы проникать по ночам во дворец в Иоаннесбурге. Иначе он точно не выдержит.

На следующий день после обеда королевская чета Рудлог уехала, забрав с собой вышедшую из полнолуния Полину. Она больше не оборачивалась и выглядела очень довольной, периодически улыбаясь так, будто готова захихикать. Василина поглядывала на нее, но ни о чем не спрашивала. А если бы и спросила — разве могла Пол поведать, как с утра топала по этажу стража, разыскивая пропавшего короля, и как проспавший Демьян спешно собирался, опасаясь, что кто-нибудь особо догадливый пошлет горничную заглянуть в покои к маленькой медвежьей невесте, и тогда скандала точно не избежать, как и напряжения в отношениях с Рудлогом. И как целовал он ее у потайной двери и обещал, что скоро они увидятся. И как на прощанье, вежливо и почтительно провожая высоких гостей, незаметно вручил ей простенькое колечко, попросив держать постоянно при себе.

«Это ориентир», — сказал он тихо.

Колечко поблескивало у Полины на пальце, напоминая о серебряной обручальной паре и будущей свадьбе, родные не ругались и не стыдили ее, с учителем проблема была решена — что еще нужно для счастья девятнадцатилетней принцессе?

Мариан Байдек

Ближе к вечеру, оставив воссоединившуюся семью, Мариан Байдек отправился в Зеленое крыло. Луна отпускала его, возвращалось привычное хладнокровие. И вместе с ним — желание пообщаться со слишком хитрым начальником Управления госбезопасности. Тем более что появилась важная информация — с утра в замке Бермонт состоялся еще один разговор между Василиной и Демьяном. И пусть закончился разговор этот так, что Байдек до сих пор испытывал желание прервать род Бермонт на нынешнем короле, Тандаджи должен знать и принять меры.

Демьян после завтрака пригласил их в свой кабинет и еще раз принес извинения за то, что не поставил королеву Рудлога в известность о появлении Полины. И Василина, величественно склонив голову, приняла их. Она вообще не умела долго сердиться, его мягкая жена, но Мариан уже замечал, как меняется она на публике, как становится более твердой, властной. Кровь брала свое.

Однако в семье, рядом с ним, Василина оставалась его маленькой и нуждающейся в заботе принцессой. И иногда — маленькой и нуждающейся в поддержке королевы. К его счастью.

Мариан снова вернулся мыслями к утреннему происшествию. Бермонт подробно рассказал про поиски Полины, а в конце передал слова темного. О том, что ему нужна или подвеска, или кровь Рудлогов.

— А можно посмотреть на подвеску? — попросила Василина. — Хотелось бы понять, что в ней такого.

— Конечно. — Демьян снял цепочку с шеи, протянул ей. — Только к камню не прикасайся, это фамильная вещь, неизвестно, как на тебя среагирует.

Королева Рудлога кивнула и осторожно взялась за цепочку. Камень был почти непрозрачный, блестящий жирным глянцем, и будто светился изнутри, мерцая кроваво-красными и темно-лиловыми в черноту, как последние закатные облака на фоне наступившей ночи, прожилками.

— Странно, — сказала Василина, — у меня такое ощущение, будто кто-то из семьи рядом... очень сильная вещь...

Она прикрыла глаза и вдруг дернулась, с ней вместе дернулся и Мариан, вскочил, наблюдая, как закатываются глаза у супруги, как ее трясет.

— Не трогай ее! — резко крикнул Бермонт. Байдек зарычал, и король зарычал в ответ, останавливая его. Но барон не сдавался, двигаясь вперед, к жене, преодолевая ломающий волю приказ.

— Я слышу голоса, — говорила Василина с трудом, и от ее пронизанного болью голоса Мариана выкручивало и тоже трясло, — крики, и мелодию или длинный крик, который за века сложился в музыку... был бой или война двоих... и женщина кричит... нет надежды, нет! Нет надежды! — вдруг взвизгнула, закричала оглушительно не своим голосом и заплакала, завывала, словно убитая горем вдова. — Нет! Надежды! Что же вы наделали! Как нам все исправить!!!

— Не смей, — рычал Бермонт, показывая клыки, — нельзя!

Мариан двигался вперед — шаг, второй, — пока его жена выла, раскачивалась, и камень подвески качался вместе с ней. Демьян прыгнул на принца-консорта, прижал к полу, оскалился ему в лицо:

— Брат! Нельзя! Верь мне, убьешь ее, если остановишь! Не вернется! Надо, чтобы сама!

— Ложь порождает ревность, ревность порождает ненависть, — говорила королева чужим горьким голосом, — ненависть порождает месть, месть порождает войну. Сколько войн вам понадобится, чтобы заполнить эту пустоту? Сколько войн принесет он, чтобы вернуться? Разве я буду с кем-то из вас вместо него? Безумцы!

Байдек уже был на грани оборота, когда Василина устало и обреченно выдохнула:

— Что заперто кровью, то кровью и откроется. Так я сказала. Обет даю на века.

Подвеска выпала из ее руки, и Бермонт, невероятно быстро метнувшись к королеве, подхватил фамильную реликвию и вернулся на свое место как ни в чем не бывало. Василина с закрытыми глазами медленно падала из кресла вперед, и Мариан бросился к ней, придержал, обнял, мечтая только об одном — увести ее отсюда. Нет, сначала убить короля дружественной державы, а потом увести.

— Не смотри на меня так, брат, — невозмутимо сказал Бермонт, — я понятия не имел, что нахождение рядом с Лунным глазом так действует на нее. Мне, чтобы открылся дар прорицания, нужен настой из травы гаммары и ночь в храме рядом с Глазом, а тут вот как... не рычи... я сильнее... говорю, не знал. Прости.

— Мне хочется свернуть вам шею, — очень непочтительно признался Байдек, вглядываясь в лицо жены: она хмурилась, ресницы дрожали, словно она пыталась открыть глаза или проснуться. Сколь-

ко еще испытаний должна вынести его супруга? То кровь из нее сосут, то корону навязывают, то вот сейчас какие-то то ли пророчества, то ли воспоминания передают...

— Это полнолуние, — усмехнулся Демьян. — А ты солдат. Не тренирован ты просто. Неси ее в покои, сейчас вам принесут тонизирующий отвар и сладкое, поесть ей надо хорошо, когда очнется. А я пока запишу, что услышал. Просто так камень не говорит, значит, надо понять.

Утро понедельника явно было утром покаяния Бермонта, потому что, как только Василина пришла в себя, Демьян снова явился и снова принес извинения за непредвиденный инцидент. Байдек глядел на него мрачно, и королева заметила напряжение между двумя мужчинами, насторожилась.

— Мариан пересказал мне то, что я говорила. — Василина сдержанно покачала головой. — Объяснишь мне, что это значит?

— Если учесть, что перед этим мы как раз рассуждали о том, зачем темным твоя кровь, то это может быть ответом, — озвучил свои догадки Демьян. — Чтобы что-то открыть. Осталось понять что. Впрочем, возможно, это и не так. Я соберу Совет после твоего дня рождения, сестра, подумаем все вместе. Ты говорила про войны, но откуда они сейчас, когда мы все зависим друг от друга? Ты не помнишь еще что-нибудь? Образы, звуки, запахи?

— Я вообще ничего не помню, — сухо ответила Василина.

— Ничего, зато я помню, — приободрил ее Демьян. — А если что позабуду, барон Байдек напомнит. Да, барон?

— Напомню, — сквозь зубы произнес Мариан. — У меня вообще хорошая память, ваше величество.

Король Бермонта легко улыбнулся в ответ на эти слова.

— У меня перед свадьбой будут бои, ваше высочество. Не хотите поучаствовать? Там меня можно будет бить... Хотя нет, в боях могут участвовать только неженатые соперники...

Он дразнил его, как щенка, и принц-консорт вдруг успокоился, осознав, что ведет себя глупо. Василина смотрела встревоженно и строго, и придется ей рассказать о случившемся — просто потому, что он не сдержался снова и повел себя совсем не дипломатично.

— Благодарю, ваше величество, — ответил Байдек ровно, — у меня уже был один бой недавно. Боюсь, я не достоин.

— Наслышан, — усмехнулся Бермонт совсем не зло, — и смею тебя уверить, брат, ты достоин.

И теперь Мариан, шагая по коридору Зеленого крыла, морщился, вспоминая этот разговор. Умом он прекрасно понимал, что транс Василины — случайность, и Бермонт не виноват, и нужно быть благодарным королю соседней страны за то, что не дал прервать связь с проклятым камнем. Но все существо Байдека патологически рвалось защищать жену, а как защитить от того, что не понимаешь и не можешь остановить? Остается только защищать от того, что видишь и можешь предотвратить.

Тандаджи был в своем кабинете, хотя зал с сотрудниками почти опустел. Поднял голову, невозмутимо кивнул в знак приветствия.

— Рад, что вы зашли, ваше высочество.

— Почему меня нельзя было предупредить, Майло? — прямо с порога, резче, чем хотелось, спросил Мариан. — И почему это было сделано таким скандальным образом? Я же убить его мог!

Тидусс пожал плечами:

— Мы не ожидали, что вы так среагируете, ваше высочество, да и Кембритч перегнул палку. Нужно было всего лишь, чтобы его с позором выпроводили, скандал никак не получался, а вы сразу лицо бить... Вы уж извините, но если бы мы вас предупредили, то вы либо воспрепятствовали бы, либо все равно не сыграли бы достоверно... При всем уважении, ваше высочество, вы военный, а не актер...

— Да прекрати это выканье с высочеством, — раздраженно произнес Байдек. — Чего вы добивались?

— Чтобы ему поверили и раскрылись, конечно, — спокойно объяснил Тандаджи. — Но теперь-то, благодаря вам, то есть тебе, сомнений даже у самого недоверчивого заговорщика не останется. Достаточно только посмотреть на лицо бедняги Кембритча. Самый весомый аргумент.

Принц-консорт нахмурился — напоминание было неприятным.

— И что дальше?

— Дальше он будет просить у вас прощения, и у тебя, и у ее величества. На празднике дня рождения королевы, например. Уговоришь выслушать?

— Что же у вас так все сложно и грубо, — пробормотал Мариан. — Попробую, но ты должен понимать, что без последствий его выходка не останется.

— Сложно, — вздохнул Тандаджи с некоторой даже тоской. — Но это же Кембритч. Он тонко не работает, лупит самозабвенно сразу всей артиллерией, чтобы наверняка. Чтобы результат точно был. Вот и получает побочные эффекты в виде переломов и прочих увечий.

А к последствиям и я и он готовы. Только вот страну обезопасим, заговорщиков посадим — и на покой.

— Рановато ты о покое размышлялся, — оборвал его Байдек. — Есть новая информация. И кстати, Алина отказалась оставаться во дворце и ждать, пока Свицерский не поймает своих демонов.

— Да знаю уже, — печально проговорил тидусс. — Следим, охраняем, пасем. Но не обижайся, Мариан, иногда я очень жалею, что Рудлог такая просвещенная и цивилизованная страна. Периодически очень хочется перенести сюда некоторые строгие правила, касающиеся женщин, с моей родины. Было бы куда легче. Но имеем то, что имеем. Давай свою информацию, и будем думать. И да, — добавил он, — извини меня за пятницу.

ГЛАВА 3

Конец октября, Пески
Ангелина

«..Любопытно, что все драконы и почти все встреченные мной люди знают старорудложский. Владыка Нории объяснил это тем, что пятьсот лет назад Рудлог уже был самой крупной страной континента и лежал на пересечении торговых путей между Песками и другими странами. Старорудложский стал языком международным, языком торговли, а так как жители Песков торговали очень активно, через Пески ходили караваны из Эмиратов к Рудлогу и дальше и обратно, то местные знали оба языка. Собственный язык Песков очень красив, похож на эмиратский, и я уже привыкла к нему и улавливаю смысл...»

Обжигаящий зной пустыни постепенно покорялся осени, и вместо пекла наступила просто жаркая погода. Во всяком случае, было не жарче, чем в середине лета в Рудлоге, а к вечеру и вовсе становилось свежо и хорошо, и Ангелина отдыхала возле своих покоев, плавая в бассейне и с удовольствием кутаясь после в мягкие полотенца, подставляя уставшее тело ветерку, несущему горьковато-сладкий, волнующий аромат ночных цветов.

Разгромленные ею комнаты все еще ремонтировались, и принцесса жила на мужской половине. Бедные служанки курсировали чуть поодаль от бассейна с видом драконов, усердствуя в недопущении случайного мужчины к месту отдыха госпожи. Но во двор-

це уже знали, что нужно обходить покои шеен-шари Владыки стороной, — и в результате в огромном саду появилась еще одна тропинка, подальше от помывочной и открытого бассейна, а самую огромную чашу с водой огородили несколькими рядами полупрозрачных цветных занавесок, чтобы никто дерзкий не мог глянуть ни из окна, ни из-за дерева.

Занавески в наступающих сумерках колыхались от движения воздуха, подметая легкими подолами землю — глубоко-синие, изумрудно-зеленые, насыщенные почти до оранжевого желтые, ярко-красные. Цвета накладывались один на другой, отражались в подрагивающей воде бассейна, делая ее веселой и сказочной, будто в нее одновременно вылили набор жидких красок. И сама Ангелина, плывущая среди этого разноцветья, под пение оживающих к вечеру птиц, казалась себе лениво взмахивающей крыльями бабочкой на картине абстракциониста.

Очень хотелось дождя, просто до безумия. Чтобы смыл желтоватую пыль с мясистых листьев кустарников, с крон уставших деревьев, оживил острую и жесткую, как щетка, траву, и чтобы все стало таким отчетливо ярким, цветным и свежим, каким бывает только после хорошего ливня. И чтобы можно было вдыхать пронзительный запах, который бывает только после грозы, — запах упоительно чистого воздуха.

Люди Песков не знали дождя уже пятьсот лет, и эта цифра не складывалась в голове.

Прошло уже несколько дней после полета к морю и их договора с Нории, и принцесса, составив четкий план, неукоснительно следовала ему.

Найти дополнительную воду. И по приказу Владыки к Ангелине шли представители кочевников и жителей города, умевшие находить подземные резервуары с запасами пресной воды. Составлялись отряды, которые получали для обследования участки вокруг Истаила и отправлялись в путь.

Дело ускорило, когда оказалось, что драконы могут чувствовать воду на глубине, и теперь младая драконья поросль — близнецы Марит и Дарит и юная Медити — помогала людям, делала отметки, куда выдвигать группы для пробивания и обустройства колодцев.

Пусть работа была долгой и тяжелой, но в пустыне даже несколько лишних литров влаги — чудо. Люди слушали Ани почти с благоговением, не сомневаясь в ее словах, а ей было страшно: по тому ли пути пошла? Все ли решила правильно?

Большая часть найденных за эти дни запасов — а обнаружено было немного — находилась очень глубоко, на глубине нескольких десятков метров и более. Нужны были буры. И драконий дипломат Ветери, не без сомнения оставив управление городом неутомимой и упрямой невесте Владыки, улетел в Эмираты — налаживать дипломатические связи, договариваться о встрече правителей, организовывать торговлю и нанимать обслуживающий персонал.

Закупка и доставка тяжелого оборудования — дело небыстрое, займет минимум несколько месяцев, особенно в условиях бездорожья. И вторым пунктом в плане значилось начать прокладывать дорогу к границе с Эмиратом Тайтана. По понятным причинам это никак не могло быть современным шоссе. Но где-то под морем песка сохранились старые дороги из светлого камня, соединяющие между собой города и идущие к границам. Сейчас они были видны только в зеленой зоне Истаила и постепенно исчезали под барханами, уходя в пустыню. Было решено попробовать очистить ту, что вела к Тайтане. Работа предстояла практически неподъемная — больше четырехсот километров песка, без грузовой и уборочной техники, без топлива, на котором эта техника могла работать. Но о покупке техники и топлива еще даже не начались переговоры, а мужчины Песков уже начали работу по расчистке дорог. Договорятся — для техники будет меньше работы. Не договорятся — все равно дорога нужна как воздух.

Ангелина настояла, чтобы Нории привлек к охране строителей и поисковых групп от песчаников драконов из других городов, и дворец готовился к прилету крылатых гостей.

С драконами, вернувшимися вместе с Нории в Истаил после крушения Драконьего пика, у Ангелины сложился холодный нейтралитет. Она не обращалась к ним напрямую, действовала через Нории, и все они практически игнорировали ее — общение при случайных встречах оставалось на уровне вежливых приветствий. Однако Ани прекрасно умела распознавать отношение за масками равнодушия. И если пугающий ее громогласный и резкий Четери относился к ней снисходительно и иронично, тонкий и высокий Ветери, заплетающий длинные красные волосы в косу, — настроженно, но с явным интересом, подростки — с любопытством, то единственная взрослая драконица Огни просто исходила ненавистью. Нет, она была безупречно вежлива и спокойна, но ощущение, что красноволосая и гибкая молодая женщина готова перекусить Ангелину пополам, было очень явственным.

Издредка прилетал невысокий по сравнению со своими собратьями Мири, обосновавшийся на побережье и давший приют рыбакам. Вот с ним с самого начала диалог пошел пусть короткий, но вполне доброжелательный. Мири был поэтом и музыкантом, любил пофилософствовать и, видимо, поэтому спокойно и внимательно относился к ней.

Во дворец должны были прибыть еще полтора десятка драконов, и это означало, что частые встречи неминуемы и выстраивать отношения в отсутствие Владыки все-таки придется.

С людьми, подобранными Нории на места советников-министров, было куда проще. Они под управлением Ветери уже успели сделать немало — за короткое время была организована городская стража, открыт набор новобранцев в войска, которые одновременно исполняли обязанности полиции. Поставлен учет торговцев, прибывшего населения, началось ведение простейшей статистики по продовольственным запасам, стали работать храмы, взявшие на себя свадьбы и похороны. Первые происходили в храме Синей Богини, вторые, с кремацией, — во дворе Черного.

Оказалось, что еще пятьсот лет назад в городе существовала примитивная канализация с отстойниками и естественными песчаными фильтрами, поэтому, слава богам, никаких присущих ранним векам запахов не ощущалось. Но не было больницы, школ и роддомов, судебной системы — судили военные чины и старейшины, — тюрем — заключенных сразу отправляли на работы, — не существовало налаженной системы вывоза и переработки мусора, и в песке за городом росла помойка, привлекая шакалов и грызунов; практически не работали женщины, не функционировали банки и городские службы, и много-много чего еще не было, несмотря на то что жизнь города становилась более-менее налаженной. И все это нужно обустроить, создавать. И не забывать при этом об обещании проводить уроки для женщин из гарема.

Ангелина вздохнула, откидывая голову на упругую подушку софы и глядя на расцветающие над ней в теплой южной ночи звезды. На бумаге все казалось очень легким. Но чувство беспомощности и непонимания — с чего начать, за что хвататься, как с имеющимися ресурсами обеспечить развитие, — посетившее принцессу еще в первый день «работы», она помнила очень хорошо.

И сейчас, погруженная в бесконечные дела, она слишком хорошо понимала, что без материально-технической, кадровой, образовательной поддержки сильного государства Пески не восстановить. Бу-

дут они зелеными или нет — все равно между ними и современным миром пятисотлетняя цивилизационная пропасть. Другое дело, что плодородная земля позволит наладить земледелие, накормить людей, организовать экспорт.

И нельзя сказать, что не мелькала у Ангелины в голове мысль согласиться на предложение Нории и облегчить себе задачу. Мелькала и исчезала вновь, не способная соперничать с долгом и беспокойством перед семьей и родиной.

Владыка Нории тоже не сидел без дела. Повысилась активность песчаников на границах, и, пока не прибыли драконы из других городов, приходилось справляться с ними самому на пару с Четом. Мастеру клинков это было в радость, а Владыка уставал — с каждым днем чудовища становились все наглее, и суток не проходило без зачисток. Все больше людей в поисках защиты и воды прибывали в Истаил, и пусть пока город справлялся, но скоро он достигнет своего предела.

И Нории первый раз воспользовался своей властью в нарушение традиций, предполагающих, что каждый дракон сам выбирает место своего проживания. Он начал облет городов, в которые вернулись драконы. В Ставии, где гостила Огни и где было тридцать дракониц и восемнадцать драконов, он провел несколько часов и озвучил свою волю: расселиться в пустыне вокруг зеленой зоны Истаила и вызвать воду, оживив максимально большую площадь, чтобы дать приют людям.

Ему покорились — кто бы посмел ослушаться прямо высказанного приказа? Но вопрос — почему они должны оставлять дома своих семей, где хранятся дорогие им вещи, где уже налажена жизнь, и уходить на голую землю в песок, когда проблема решается с помощью одной женщины, — был задан.

Впереди было еще девять городов, исключая осиротевшую Тафию, Город-на-реке, куда не вернулось ни одного дракона, и в каждом Владыке предстояло выслушать этот вопрос.

Нории вернулся во дворец поздним вечером, вымотанный долгим перелетом, утренней зачисткой песчаников, общением с сородичами и преследующим его чувством безысходности, и сразу ушел в свои покои — отдыхать, ужинать и спать. На душе было пусто и тоскливо, и не спасали от тянущей усталости ни сытные и вкусные кушанья, ни усердие слуг, разминавших господина после отдыха в купальне. Он, прикрыв глаза, лежал на нагретой, облитой ароматными

травяными настоями каменной скамье, расслабляясь под сильными руками массажистов, и никак не мог отвлечься. Думал, прикидывал, просчитывал. Даже если заставить всех вернувшихся представителей его племени окружить Истаил зелеными пятнами, это не спасет Пески. Просто отсрочит переполнение города на год, максимум на два. А лично у него нет даже этого года. У него меньше месяца, и за это время нужно изменить решение огненной принцессы. И если он хочет успеть, нужно использовать каждый день.

Красноволосый Владыка, движением руки остановивший усердных слуг, приказал принести ему одежду. Волосы еще не успели высохнуть и влажными прядями лежали на рубаше, когда он направился к покоям Ангелины.

В комнатах ее не было, и младшая служанка сообщила, что сафайта у бассейна, давно купается и отдыхает. И если господин желает, она может позвать ее к нему.

— Не нужно, — ответил Нории, и девушка замолчала, опустив глаза.

Ангелина отдыхала на низкой софе, закинув одну руку за голову и глядя в небо, и вокруг нее умиротворенно горел гигантский костер ее ауры, начавший греть дракона сразу, как только он вышел из дверей купальни. Принцесса повернула голову на звук его шагов и немедленно села, выпрямившись, запахнув халат.

— Ты можешь лежать, — сказал Нории приглушенно, чтобы не нарушать ее умиротворенного состояния, — я просто прикоснусь к тебе.

Опустился на синий мозаичный пол, окружавший бассейн, облокотился спиной на софу, замолчал, всем телом чувствуя, как течет сквозь него восхитительный огонь Ангелины и как она настрожена и собрана. Как перед противником.

— Ляг, — приказал дракон спокойно, — сегодня никаких подвохов. Отдыхай и дай отдохнуть мне.

Она не пошевелилась, упрямая и гордая, — сидела ровно, упершись пятками в пол и поджимая пальцы на ногах — видимо, камень все-таки охладил. Огня было мало, и Нории протянул руку, накрыл ее ступню ладонью. Мало.

— Почему ты не пьешь кровь для восстановления? — сдержанно спросила принцесса, никак не реагируя на прикосновение.

— Тебе ведь не нравится, — откликнулся он, пододвигаясь ближе к ее ногам. Чуть повернулся, поставил ее ступню себе на бедро, уткнулся в колено лбом. Вот так, хорошо.

— Я бы предпочла, — голос был холодный, а огонь, прогоняющий усталость, — горячий, мощный, — чтобы ты использовал кровь. Это я готова потерять.

— Ты хочешь отказаться от своего слова? — спросил дракон, не поднимая головы. Шелестели разноцветные занавески, чуть плескала вода о бортики бассейна, и ночь была пряной и густой. И Норри казалось: еще чуть-чуть — и он уснет так, в ее ногах.

— Нет, — ответила принцесса наконец. — Я не отказываюсь от своих слов.

— Хорошо, — пророкотал он, прикрывая глаза. От нее пахло свежестью. Он подумал и потянулся за второй ступней, взял ее в руки. Плянул на невесту снизу вверх: она сидела так спокойно, будто не упиралась одной ногой ему повыше колена, а второй — в его ладони. И спина прямая, хотя равновесие удерживала наверняка с трудом. Только пламя ее на мгновение дыхнуло яростью, и дракон с наслаждением зажмурился, оперся плечом на софу, подвинулся еще ближе, усаживаясь практически вплотную.

— На северо-востоке, ближе к Йеллоувиню, раньше были цветочные поля, — сказал он тихо, отвлекая Ани от разминающих ее ступню пальцев. — Мы производили лучшие масла на континенте. Там были террасы, поднимающиеся из плодородных равнин в горы. Как сейчас с рельефом, не знаю, не летал. И на каждой террасе рос свой вид цветов: одни ведь любят погоду жарче и повлажнее, другие — посуше и похолоднее. Сверху, когда подлетаешь, или если смотришь издали, это выглядит невероятно красиво. Как будто горы наряжены в разноцветные юбки, а холмы укрыты лоскутными одеялами. Лавандовыми, розовыми, пурпурными, белыми.

Он прошелся пальцами по своду ступни, от пятки к пальцам, обхватил кольцом, сжал, потер с нажимом. Принцесса не шевельнулась. Только напряглась, и пальцы второй ноги больно впились ему в бедро. Он улыбнулся.

— И сколько хватает взгляда — бесконечные террасы и поля с цветами, до самого горизонта. И запах опьяняющий на много километров вокруг. Я бы хотел показать тебе их. Или сводить в подземные пещеры со светящимися мхами и летучими мышами, которые питаются нектаром. Ты знаешь, что детеныши летучих мышей пушистые, как котята, и родители заботятся о них со всей нежностью?

Одна рука осталась на пятке, другая поднялась на лодыжку, разминая вверх-вниз. Главное — никакого намека на чувственность, чтобы не испугалась и не вынырнула из непривычного ему смирен-

ного оцепенения. Норри чувствовал себя заклинателем змей: чуть собьешься с ритма, запнешься — и вонзится клыками тебе в кожу, впрыскивая обжигающий яд.

— А размером они с твой мизинец. На руке, — добавил он, но потянулся к пальцам ноги, пока не опомнилась. Он теребил ее пальчики, мял их, крутил, и ее аура вздрагивала в такт его движениям, и чуть ощутимо напрягались ступни и бедра. — Пушистые, пищащие, теплые. Пещеры были рядом с огромным озером на севере Песков, откуда как раз начинались цветочные поля. Мы называли его Белым морем, потому что находилось оно в гигантском мраморном бассейне, и стены его, окрашенные в белый, с растущими сверху соснами и блеклыми лишайниками, почти отвесно спускались к воде и отражались в ней. Питалось озеро подземными реками и родниками, и вода в нем была чистая и холодная даже летом. На закате чаша озера становилась бордовой, на восходе — нежно-розовой, а шторма и течения вымыли в мраморных стенах арки, где мог бы поместиться наш дворец, а еще высоченные столбы и уступы, и смотрелось это совершенно невероятно. Из Белого моря брала свое начало река Неру, самая полноводная река на континенте, проходила она через все Пески и впадала в Южное море, опресняя его. Но сейчас, когда мы купались, я заметил, что вода там плотная, соленая.

Рука скользнула выше, на мгновение задержалась под коленкой и спустилась обратно, и тут же пламя первой Рудлог полыхнуло жаром, запах изменился — к свежести добавились мягкие женские нотки. Он не поднимал глаз, чтобы не встретиться взглядами, — иначе примет за вызов и снова заледенеет. И так ведь не позволяет себе расслабиться, откинуться на спинку софы, сидит, выпрямившись, спокойно положив руки на колени.

Дракон мягко взял другую ногу, чувствуя, как напрягается она под его движениями, и продолжил тихо, рокошуще рассказывать все, что взбредет в голову. Сам он уже давно восстановился, и излишки энергии заставляли рисунок ауры на его теле светиться ярче, просвечивая сквозь рубаху. И пусть на мозаике сидеть неудобно, и спина уже затекла — зато не останавливает, не уходит, не замораживается.

— У Южного моря, за солеварнями, на склонах холмов и в узких долинах вокруг города Лонкара мы круглый год выращивали персики, апельсины, дыни и виноград, сладкий, терпкий, белый и красный, и делали вино. Свадьбы у нас игрались с началом сезона Сией, с первого осеннего молодого вина, и новобрачным дарили ящик с бутылками урожая этого года, чтобы всегда могли вспомнить вкус

своей радости. Иногда весь урожай осеннего вина уходил молодым, и тогда считалось, что год будет особенно удачным. А столовый виноград сушили, делали изюм, который продавали — и в Йеллоувинь, и в Эмираты, и в Рудлог.

Аура жжалась, и Ангелина мягко высвободила ногу, встала, перешагнув через дракона.

— Уже поздно, — еле заметное волнение, чуть сдавленный голос — и он насмешливо посмотрел в ее серьезные глаза, — а я хочу еще немного поплавать. Спокойной ночи, Нории.

Что ж, одна ошибка. В следующий раз он будет осторожнее.

— Спокойной ночи, — ответил Нории, поднялся одним движением и ушел, чувствуя спиной ее строгий взгляд.

Ангелина долго плавала под ночным южным небом. Колыхались и тихо шуршали на ветру разноцветные легкие занавески, а перед глазами ее стояли бесконечные цветочные поля и густые закатные тени в багровеющих арках и колоннах Белого моря.

Утро следующего дня началось для первой Рудлог с привычного уже планирования. И раздумий. Идеально было бы попросить Василину выслать сюда пятерку магов, чтобы обустроить почтовый телепорт — для начала, а потом создать телепорт транспортный, настроив его на столицы континента. Идеально было бы, конечно, заполучить сильного придворного мага с помощниками. За двойную плату найти таких не составит проблем. Но как доставить их сюда? На драконе? Или, пока не разрешится ситуация с ее похищением, не вмешивать Рудлог в отношения с воскресшим соседом, чтобы не казалось, будто это выкуп за нее как за заложницу, и работать с югом — с Эмиратами? Но тогда эмиры получают приоритет, что, естественно, повлияет на будущую политику Песков. А принцессе очень хотелось, чтобы в приоритете был Рудлог. Но как этого добиться, если де-факто существует правовой конфуз: мирный договор, как она поняла, так и не был подписан, сорван заключением драконов в гору, и, по сути, их государства до сих пор находятся в состоянии войны. И пока Ангелина не вернется, никакого партнерского взаимодействия не получится.

А если обратиться в Йеллоувинь? Император своей выгоды не упустит, но при этом между странами нет давнего конфликта, омраченного смертями тысяч людей и сотен драконов. Другое дело, что с желтыми трудно играть на равных — слишком сильно государство, слишком высока вероятность впасть в зависимость. Нет, решено, по поводу магов она попросит Василину. А с эмирами, как и планирова-

лось, пусть пока ведутся переговоры о приобретении техники и налаживании торговых связей.

— Сафаиита, — от размышлений принцессу отвлекла служанка, Суреза, — Владыка приказал сообщить, что ждет вас в приемном зале. Там сегодня много людей, — добавила она, — позвольте причесать вас и предложить вам богатое платье.

Первой мыслью было отказаться, но первая Рудлог все-таки была женщиной, а женщинам свойственно любопытство. И она понимала: пойти туда, где, по-видимому, проходит важный прием, в простой одежде непозволительно. Поэтому разрешила нарядить себя в зеленое яркое платье до пят с широкими длинными рукавами, прихваченными золотыми манжетами, золотым же поясом и блестящей вышивкой вокруг ворота, которая спускалась полосой до самого подола. И терпела, пока закалывали гребнями волосы, и даже не хмурилась, когда Суреза вздыхала, что пригодились бы сюда и кольца, и круглые серьги, и ожерелья, и подвеска на лоб с камнем-каплей, и побольше, и побогаче, чтобы все видели, как госпожа прекрасна.

В зал ее почтительно проводил один из младших советников, ожидавшийся в коридоре. Он и сообщил, что к Владыке пришли поклониться несколько богатых племен с севера Песков и попросили о встрече с невестой божественного повелителя.

У нее был выбор. Но она все равно пошла. Потому что понимала: не приди она по его просьбе, пусть и переданной как приказ, — оскорбит Нории, выставит его посмешищем перед почитающими его людьми. Их с драконом будущие отношения — дело двоих, она этот вопрос решит, но внешне всегда нужно соблюдать приличия. Так Ангелину учили, и она не видела причин вести себя иначе.

Приемный зал оказался белым, большим, с резными стенами, арками с фонтанами и высоким полукруглым потолком. На широком синем диване с высокой спинкой сидел красноволосый Владыка в роскошных одеждах, а перед ним на полу, на коврах расположилось с полсотни мужчин разных возрастов. Они, тоже ярко одетые, сидели на коленях, и, пока один говорил, другие опускали голову. Но не чувствовалось страха, только восторг и почтение.

Принцесса зашла, остановилась, окинув находящихся в зале спокойным взглядом, чуть склонила голову перед Нории, и глаза его недоверчиво расширились.

— Господин, — сказала она, видя, как плещется в зеленых глазах изумление, — вы звали меня?

— Да, — произнес он медленно и низко, — подойди ко мне.

И улыбнулся, совсем немного, будто показывая, что это игра, и благодаря ее за то, что она приняла эту игру. А как иначе? Едешь с визитом в дружественное государство — должна знать правила этикета принимающей стороны, носить их одежду и не шокировать жителей неподобающим поведением, даже если для тебя это поведение является нормой. Едешь в Эмираты — покрывай голову, участвуешь в национальном серенитском празднике — будь готова показаться с обнаженной левой грудью. Находишься в гостях у драконов — веди себя так, как принято у них.

— Мужчины племен Севара и Мина просили увидеть тебя, — сказал он, когда Ангелина подошла. — Смотрите, — обратился он к гостям, — это ваша госпожа, Ангелина, почитайте ее как меня и больше меня, потому что я почитаю ее.

Пятьдесят лбов коснулись ковров, и принцессе, при всей ее выдержке, стало не по себе.

— Разрешаю вам говорить с ней, — пророкотал Нории.

Поднялся старший, поклонился. Совсем дедушка, седой, худой, с острым взглядом.

— Мы слышали, — начал он напевно, — о чудесной женщине Владыки, прекрасной, как Луна, крепкой, как самая выносливая верблюдица, которая тайно ходит по городу и пустыне, изучая жизнь простых людей. Нам рассказали, как она три дня сдерживала полчища безумных песчаников, держала щит над сотнями людей, пока Владыка был в бою, и от их молитв становилась только крепче. Мы знаем, как может она призвать нашего господина к себе, и он всегда откликнется на ее зов, как может утихомирить его гнев и вынести его мощь. Пески говорят о ее славе и силе, и теперь мы просим божественную Ани-лишу благословить нас, дать нам защиту и свое покровительство.

Принцесса чувствовала взгляд Владыки-дракона, видела, как смотрят на нее люди — с надеждой и беспокойством, — и не могла сказать, что ее благословение не спасет их от чудовищ, голода и зноя.

— Позволяю, — произнес красноволосяй гигант своим гулким голосом, и люди стали подниматься, кланяться — сначала ему, потом ей. Подходить, опускаться на колени и прикасаться лбом к ее рукам. И в этой удушающей почтительности ей предлагают провести всю жизнь? Всегда на людях называть мужа господином, быть тихой и послушной? Или заслужить непонимание и неприятие народа, если она станет вести себя так, как привыкла, будучи первой Рудлог? Как же да-

лек этот мир от ее привычного мира, и невозможно ей стать его частью. А менять мир... ради чего?

Последним был старший, седовласый старик, и, когда он встал, поочередно коснувшись ее рук, принцесса все-таки заговорила, надеясь, что формула вежливости не очень отличается от той, что принята в Эмиратах:

— Пусть ваши семьи будут всегда здоровы, и знайте, что в любое время вы найдете в Истаиле отдых и приют, дети Песков. Вы просите о защите, но я просто женщина и не всегда смогу прийти на помощь. Поэтому будьте осторожны, и пусть пути ваши будут безопасны.

Старик хитро глянул на нее своими черными глазами и успокаивающе закивал головой, обращаясь к Нории:

— Госпожа прекрасна и скромна, Владыка. Не может быть лучшей жены, дай ей боги плодovitости и щедрости. Но пусть божественная Ани-лиша не боится за мужчин своего народа: мы всегда готовы к смерти и полагаемся на себя и лишь чуть — на удачу. Мудрые говорят, что благословение госпожи сделает удачу крепче, а кто я, чтобы спорить?

Мужчины снова стали рассаживаться на коврах, но уже чуть свободнее, зашли слуги с подносами, на которых стояли фрукты, мясо, плов. Видимо, предстоял долгий мужской разговор, как принято, за совместным приемом пищи.

— Я могу идти, господин? — спросила Ангелина кротко, повернувшись к Нории, и тот улыбнулся, кивнул, махнул рукой, величественный — настоящий правитель.

— Иди, прекраснейшая. Я доволен.

Уже выходя из двери, она оглянулась и увидела, как драконий Владыка опускается на ковер, чтобы быть на уровне своих подданных, и перед ним ставят поднос с пловом.

Ангелина переделась и снова села за бумаги, не позволяя себе отвлекаться на мысли о разнице культур и менталитетов двух соседних стран.

Дела нарастали снежным комом, и вопрос был только в том, сколько времени она сможет справляться в одиночку. Но пока справляется, надо спланировать по максимуму.

Образование. Еще один гигантский пробел у народа Песков. То, без чего невозможно построить цивилизованную страну. Начинать нужно с детских садов. Затем десять лет школы. Даже если совместить последние два класса с профессиональным образованием, даже если открыть вечерние школы для взрослых, все равно — пока образует-

ся прослойка, умеющая читать и писать, пройдет около десяти лет. А ведь чтобы выучить выпускников на учителей и врачей, инженеров и финансистов, нужно еще пять-семь лет. Значит, минимальный срочный план растянется на два десятилетия. И опять не обойтись без приглашенных специалистов. Закупки учебников и справочников. Лекарств для врачей, оборудования. Прокладка электросетей, для которых нужны электростанции. А для электростанций нужно топливо. И опять оборудование. Строители, умеющие строить станции. Инженеры, умеющие их планировать. Университеты, которые должны обучить инженеров... и так далее — до бесконечности.

Ангелина, погружаясь в долгосрочное планирование, исписала уже кипу листов — схемами, наметками, вариантами решений. Если экстренные меры, которые она обсудила с Нории, уже начинали претворяться в жизнь, то попытки охватить все сферы государственного устройства и строительства напоминали пока неструктурированные выкладки. И несмотря на то, что мать привлекала ее к делам, и несмотря на свое образование, Ангелина с недовольством понимала, что ей не хватает опыта, знаний, а главное — практики. Хотя и в теории все выглядело пугающе.

Она записывала идеи, возможности их реализации. И снова и снова утыкалась в три основные проблемы. Отсутствие образования. Отсутствие инфраструктуры. Отсутствие торговых и дипломатических связей. Без налаживания последнего первые два пункта были невозможны. Наладить связи невозможно, пока она не вернется домой. Замкнутый круг. И не спасет взаимодействие с Эмиратами, потому что рынок — агрессивная вещь, и без конкуренции поставщики могут диктовать кабальные условия. И будут диктовать, обязательно.

«Шаг за шагом», — сказала Ангелина себе, потому что объем необходимой работы пугал ее — хотя в этом принцесса никому бы не призналась. Шаг за шагом. Не все сразу. Не торопись. Работай с тем, что есть.

Ангелина подготовила тексты указов об обязательных общественных работах для жителей Истаила, о поощрении торговцев, которые захотят доставлять в город «цивилизованные» товары — хозяйственные, бытовые. Об обязанности кочевников докладывать про обнаружение мест, где из-под песка выступают пятна нефти, — чтобы в будущем не тратить время на геологоразведку. Об организации службы оповещения населения о нововведениях. Раз здесь нет ни радио, ни телевидения, а читать и писать умеют далеко не все, то придется по старинке оглашать указы на площадях в определенное время.

Имелось еще несколько насущных вопросов, которые необходимо было обсудить с Нории. Точнее, вопросов было много больше, но три из них были очень актуальными. Иначе завтра опять улетит, а у нее и так мало, очень мало нужной информации!

Тихо подошедшая Суреза поставила перед принцессой кувшин с лимонадом, тонкий узкий фарфоровый стакан, фрукты, одобрительно покосилась на госпожу и удалилась. Она вообще заметно повеселела после того, как Ангелина исполнила роль покорной невесты в присутствии гостей, и оставалось только гадать, каким образом по дворцу так быстро распространяются слухи. Хотя какое ей дело до слухов? Меньше месяца — и она будет свободна.

К обеду Ани устала больше, чем когда с зари пахала на своем огороде. И есть не хотелось, но принцесса заставила себя. Потому что после — два часа занятий с девочками из гарема, а потом встречи с городскими советниками. И нужно еще успеть поговорить с Нории.

— Суреза, — позвала она негромко, отставляя чашку с чаем, но малита услышала и тут же появилась в покоях, — попроси Зафира сообщить, когда Владыка будет у себя.

— Господин улетел, сафаинга, — почтительно сказала все знающая прислужница, и Ангелина досадливо поморщилась.

— Тогда сразу же мне сообщи, когда вернется. Чем бы я ни занималась.

— Да, госпожа, — пообещала Суреза с улыбкой. Вот уже холодная женщина из запретной страны сама ищет внимания их господина. Значит, свадьбе быть.

К счастью принцессы, она не обращала внимания на мечтательное выражение лица служанки, убирающей со стола. Ангелина просматривала план урока, чтобы восстановить в голове последовательность подачи знаний. И так, с листами в руках, пошла в гарем.

Драконьи жены, уже приученные строгой учительницей за прошедшие несколько дней, что собираться нужно ровно к определенному времени — иначе на урок не пустят, как ни рыдай и ни упрашивай, — и что надо иметь с собой принадлежности для письма и заранее рассаживаться по местам, встретили невесту Владыки гвалтом и женским щебетом, который, впрочем, практически сразу же стих.

— Добрый день, — сказала первая Рудлог, и нестройный хор поздоровался в ответ. — Все буквы выучили?

Девушки закивали.

— Тогда перейдем к изучению слогов.

Ей не хватало букварей, досок и мела, и приходилось писать на приращенной несчастными слугами белой каменной столешнице, используя толстый грифель из воска и сажи. Но что делать? Слова «Работай с тем, что есть» становились ее девизом. Хорошо хоть, что после урока не приходилось самой отмывать грифель — это делали слуги с помощью жестких щеток.

Учительница писала слоги, объясняла, как соединяются гласные и согласные буквы, сразу просила читать, повторять, затем объясняла снова. В конце занятия она отвечала на вопросы, и, к сожалению, часто они совсем не касались учебы, переходя в живые женские посиделки со сплетнями и жалобами. Обитательницы гарема уставали с непривычки, и Ангелина делала им поблажки.

— Во дворце говорят, что вы согласились стать женой Владыки, — сказала Зайра после того, как девушки снова задали с десяток вопросов про жизнь в Рудлоге. Все настороженно примолкли.

— Нет, — спокойно ответила Ангелина. — Я не согласилась. И не соглашусь.

Разговор в той или иной форме повторялся каждый день, и она уже устала объяснять, почему не соглашается и почему хочет вернуться домой. Девушки просто не понимали или, возможно, таким странным занудством решили переубедить ее.

— Не понимаю, — робко вмешалась яркая пышечка, кажется Майза, — как вы можете говорить «нет» Владыке. У меня бы язык не повернулся.

— Даже если он прикажет выйти замуж за верблюда? — уточнила Ангелина холодно, но вокруг захихикали, и Майза тоже прыснула.

— И много раз вы ему отказывали? — спросила другая, невзрачная, но с горящими любопытством глазами.

— Много, — сухо отозвалась принцесса.

— Ох, вы такая смелая, — вздохнула девушка. Еще одна хихикнула и что-то шепнула на ухо соседке. Теперь смеялись уже вдвоем.

— Мы сказку вспомнили, — поделилась одна, — можно рассказать, госпожа?

Времени на сказки не было, но принцесса кивнула. Кстати, неплохо бы собрать местный фольклор и издать в виде книг для чтения, это повысит интерес к учебе...

— Давным-давно жил в Песках сильный богатырь Майфа, роста высокого и такой сильный, что коня мог на плечах унести и тяжелый камень на гору забросить, — начала говорить девушка. — Он был нрава свирепого, но справедливого, народ его почитал, а враги боялись.

Происхождения он был низкого, но не находил в том печали — ведь не было в стране человека сильнее его.

Как-то проходили в большом городе тыльки...

— Это соревнования мужчин, — пояснила Зара, увидев вопросительный взгляд Ангелины.

— ...И Майфа туда приехал — размяться, побороться и поискать себе жену. Ведь имелась у него бесчисленные стада овец и сокровища без числа, но не было хозяйки в доме. День борются, второй борются, и везде он победителем выходит. А на третий день приехали на праздник драконы. И увидел богатырь среди них деву, прекрасную, как луна, с красной косой до пят, гордую и свободную.

В этот день он тоже победил всех соперников, и когда Владыка спросил его о награде, сказал:

— Не нужно мне ни золота, ни земель, господин, нужна мне в жены прекрасная Митаря.

— Никогда, — ответила драконица и отвернулась.

Тогда пошел Майфа высоко в горы и нашел там гигантского орла, который нападал на жителей деревень и уносил их в свое гнездо. И убил он страшную птицу, и был весь изранен, а в гнезде нашел огромный сапфир размером с дыню.

Принес он этот камень во дворец к Владыке, положил к ногам красноволосой девы и спросил:

— Будешь моей женой?

— Никогда, — сказала драконица и, не посмотрев на сапфир, ушла.

Тогда пошел Майфа к глубоким пещерам, где жил черный змей длиной с караван, каждую ночь утягивающий к себе молодых девушек. Сразился с ним и удушил гада, хоть и истекал кровью. А в змеином гнезде нашел он огромный рубин размером с ягненка.

Принес Майфа этот камень во дворец, снова положил к ногам прекрасной девы и спросил:

— Станешь моей женой, госпожа?

— Никогда, — ответила красноволосая и, оттолкнув ножкой рубин, ушла в свои покои.

Ушел и богатырь. Целый год бродил он по свету, совершая подвиги и сочиняя песни в честь своей любимой, и песни эти подхватывал народ, и скоро они уже пелись по всем Пескам, и рассказы о подвигах его и песни эти достигли дворца Владыки и ушей прекрасной Митаря.

Но тут пронеслась над землей тревожная весть, что в старых курганах у города завелся неведомый страшный зверь, неживой, боя-

щийся солнечного света и пьющий кровь людей. Убивал он и мужчин, и женщин, и детей маленьких. Был этот зверь так жесток и хитер, что прятался от драконов в песке, и никак не могли его найти.

Тогда пошел Майфа к курганам ночью и там пролил свою кровь на песок. Не выдержал зверь, выскочил на запах крови, и был он ростом выше курганов, а в пасти его виднелась тысяча ядовитых клыков.

Схватился с ним богатырь, и боролся до рассвета, и был весь покусан и изорван, но как только солнце встало над горизонтом, так издох зверь, которому Майфа не дал уйти в песок.

Лежал отравленный богатырь и умирал, и дрогнуло сердце у Белого Целителя от его храбрости и силы, спустился Великий с небес и излечил отважного.

На этот раз пришел Майфа во дворец без подарка. И спросил у гордой драконицы:

— Будешь моей женой, прекрасная?

— Никогда! — крикнула красноволосая. — Скорее реки пойдут вспять, скорее горы станут морем, скорее звезды попадают с небес, чем я стану твоей женой!

Рассказчица замолчала, блестели глазами обитательницы гарема, блестели и улыбались, и Ангелина почувствовала какой-то подвох.

— И что? — спросила она. — Что было дальше?

Девушки снова захихикали.

— Тем же вечером они сыграли свадьбу, — сказала улыбающаяся Зара. — Ведь когда женщина слишком страстно говорит «нет», она подразумевает «да». И несмотря на всю разницу между ними, госпожа Митари поняла, что нет унижения в том, чтобы покориться достойному.

Вот же хитрые чертовки.

— Прекрасная история. — Принцесса встала и не выдержала, улыбнулась в ответ. — Спасибо, и до завтра.

Нории не вернулся ни на этот день, ни на следующий, и Ангелина, укладываясь спать, сердито думала о потерянном времени. И о том, что ей все-таки нужны помощники.

А ночью, когда она только заснула, к ней в покои пришел Владыка. Уставший, исхудавший. Он облетел за это время еще три города и в каждом объявил свою волю. По его возвращении старый слуга Зафир сообщил Нории, что госпожа хотела его видеть. И дракон, несмотря на измотанность, пошел к ней — вдруг она еще не спит?

Но принцесса спала, и Владыка немного погрелся у ее огня, подумал о том, что нужно было все-таки попросить для себя крови, и побольше. А лучше — приказать загнать стадо во двор и попировать драконом, потому что сил практически не осталось. Но если она с утра увидит кровь?

Решился, подошел к ней, наклонился.

— Мне нужно прикоснуться к тебе, — прошептал тихо, но она услышала, недовольно заворочалась, повернулась к нему спиной.

— Ангелина? — позвал он чуть громче.

— Касайся, — ответила принцесса сонно и глухо, но с таким выскомерием, будто сидела на троне и смотрела на него сверху вниз.

Он, обнажая ее спину, потянул вниз тонкое покрывало, которым она была укрыта; сняв рубаху, лег на самый край кровати, осторожно, аккуратно. Ангелина молчала, и он тоже молчал, когда обнял ее за талию и прижался сзади.

Ни одного лишнего движения, ни одного звука, способного испугать ее.

Оглушительно стрекотали в саду цикады, аура красной принцессы напряженно и зло пульсировала, почти жала его, и в любой момент могла вспыхнуть яростью. Воздух потрескивал электричеством, но Ани дышала ровно, спокойно, не шевелилась — словно и не было рядом никого. Удивительная сила воли, несокрушимая просто.

От нее снова пахло свежестью. И энергия, уже привычная и знакомая, быстро питала его, прогоняя тяжесть и слабость из тела.

Нории не задержался ни на секунду дольше, чем было нужно. Встал, поднял рубаху и ушел.

Она привыкнет к его прикосновениям так же, как он привык к ее огню. И дракон очень надеялся, что ее привычка перерастет в потребность. Так же, как и у него.

ГЛАВА 4

Вторая половина октября,
Иоаннесбург
Алина, понедельник

— Ребенок! — яростно ругалась Марина, затыгиваясь прямо при Алинке и стряхивая пепел за окно. Старшая сестра пришла к младшенькой рано утром, перед работой, растормошила ее и высказала все, что думает, по поводу решения ходить в университет, пока там ловят демонов. — В кого ты такая упрямая?

Марина сверкала глазами, а пятая принцесса угрюмо вертела в руках очки и молчала. Это молчание, видимо, и выводило собеседницу из себя.

— Почему не посидеть дома пару недель? — спрашивала она язвительно. — У меня такое ощущение, что, как только кому-то из нас исполняется шестнадцать, способность адекватно мыслить отключается! Хватит лыбиться, ребенок, я и себя имею в виду, но сейчас речь о тебе. Ну скажи мне, неужели тебе не страшно? Ты же все видела сама и знаешь, на что способны темные. Только-только узнали, что все в порядке с Полей, а теперь ты себе ищешь приключений!

— Страшно, — призналась Алина, — но, Мариш, это эмоции. А рациональное мышление говорит мне, что раз темных ловят лучшие маги континента — и, кстати, твой Мартин тоже! — то бояться глупо. Уж они-то знают, что делают. Согласись.

— Мой Мартин, — усмехнулась Марина. — Скажи-ка, рациональная ты наша, а откуда ты знаешь, кто их ловит? Вася ничего такого не говорила. Или ты мне не все передала?

Алинка покраснела. Ну надо же так неосторожно проболтаться!

— Передала все... Я просто кое-что подслушала у кабинета ректора, — сказала она как можно более честным голосом. — Там общались твой Мартин с остальными магами, которые по телевизору подлинность нашей Ангелины подтверждали... — Она мучительно выдумывала: — Говорили, что проверяют студентов и кого-то ловят, я тогда не поняла, а после того как Васюта сказала, сопоставила...

Марина внимательно смотрела на нее, и пятая принцесса все краснела и краснела, думая: вот сейчас сестра скажет, что поняла — Алина врет.

— Понятно, — сказала третья Рудлог. — Поговорю-ка я с Мартом все-таки...

— Да что же вы все пытаетесь меня раскрыть! — взвилась сестричка с косичками. — Мари! Вот тебе лично будет легко работать там, где все знают, кто ты?

— Это совсем другое, ребенок. — Марина затушила сигарету, закрыла окно. — Там мне ничто не угрожает.

— Вовсе не другое! — возмутилась Алина. — Сама понимаешь, что теперь всегда между тобой и другими будет дистанция. Ни поболтать

нормально, ни покурить вместе, ни встретиться с кем-то так, чтобы не привлечь внимания.

— А что это ты про «встретиться» заговорила? Неужто у тебя там роман намечается, малышня? — с ехидством поддела ее старшая сестра. — То-то ты дерешься за свой университет как тигрица. И кто он?

— Друг, — пробурчала пятая принцесса, стесняясь. — Зовут Матвей.

— И какой он? Крутой? Красивый? — полюбопытствовала Марина.

— Добрый, — ответила младшая. — И все, хватит меня воспитывать, Маришка. Я буду осторожной, сказала же. И так на конвои согласилась, в универ — из универа. И Зигфрид мне сегодня переноску дал. — Она показала темно-серый кулон на шею. — Если что, сразу сбегу, не волнуйся. Тем более я зачет пропустила на позапрошлой неделе и с этой у нас опять зачеты начинаются. Не сдам — как буду нагонять? И так придется в библиотеке после пар сидеть, а я Васе сказала, что сразу после занятий буду возвращаться...

Марина помолчала, серьезно глядя на нее.

— Алин, ты смелый и глупый ребенок. Я после того, что мы пережили, ни в шестнадцать, ни сейчас не пошла бы туда, где есть риск встретить темного. При всей моей любви к экстриму. И если что-то с тобой случится, мы все просто с ума сойдем. Понимаешь?

— Понимаю, — жалобно проговорила пятая принцесса, поправляя очки.

— Но, с другой стороны, я еще слишком хорошо помню себя в твоём возрасте, — грустно усмехнулась Марина. — И помню, как меня раздражали контроль и нравоучения и как я делала все наоборот. Это, наверное, надо перерасти. Делай, как считаешь правильным, но знай, что каждый раз, когда ты будешь уходить, мы все будем места себе не находить от беспокойства.

Алинке было очень стыдно. И это еще девочки не рассказали отцу! Разговор с ним только предстоит, а ей и так тяжело, она и так уже настаивает на своем из чистого упрямства, понимая, что сестры правы.

— Я буду очень-очень осторожна, — в который раз пообещала Алина. — И вообще, пора собираться, Марин. У тебя первый рабочий день.

— Хорошо, мамочка, — передразнила ее суровый тон старшая сестра. — Встретимся за завтраком.

После завтрака Алину на старенькой машине отвезли ко входу в университет.

Принцесса долго ломала голову, думая, где в здании, в котором одновременно находятся несколько тысяч человек, найти укромный уголок, чтобы выйти из Зеркала, но поняла, что риск все равно есть. Поэтому остановилась на машине. Вышла, попрощалась с хмурым охранником и потопала с рюкзачком за спиной ко входу.

Остановилась у доски с расписанием — как раз вывесили даты зачетов, и Алина аккуратно переписала их себе, пометив подойти к тем преподавателям, пары которых пропустила на прошлой неделе, и спросить, есть ли у нее допуск. Нужно было еще сдавать зачет у Малёвской, который она проспала, и ей было очень страшно идти просить о пересдаче. Но это на перерыве, а сейчас — на пары.

Несмотря на все проблемы и неудачи, Алинка наслаждалась кипящей вокруг студенческой жизнью. Толпы молодых людей проходили мимо, болтали, смеялись, камни орали, вызывая преподавателей в деканаты или студентов к преподавателям, как всегда с утра, играл бодрый и торжественный гимн университета, и принцесса застыла посреди этого шумного и движущегося людского моря, чувствуя себя совершенно счастливой. Пусть она одна, но ее место здесь.

И день проходил удачно — добрая Малевская приняла зачет прямо на перемене, сказав, что уверена: Богуславская пропустила пару по серьезной причине, а не из-за гулянок, как некоторые (тут принцесса покраснела); на занятиях почти все получалось, в группе появилось несколько кадетов из Северной Военной магической академии, вполне симпатичных, дружелюбных и носивших военную форму, так что было забавно и весело наблюдать за подгруппниками. Вообще на переменах стало понятно, что пополнение с Севера довольно многочисленное, и нужно было признать — парень в форме выглядит куда солиднее и привлекательнее парня без формы.

Допуски у нее все были проставлены, основная масса зачетов начиналась только в начале декабря. И даже погода радовала и баловала — на улице стоял прозрачно-солнечный осенний день, и Алина специально садилась ближе к окнам, чтобы иногда поглядывать и отвлекаться, если возникала пауза в занятиях.

Отвлекалась она и на размышления. Очевидно было, что все произошедшее с ней: и непонятные диалоги магов, и вызовы к ректору — связано с «ловлей демонов». И, по всей видимости, профессо-

ры в поимке не преуспели. Также напрашивался вывод, что беспробудный сон соседки по комнате, Янки (она, кстати, уже выписалась и сидела тут же, в аудитории), — следствие какой-то нехорошей активности. Раз уж ректор заострил на этом внимание.

А значит, что? Значит, демон или демоны живут в общежитии. Или ночевали в тот день в общежитии. Нет, скорее живут, потому что профессор Лыськова проверяла общежитие еще во время гулянки.

Алина, внимательно прислушиваясь к объяснениям преподавателя, все-таки не выдержала, достала новый удобный блокнотик и составила список того, что нужно сделать.

Прежде всего посетить библиотеку и поднять литературу по демонам. В любом случае она рано или поздно собиралась это сделать. Очень уж хотелось понять природу существа, которое так изменило их жизнь.

Настроение не испортил даже встретившийся ей перед последней парой — его парой — мерзкий Тротт. Она как раз проходила мимо лектория, где он должен был проводить урок, и девочки ее группы были уже там. Шла, погрузившись в свои мысли, снова и снова перебирая в голове услышанные разговоры, пытаясь вспомнить какие-то странности в общежитии. Жаль, что она поддалась на давление сестер и теперь не может ночевать в общежитии! Можно было бы понаблюдать за окружающими, поболтать с живущими там. Алинка даже была готова переступить через свою стеснительность. И спрашивать ведь можно не напрямую: «Ты, случайно, демона тут не видел?» Можно просто узнать, снятся ли кому-то еще кошмары, или спросить про страшилки общежития...

Она так замечталась, представляя, как ведет расследование, а потом приходит к ректору (и там обязательно должен быть некий профессор) и указывает ему на предмет их поисков, что совершенно растерялась, когда наткнулась на собственно Тротта в реальности. Буквально налетела на него, потеряв очки, пробормотала «извините», хотя хотелось гордо отвернуться, — но Алина все-таки была воспитанной девочкой. Присела нащупать очки — по звуку они отлетели куда-то недалеко, но перед глазами все расплывалось, как она ни щурилась, пытаясь сфокусировать зрение. И шарилась по полу, краснея от глупости ситуации.

— Почему вы не исправите себе зрение? — спросил Тротт холодно, взяв ее за руку, — принцесса дернулась, ойкнула испуганно и от-

странилась. Но он всего лишь вложил в ее ладонь очки. — Вы же беспомощны без них совершенно.

— Спасибо, — снова вежливо сказала девушка, надевая очки на нос. Тут же стало легче — и было бы вообще хорошо, если бы не стоявший напротив рыжий профессор с крайне недовольным лицом. Будто это она виновата в том, что боится его! — Операции делают только после двадцати, лорд Тротт, а мне еще шестнадцать.

Не говорить же, что до недавнего времени у них и денег-то на операцию не было. Да и, если честно, говорить с ним вообще не хотелось.

— Есть запатентованные магпрепараты, Богуславская, — сообщил он, словно она не знала об этом.

— Они дают временный эффект и влияют на память. — Нашел тоже, что советовать. А еще лауреат Континентальной научной премии! — А мне учиться надо. До свидания, профессор.

Алина отвернулась и пошла своей дорогой, довольная, что не заикалась и почти не краснела. Разве что в самом начале.

— Не хотите зайти, Богуславская? — спросил он язвительно ей в спину, судя по звуку открывая дверь в класс.

Принцесса, не оборачиваясь, помотала головой и почти бегом двинулась дальше. Чем бы он тогда ни руководствовался, когда потрошил ее голову, ни забыть, ни простить она не могла. Но почему-то очень хотелось утереть нос этому снобу. Взять реванш, так сказать.

Библиотекарь очень удивилась ее просьбе, но все-таки выдала учебник для шестого курса, для специализации «Боевой маг» — «Виды и классификация нечисти». Аalinkа сунула книгу в рюкзак и направилась к каменам. Дома почитает.

— Козочка наша пришла! — заорал Аристарх издалека, и она улыбнулась. Славные они все-таки.

— Бэ-э-э-э-э, — проблеял дребезжащим голосом Ипполит и глумливо расхохотался.

А иногда и не очень славные.

— Я к вам ненадолго, — сказала Аalinkа, — почитаю чуть-чуть. Что хотите? Могу журнал «Путешественник», а могу новый детектив «Тень за углом».

— «Путешественник!» — потребовал Ипполит.

— Детектив! — настаивал на своем Аристарх.

— Понятно, — вздохнула она, прислоняясь к стене и расстегивая рюкзака. — Тогда на что рука наткнется, то и буду читать.

«Ночью она услышала чьи-то шаги. Но как? Дом был заперт и поставлен на сигнализацию. Синтия, ощущая, как сильно бьется сердце, взяла пистолет и вышла из спальни...»

— Нет чтобы запереться в комнате, включить свет и звонить в полицию, — ехидно прокомментировал Аристарх.

— А она небось еще и в тонкой сорочке пошла, чтобы прелестями светить! — ожидаемо заинтересовался Ипполит. — Если зовут Синтия, то точно — в прозрачной ночнушке. Хоть бы одна Синтия каску и бронежилет надела, а?

Так они развлекались постоянно, и Алина хихикала вместе с ними.

— «Кто здесь? — спросила она дрожащим голосом. Она явственно видела тень человека, проскользнувшего мимо нее. Тело сковал ужас, и она не могла пошевелиться. А неведомый взломщик, наверняка посланный ее убить, был тут — Синтия слышала его дыхание».

— А у мужика-то астма, — заметил снова Аристарх. — Или курит.

— Эй, цыпленочек, смотри, — захихикал Ипполит, — кавалер твой идет, шириной со шкаф, высотой со столб. Ты уж поласковой, гляди, какой смущенный. Чисто девственник в борделе.

Аристарх застонал и закатил глаза:

— Старикашка, тебе когда-нибудь клеем пасть зальют и будут правы.

Алинка оглянулась, улыбнулась.

— Привет, — сказал Матвей гулко, — здравствуйте, уважаемые.

— Приве-е-е-е-е-ет, — передразнил его Ипполит тонким и манерным голосом, и принцесса стукнула его книгой по носу.

— Беспредел! Убивают! — радостно заорал камен. — Охамела молодежь совсем, ни стыда, ни совести, да что ж это делается-то, люди...

— Да хорош орать, Полик, — остановил его Аристарх, — дай им поговорить.

И две каменные морды уставились на ребят с жадным любопытством, как две бабки-сплетницы.

— Я тебя сегодня на перерыве искал и не нашел. — Ситников помялся. — Думал, ты опять куда-то пропала. Ты в общагу вчера не приехала, а я звонить не стал, поздно уже было.

— Я в библиотеке была, Матвей, — сказала Алинка, хватая его за руку и утягивая подальше от любопытных морд, помахав им на про-

щанье, — а вчера не приехала, потому что надо дома побыть пару недель. Сестра... сестра помочь попросила.

— Так ты сейчас домой? — спросил он, размеренно шагая рядом к выходу. — А я погулять хотел. Хочешь, провожу до дома? Погода хорошая.

Алина покраснела.

— Меня знакомый на машине заберет, Матвей.

— Парень твой? — полюбопытствовал он легко, но глаза были серьезными.

Она даже растерялась — не поняла, что он спрашивает, потом сообразила, захлопала глазами. Было смешно и неудобно.

— Нет, да ты что, ему лет пятьдесят, наверное. Какой парень, Матвей, ты чего?

— Да я так, — пробормотал семикурсник.

Они подошли к гардеробной, взяли куртки, оделись.

— Малявочка, — пробасил Ситников, когда они уже вышли на крыльцо, — постой со мной, пока я покурю. Я... знаешь, у меня сегодня день рождения.

— Ой, — Алина растерялась. — Ой, Матвей. Я не знала. У меня и подарка нет. Ну как же это...

Она так расстроилась, что чуть не плакала. Семикурсник протянул руку, неловко погладил ее по спине, поправил перекрутившуюся лямку от рюкзака.

— Да ничего страшного, я все равно не сегодня отмечать буду. Я, собственно, поэтому тебя и искал. Мы с народом в четверг поедem за город, на турбазу, там и вечеринка будет. А в пятницу обратно. Вот. Приглашаю тебя, в общем. Проведу через Зеркало, ты не бойся, я тебя там в обиду никому не дам.

Алина вздохнула. Ситников курил и поглядывал на нее, и ей было очень трудно ему отказывать.

— Матвей, так занятия же...

— Какие занятия? — удивился он. — В субботу день рождения королевы, пятницу сделали нерабочим днем, Алиш. Ты что, не слышала?

— Нет, — сказала она и смутилась окончательно. — Я... я спрошу у сестры, если отпустит, завтра тебе скажу. Только ты не обижайся, если не получится, ладно? Хорошо?

— Не обижусь, — успокоил ее семикурсник. — Ты только сама не расстраивайся, малявочка.

— Я постараюсь договориться, правда, — пообещала она, потеребила косичку. — Только это же, наверное, очень дорого, Матвей?

— Нет, — отмахнулся он, затынулся, выбросил сигарету в урну. — У меня замдиректора базой — братец троюродный, мы каждый год там празднуем. У них в это время народу немного, так что отдает нам целый этаж. А я ему за это помогаю продукты без машины через Зеркало таскать, он экономит сильно. И мне заработок, и ему удобно... А я не понял, — заревел он шутливо, — вообще, поздравлять-то ты меня будешь?

Ситников намекаяще расставил свои лапы, и Алина, посмеиваясь, обняла его, приподнялась на цыпочках, чмокнула в щеку, во вторую. Матвей тоже аккуратно приобнял ее, будто боялся раздавить, но все равно получилось крепко.

— Ты очень хороший, — серьезно произнесла стиснутая процесса куда-то в очень широкую грудь, — и я тебе желаю удачи, и сдать все экзамены, чтобы исполнилась мечта и получилось пойти в армию, и вообще чтобы все было хорошо. И в жизни, и в любви!

— В любви, — усмехнулся он грустно и отпустил ее. — Спасибо, Алина. Что, приехал твой знакомый?

Она оглянулась, увидела серую старенькую машину.

— Ага, надо идти.

— Ну пойдем, — сказал Ситников, — хоть в машину тебя посажу.

Матвей стоял и смотрел вслед отъезжающей машине, и Алинка обернулась, помахала ему ладошкой, улыбнулась. Потом откинулась на сиденье и попыталась проанализировать ситуацию. Она ему нравится или нет? А если нравится, то что делать? А если она что-то сделает, а окажется, что не нравится? А если вдруг да, то что, встречаться с этим великаном, который старше ее на семь лет? А если она все придумала и он действительно относится к ней как к сестренке? А она-то сама, Алина, как к нему относится?

В щеки целовать его было приятно, но в романах описывают дрожь в коленках, и закатывание глаз, и сердцебиение при взгляде на объект, и какие-то специфические ощущения в теле, а тут точно такого не было. С другой стороны, вряд ли художественная литература может служить источником достоверных сведений...

Вздохнув и заключив, что в эмоциональной сфере список вопросов может быть бесконечным, а анализу она практически не поддается, Алинка уставилась в окно. На турбазу ехать, честно говоря, тоже не очень хотелось, но, с другой стороны, там ведь будут

ребята из общаги, значит, есть шанс понаблюдать за ними. Надо поговорить с Василиной.

Пятая принцесса откинулась на сиденье и стала продумывать аргументы.

А дома оказалась прибывшая из Бермонта Полинка, и они повизжали, пообнимались, поплакали — с Полей Алина всегда была ближе всех. Отец тоже находился в покоях четвертой Рудлог, но уже уходил, обняв нашедшуюся дочку на прощанье и напомнив, что она обещала рассказать обо всем, когда Марина вернется со смены. И Каролина уже пришла из школы, а королева, убедившись, что младшие все на местах, ушла к детям, по пути попросив помощницу отменить на сегодня все встречи. Вечером планировался семейный ужин, и им всем нужно было отдохнуть.

— Какая ты красивая! — сказала Алина восхищенно, наблюдая за вертящейся перед зеркалом сестрой — Поля примеряла гардероб, который купили и привезли за прошедшие два дня, пока они с Василиной и Марианом находились у Демьяна в замке Бермонт. Каролина сидела рядом с Алинкой на огромной кровати и с важным видом отпускала советы: «Не твой цвет», «Это вообще не в моде, как они могли это купить?», «А это ничего, но надо немного ушить». Полина каждый раз строила страшные и удивленные глаза и вопросительно поглядывала на Алинку, словно вопрошая, когда это младшенькая стала такой воображувлей.

— Ты в двенадцать лет была похожа на цаплю, — хихикала Алина, — а сейчас такая взрослая... Эх, а когда же у меня внешность вернется? Хотя... с другой стороны, до конца обучения и не хотелось бы.

— Это да, — сказала Пол, отщипнув виноградину с кисти, лежавшей на блюде с фруктами, и отправив ее в рот. — Мне вот сейчас не вернуться в универ. С другой стороны, я и не хочу.

Она двигалась порывисто, будто не могла устоять на месте, глаза сверкали.

— Почему? — удивилась Алинка, обхватывая колено и упираясь в него подбородком.

Пол замялась, покосилась на Каролину.

— Ладно, я пойду, — независимо произнесла младшенькая, гордо поднимаясь с кровати. — Уроки надо делать.

Четвертая и пятая глядели ей вслед.

— Ущипни меня, — нервно проговорила Пол. — Она что, покачивает бедрами? Кто похитил милого пончика с пухлыми щечками и подменил его вот этой барышней с идеальным маникюром и прической? Ей же всего двенадцать! В ее возрасте я была пацанка пацанкой. Да и сейчас...

И она недовольно посмотрела на свои руки с короткими ногтями.

— Мы все меняемся, — улыбнулась Алина, с обожанием глядя на сестру.

— Нет, только не ты. — Полли подскочила к ней, обняла. — Ой, мне столько нужно тебе рассказать! Только пообещай, что никому ни слова, ладно? Это не для всех, только для тебя.

— Обещаю. — Алина прерывисто вздохнула. — И ты пообещай, Пол. Мне тоже есть что рассказать...

— Обещаю, — серьезно кивнула четвертая принцесса, зажевывая еще одну виноградину. — Ох, я все время сейчас есть хочу. В этом дворце есть хоть кто-нибудь, кому можно доверить заказ огромной чашки чая с молоком и чего-нибудь сладкого? И мяса, — вздохнула она тяжело.

Алина широко раскрыла зеленые глазищи, покраснела.

— Полиночка, — спросила она тонким голосом, — ты что, беременная?

Сестра хотела так, что начала икать и повалилась на кровать, стена: «А-а-а, у меня живот болит, что ты делаешь!!» А затем, вытерев слезы и дождавшись наконец-то своей еды, рассказала все, что случилось с ней, начиная с первого курса и потом, в замке Демьяна, без прикрас и всяких умолчаний. И показала колечко на пальце — с гордостью и нежностью.

— Он невообразимо прекрасен, Алина, — восхищалась Поля, не обращая внимания на покрасневшую от пикантных деталей сестру, — если бы ты видела, каким он стал!

— Да я по телевизору видела, — пробормотала Али. Ей живо вспомнилось, как много лет назад Полли так же и почти в тех же выражениях делилась с ней своей детской влюбленностью и переживаниями, как показывала рисунки — рисовала себя и Демьяна в свадебных костюмах — и как порвала от злости все эти листы, когда узнала, что он собирается свататься к Васе.

— Красивый, правда? — спросила Пол и сама же ответила: — Красивый. Сильный. Умный. Очень сильный! Боги, за что мне такое счастье? Алина, я вообще не верю, что он мой, что мы поженимся! Вася

настаивает на полугоде, но я с ума сойду за это время. Она-то за Мариана замуж вышла через месяц после помолвки! А теперь суровая такая, обалдеть.

— Ну, честно говоря, есть отчего, — рассудительно заметила Алина, поглядывая на валяющуюся на кровати сестру. Та отмахнулась.

— Поверь, я уже сто раз сама себя обвинила и понимаю, что поступила как идиотка. Хорошо, что все разрешилось и что я жива осталась. Теперь буду самой правильной из Рудлогов. Ну, после тебя, конечно...

Алинка фыркнула, и девушки снова захихикали.

— Поля, — осторожно спросила пятая принцесса, когда они отсмеялись, — а если бы к Демьяну тогда какая-нибудь другая женщина забралась, как ты думаешь, он бы ее изнасиловал? И... тебе не страшно с ним? Не страшно вообще переезжать в Бермонт? У них очень строгая культура, Полли, и женщины среди берманов в тени находятся. Ты не боишься, что он запрет тебя в замке и ты заскучаешь?

Полина посерьезнела.

— Я хочу верить, что он только на меня так среагировал, Алиш, — ответила она, пожимая плечами. — Во всяком случае, Демьян так говорит. А я не могу ему не верить... И он же остановился... хоть и напугал меня до истерики. А страх этот как-то забылся, я его поняла и переступила через эти эмоции. Наверное, просто я люблю его больше, чем боюсь. Тем более он сдерживается... И кстати, Демьян мне обещал, что уже через год я смогу перекидываться по своему желанию и не только в полнолуние, так что тяпну его, если что. Что до переезда... знаешь, берманы совсем не страшные. А с остальным я справлюсь. Я же Рудлог.

Алина поправила очки:

— Ты не обижаешься, что я у тебя такое спрашиваю, Полин?

— Нет, конечно. — Сестра протянула руку и дернула ее за косичку. — Я же ни с кем так открыто не могу поговорить, как с тобой. Теперь твоя очередь, Алишка.

Алина вздохнула и начала рассказ. И если Полли рассказывала с шутками-прибаутками, пытаясь смягчить впечатление от своих приключений, то Алина старалась говорить сухо, хоть эмоции и прорывались. Обида на соседок и Эдика, благодарность и доверие к Матвею, злость и непримиримость по отношению к Тротту, радость от общения с каменами и от того, что у нее стало получаться работать со стихийными потоками. Она рассказала все вплоть до сегод-

нышнего разговора с Матвеем и замолчала. Было почему-то грустно. И Полина уже не лежала, а сидела рядом и гладила ее по голове.

— Да уж, — сказала четвертая принцесса, — никогда не думала, что с тобой может произойти подобное. Думала, шишки и горький опыт — это мой удел. А ты молодец, держишься, прямо не сестра моя, а кремень! Да еще и расследованием собираешься заняться!

— Да какой кремень, Польша, — улыбнулась Али, прислоняясь к ней, — просто хочу докопаться до истины.

— Это да, — кивнула Полина, — ты всегда была ужасающе дотошной. И составляла списки.

— Я и сейчас составляю, — призналась Алина и потерлась щекой о плечо сестры. Та вдруг вскочила, забегала туда-сюда вдоль кровати.

— Нет, ну какой же гад этот твой Тротт! — говорила она возбужденно. — Встретила бы — башку бы разбила! Как я зла, Алина! Бедная моя сестренка, пока я там в сейфы лазила, тебя здесь обижали всякие мерзавцы! Надо ему отомстить!

— Да брось, Пол. — Пятая принцесса наблюдала за забавно возмущающейся сестрой. — Плевать на него. Тем более не все же обижали. Вот, Матвей помогал. И помогает.

— Он влюбился в тебя, что ли? — скептически спросила сестра. — Зачем еще взрослому парню с тобой возиться?

Полли слово в слово повторила ее вопрос Матвею, и Алина смутилась.

— Говорит, я ему сестру напоминаю, — объяснила она.

— Хорошо, что не мать, — хмыкнула Полина. — Ну ладно, а ты-то как к нему?

— Да сама не знаю, — протянула Али. — Мне с ним хорошо, спокойно, безопасно как-то. Он веселый, добрый. Симпатичный. Руки не распускает.

— Это я могу про собаку сказать, — отрезала Полина. — Ты по нему скучаешь? Хочется прикасаться постоянно? А когда видишь, вот тут, — она показала на низ живота, — что-то ухает вниз и по телу мурашки?

— Не-а, — повертела головой пятая принцесса. — Слушай, ну какие чувства, он меня знает-то чуть больше недели.

— А я в Демьяна влюбилась с первого взгляда, — голосом опытной женщины сообщила Полина. — Ладно, раз парень хороший, ты его не обижай, а уж есть там что-то романтическое или нет — разберетесь. Хороший друг еще никому не помешал. Ты мне вот что скажи. Ты серьезно собираешься демонов этих вычислять?

— Угу, — кивнула Алина. — Собираюсь. И для этого мне надо с Матвеем на турбазу поехать, а как у Васи отпроситься — не знаю.

— Да, Васюша стала совсем грозной, — подтвердила Полли. — Но спросить надо. Эх! Жаль, я с тобой поехать не могу, я бы пистолет купила, чтобы тебя защитить... а так буду переживать.

— Самой страшно, — призналась Алинка, — но надо. И еще. Помнишь, что демон сказал маме, когда она спросила, что ему нужно?

— Кажется, что ему нужна справедливость? — наморщила нос старшая. — Я, честно говоря, тогда так трусила, что почти ничего не помню.

— Он сказал, что восстанавливает историческую справедливость, — напомнила Али. — А твой, по твоим словам, сообщил, что ему нужна наша кровь. Вопрос: зачем? Мне вот кажется, это очень важно понять.

— Ты точно поймешь, — уверенно сказала сестра.

Марина

На свою старую новую работу я выходила не без робости. С одной стороны, я знала в Земноводском госпитале каждый закоулочек и каждого работника. С другой — надо было настроиться не показывать излишней осведомленности и снова завоевывать доверие и уважение коллег.

Главврач Олег Николаевич предложил мне место старшей медсестры, но работа старшей — это в большей степени работа административная и хозяйственная, бумажки, ответственность за персонал. А я хотела помогать при операциях. Поэтому отказалась.

Зигфрид перенес меня к кабинету главврача, и сидящая у кабинета секретарь охнула и прижала руки к сердцу, наблюдая, как я выхожу из Зеркала. И я сразу подумала, что нужно решать вопрос с тем, как добираться до работы. Не в сестринскую же прокладывать Зеркало, а пустующее помещение в госпитале, где постоянно не хватает места, вряд ли возможно найти.

Я представила, как с грохотом вываливаюсь где-нибудь в бельевой или санитарной комнате, прямо в ведра, и чуть не засмеялась.

Но, как оказалось, все уже решено, и решено гораздо скучнее. Мне предстояло появляться в комнате охраны, где специально расчистили уголок. Так сказать, личный уголок для принцессы. Воображение опять подкинуло красный крестик на полу и настороженных охран-

ников, ежеминутно оглядывающихся с утра в ожидании прибывающего высочества.

Видимо, я все-таки нервничала.

— Я снова прикрепляю вас к Эльсену, — сказал Олег Николаевич, — раз вы с ним уже работали. После того как вы ушли, Марина Михайловна, он постоянно недоволен медсестрами.

— Спасибо, — искренне ответила я. Сергей Витальевич Эльсен — первоклассный хирург, нетерпимый, брюзжащий и неприятный дед, который требовал от своей команды абсолютного подчинения и слаженности и безжалостно изгонял тех, кто недоработывал. Сергей Витальевич курил какие-то дешевые, дурно пахнущие папиросы, разговаривал сам с собой, сутулился, не стриг седые волосы, торчащие пучками из ушей и носа, гонял медсестер и пациентов, имел привычку скрежетать горлом, будто отхаркиваясь, петь во время операций и проверять чистоту и длину ногтей у персонала. И при этом он был бесспорным богом в операционной. Эльсен преобразался за своими очками и маской, и мне иногда казалось, что из его глаз в те минуты, когда он по кусочкам собирал очередную жертву, смотрит и светится сам Белый Целитель.

Старый хирург не жалел ни себя, ни нас, и с ним срабатывались немногие. Чем приглянулась ему я в первые же дни работы в госпитале — не знаю. Как я не сорвалась и не нахамила ему в ответ на постоянные придирки и упреки — не знаю. Я работала сжав зубы, и только через месяц, после почти двадцатичасовой операции, когда штатный виталист упал в обморок прямо в операционной, а я продержалась чуть дольше — меня рвало в уборной от голода и слабости, — я увидела, как Эльсен, бледный и строгий, обходит утренних пациентов. Потом смотрит планы на неделю. И лишь потом едет домой.

Наверное, тогда я поняла, что ему можно простить все, даже если он станет бить меня по рукам каждый раз, когда я буду реагировать недостаточно расторопно. Я поняла, что обязана у него учиться, чтобы когда-нибудь тоже встать на бой против смерти и выиграть его.

А еще личность руководителя, безусловно, влияла на всю нашу команду. Эльсен нас подавлял, а мы им восхищались и готовы были ему руки целовать. Именно с ним я стала циничной и ехидной, начала много курить. И общаться с внутренним голосом. Хорошо хоть, заросли в ноздрах не начали расти.

Возможно, с Эльсена и началась моя любовь к умным харизматичным мужикам со скверным характером.

Сергей Витальевич Эльсен

Главврач провел меня в сестринскую, представил собравшимся коллегам. У коллег были благоговейно-недоверчивые лица. Они буквально говорили: «Неужели с нами правда будет работать принцесса? Она хоть скальпель от зажима отличить может?»

Да, трудно придется.

Затем меня отдали на растерзание Эльсену, который хмыкнул, кашлянул, что-то проскрипел себе под нос и, когда дверь за сбегавшим главврачом захлопнулась, оглядел меня с ног до головы, велел показать руки, снова хмыкнул и сварливо сказал:

— Деточка, запомни: рядом со мной ты не принцесса, и чтобы никакого мне тут выпендрежа. Сейчас возьму тебя на простейшую грыжу, не справишься — выгоню.

— Хорошо, — покладисто ответила я и улыбнулась. Жизнь возвращалась в привычное русло.

Я, конечно, справилась, но на сложную черепно-мозговую он меня не привлек, сказал стоять рядом и смотреть. Спасибо и на этом.

Я задержалась совсем немного, сдав смену и привычно сделал обход палат — пациенты обмирали от восторга, расспрашивали, действительно ли я тут работаю или это так, визит вежливости. После сентябрьских землетрясений прошел почти месяц, но сложные больные оставались в госпитале до сих пор.

Удивительно, как недавно это было — и как давно казалось.

Зная Эльсена, нормированный рабочий день — это ненадолго. Как только оценит, что я умею, сразу начнутся и переработки, и допуски к продолжительным операциям. Для него титул действительно ничего не значил. Да и разве мог он что-то значить для человека, знающего совершенно точно, что кишки простого горожанина ничем не отличаются от потрохов аристократа?

Оценила я и изменившуюся «начинку» госпиталя. Он стал чище и свежее. Стены блестели новой краской, глазающий на меня персонал — модной нынче разноцветной формой с цветочками и узорами: наверное, дабы пациентам было понятно, что их режет человек с чувством юмора. В палатах заменили старые койки, но самое главное — завезли инструменты, аппаратуру и препараты, так что, думаю, главврач в итоге смирился с моим присутствием.

Вечером пресс-служба королевского дома попросила дать небольшое интервью о первом дне работы и сфотографироваться в веселенькой больничной одежде — на моей форме и шапочке были нарисованы ромашки на голубом фоне. Я послушно отвечала на вопросы. Да, я всегда мечтала о работе в простом госпитале. Да, персонал прекрасный, очень дружелюбный. (Дружелюбность заключалась в том, что меня обсуждали так, чтобы я не слышала, и разглядывали не без стеснения, особенно когда я вышла покурить после «несложной грыжи».) Да, я считаю важным обратить внимание на положение дел в медицине. Конечно, я планирую учиться даль-

ше. Нет, недостатка в лекарствах я не заметила, но важно, чтобы заинтересованные люди не стеснялись поддерживать отечественную медицину. Нет, я не считаю, что аристократы обязаны работать, это личное дело каждого. Конечно, я очень благодарна главврачу Олегу Николаевичу Новикову за то, что взял меня на работу, и постараюсь соответствовать. Спасибо. Обязательно поделюсь впечатлениями через месяц работы.

Старательно улыбающаяся я в ромашках должна была появиться в газетах и в телевизоре на следующий день, но видеть это безобразие мне не хотелось. Не люблю публичности.

А после интервью я наконец-то отправилась домой. Там меня ждал семейный ужин, там была Поля, и мне страшно хотелось ее увидеть и обнять.

Семейный ужин больше походил на совещание. Полина, выглядевшая слишком сияющей для едва уцелевшей бедняжки, рассказала о произошедшем в Бермонте, периодически запинаясь, краснея и опуская глаза. Умеем же мы попадать в неприятности! И очевидно, что она многого недоговаривала.

Хотела бы я знать что.

Но ее возвращение принесло такое облегчение нам всем, что за криминальные наклонности сестру даже не ругали сильно. Так, пожурили, пожалели, взяли обещание всегда делиться проблемами в будущем и выпили за благополучное разрешение ситуации. Каролине, как и племянникам, наливали сок, и она страдала из-за того, что маленькая, и требовала себе тоже шампанского. Но Василина строго сказала «нет», и младшенькая как-то стусевалась. Мартинка тихо посапывала на венценосной груди сестры, но малышку не уносили в детскую, и я понимала почему. В этот вечер хотелось, чтобы были вместе.

Затем Вася сообщила про договоренность о браке между Бермонтом и Полиной — стало понятно счастливое выражение лица нашей пропажи, и на Пол снова посыпался шквал вопросов, после которых опять выпили — за удачное будущее замужество.

Потом, когда уже принесли десерт, Полинке и заинтересованной Каролише, с которой полной историей никто не делился, рассказали о том, как нашу семью обнаружили, о коронации и о поисках Анжелины. Говорила в основном я, хоть и вымоталась на работе. Периодически меня сменяла Василина, рассказывающая мягко, тихо, чтобы не потревожить малышку.

Выпили за то, чтобы наша старшая тоже вернулась. Отсутствие Ангелины на этом семейном сборе очень ощущалось, как будто в прекрасно звучащем пианино не хватало клавиши.

Вечер тек своим чередом и смело мог претендовать на премию «семейная идиллия». Я, расслабленная и удовлетворенная после первого рабочего дня, откинулась на спинку стула и любовалась Полей, а она, в свою очередь, время от времени поглядывала на какое-то колечко на пальце и с умилением наблюдала за нами. Каролина хвасталась успехами в школе, отец рассказывал о своих планах по реконструкции дворца, Василина делилась трудностями в управлении государством, Мариан толковал о подготовке парада в честь дня рождения супруги, я вставляла ехидные комментарии, Алина поведала нам про жизнь в общаге. Мальчишки клевали носами, но упорно отказывались идти спать. И вечер плавно уходил к ночи, а мы все говорили и говорили, и было нам тепло и уютно. И даже на сообщение Алины о том, что она хочет поехать на праздник к другу, отреагировали благодушно.

— Только оставишь телефон друга и адрес турбазы, — сказал Мариан, и Алина, радуясь, кивнула.

Такой уж это был вечер, что даже самые сильные страхи и тревоги не могли нарушить его мирное течение, и сила семьи особенно чувствовалась — будто все нам по плечу, когда мы вместе. И разошлись мы поздно, уставшие, но очень довольные, зевающие и умиротворенные.

Не хватало только Ани, но все почему-то верили, что она скоро будет дома.

Полина

Полина перед сном полюбовалась в зеркало на свои отросшие волосы, затем заплела их в косу, выключила свет и легла в кровать. И уже в полудреме услышала тихий щелчок, почувствовала родной запах и мужское тело, прижавшееся к ней.

— Какое полезное колечко, — сказала она со смешком, чуть сдвигаясь назад. — И почему ты не дал мне его в Обители?

— Оно работает, только когда рядом есть крупный телепорт, — тихо объяснил Демьян, грея ее затылок своим дыханием. Рука его медленно ласкала ее живот поверх сорочки — вверх-вниз, вверх-вниз. Замерла, чуть коснувшись груди, и снова вниз.

Дыхание его утяжелялось, он прижался к шее губами, лизнул, еще раз и еще, прикусил кожу — Пол замерла — и тут же отпустил.

— Полгода, — напомнила она.

— Я поговорю с Василиной, — пообещал Демьян. — На ее празднике.

— Ты уже обещал...

Рука переместилась на бедро, и сорочка поползла вверх. Полли пошевелилась, чуть приподнялась, помогая, и пальцы снова скользнули на живот, теперь уже под ночной рубашкой. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Демьян заурчал у ее уха, и она изогнулась, закрыла глаза, улыбаясь.

— А о каких боях ты говорил? — вспомнила вдруг. Заговорила, только чтобы отвлечься.

Пальцы подбирались к груди, и он все время одергивал себя, только дышал тяжело в затылок.

— Это традиция, заноза моя. — Голос был низкий, приглушенный. — Если Бермонт берет в жены кого-то не из берманских родов, подданные имеют право оспорить его право на трон.

Рука все-таки коснулась соска кончиками пальцев — и так и застыла там. Кожу колело, и ей хотелось, чтобы он продолжил.

— Прямо во время пира, перед брачной ночью, и происходит бои, Полюш, — Демьян снова заурчал, стянул зубами ткань с плеча, коснулся его языком. — Боги, какая ты вкусная.

— И что дальше? — Полина не шевелилась, только чтобы не провоцировать. Но ей очень хотелось сдвинуться под его руку.

— И если я проиграю, то ты станешь женой другого. И именно он взойдет с тобой на брачное ложе...

— Что?!! — Она задохнулась, развернулась резко, с яростью. Попыталась встать — обида бушевала внутри, сметая все, и хотелось крушить и кричать. Но Демьян дернул ее за руку, обнял, зафиксировал, навалился сверху, тяжелый, мощный, не давая брыкаться и вырваться, — однако она все равно пыталась, ругаясь громким свистящим шепотом, что пусть проваливает, что он ей не нужен, и она ни за что за него не выйдет теперь, и пусть живет со своими традициями, и как он может так поступать!

— Полюш, — сказал Бермонт тихо, — ты не веришь в меня?

И поцеловал. Она затихла, зло поблескивая глазами и сжав зубы.

— А если ты не выиграешь?

Хотелось плакать.

— Никогда не сомневайся во мне, Пол, — прорычал он, нависая над ней и вглядываясь в нее. — Поняла? Это нужно, чтобы кланы признали тебя.

— Я тебя не люблю больше, — прошептала она обиженно и отвернулась.

— Полли...

— Чего?

— Посмотри на меня.

— Нет. — Она зажмурила глаза.

— Обиженный медвежонок.

— Не подлизывайся.

— Полюш...

— Уходи...

— Я тебя люблю... слышишь?.. И никому не отдам.

Молчание.

— Пол... медвежонок мой... ну вот такая твоя будущая страна. И таков обычай. Не сердись.

Молчание. Демьян перевернулся, увлекая невесту за собой, и теперь она лежала на нем, головой на груди, и мстительно, больно сжимала коготками его предплечье.

— Полюш...

— Угу.

— Поля, поцелуй меня.

— С чего бы это? — пробурчала она, но все-таки прикоснулась губами к его коже. Под ухом ритмично билось сердце, мужские руки на спине грели, а запах убаюкивал, успокаивал.

— Спи, заноза моя...

ГЛАВА 5

Вторая половина октября,
МагУниверситет
Виктория, вечер понедельника

Виктория Лыськова расчесывала длинные черные волосы, сидя перед зеркалом в своей комнате в общежитии. Нужно было ложиться спать, но она прокручивала в голове сегодняшний разговор с главой службы кадров инляндского двора.

— Его величество Луциус недоволен вашим затянувшимся полупотпуском, — сказал он. — При всем уважении к вашим регалиям, леди

Лыськова, уже почти два месяца вы появляетесь максимум на полдня, а двор обслуживают ваши помощники. Как скоро вы думаете вернуться на полноценную службу?

Виктория попросила еще две недели, хотя понимала: вряд ли что-то изменится. Она так и жила на две страны — как и Макс, и Мартин. Утром — в Рудлог: читать лекции, проводить семинары; затем — в Инландию, отработать хоть немного по должности, затем — обратно в общежитие. Хотя Мартин вон вообще ухитрился работать на два учреждения, проводить занятия в каждом и еще держать в тонусе преподавательский состав в своей Блакорийской МагАкадемии. Плюс и активную личную жизнь вести с принцессой Мариной-Иоанной. И как ему постоянно удастся очаровывать бесконечное количество женщин?

«Как, как, — ответила она сама себе. — Во-первых, он беспроблемный и веселый, а во-вторых, признай, что Март очень даже привлекателен. Как мужчина. Просто ты от него привита».

Вики хмыкнула. Неудивительно, что ему постоянно хочется напиться и выспаться.

Кампания по поиску демонов в университете явно зашла в тупик, и план Алекса не работал. Темные пока брали свое в снах и проявляться не спешили. В аурах живущих в общежитии студентов Вики ничего не замечала, а потоки стихий в этом хаосе молодых и активных будущих магов так причудливо перемешивались, создавая постоянный магический «белый шум», что выделить кого-то одного просто не было возможности.

Виктория вздохнула, отложила щетку, выключила свет и забралась в постель. Похоже, она способна почуять активность темных, только если случайно наткнется на демоненка в период «присасывания» к кому-либо лицом к лицу. Но не ходить же ей по комнатам ночами, сканируя каждого спящего студента? Хотя после почти двух месяцев бессмысленного здесь проживания придворный маг Инландеров была готова и на это.

Виктория согрелась, и стала засыпать, и уже почти уплыла в мягкий и приятный сон, когда услышала чье-то дыхание. Но страшно не было: она откуда-то знала, что это кто-то свой. С трудом повернулась, щелкнула пальцами, вызывая светлячок. В кресле у кровати сидел Макс и разглядывал ее. Светлячок трепетал, тени плясали на лице и одежде мага, в ванной тихо капала вода, за стенкой был слышен

разговор соседа по телефону, кто-то прошагал по холлу, и эти звуки убедили Вики, что ей это не снится.

— Ты что тут делаешь? — спросила она, не смея поверить. Слова шли тяжело, словно застревая в горле.

Он пожал плечами:

— Пришел к тебе, Вики. Не хочу больше с собой бороться.

Она приподнялась на локтях. Хотелось одновременно и улыбаться, будто ей только что вручили самый дорогой подарок, и хмуриться.

— А как же Мартин?

Тротт поднялся, стал раздеваться, и она сглотнула, рассматривая его жилистое тело со светлой кожей, следя за движением его рук. Он всегда ходил наглухо застегнутый, аккуратный, и видела она его последний раз без одежды давным-давно, когда они всей своей магкомпанией поехали отдыхать на море.

— Март поймет, — сказал Макс хрипло, нависая над ней. Закружилась голова, и Вики потянулась к нему, обняла, жадно поцеловала, чувствуя его руки и горячее тяжелое тело и совершенно слабея от этого. Он пришел. Сам. Он хочет ее.

— Тебя нельзя не хотеть, Вики, — прошептал он горячо, — ты прекрасна.

Он целовал ее так, что Виктория задыхалась и трепетала, приподнимала бедра навстречу, сжимала плечи, и в ушах звенело — так хотелось почувствовать его всего, — и когда наконец он начал двигаться, она застонала ему в губы — так прекрасно это было.

— Вики, — шептал он тяжело и снова целовал ее, — Вики...

— Вики! — кричал кто-то над ухом. — Виктория!

Щеку обожгло болью, потом еще раз и еще.

— Виктория! Проснись немедленно!

Макс начал таять, превращаясь в туман, и она заныла от разочарования, хватаясь за него.

— Виктория! Да что же это такое, — ругань на блакорийском, торпливые шаги, звук льющейся воды, — идиотка безалаберная, — снова шаги, — вот от кого не ожидал, — какой-то скрежет, и на нее обрушился ледяной водопад. Вики взвизгнула, давась водой, которая все не переставала течь, закашлялась, открыла глаза, перекатилась по кровати, воинственно шипя, как кошка.

Над постелью стоял фон Съедентент с огромным ведром, одновременно злой и смеющийся над ее ошарашенным видом.

— Идиотка, — припечатал он снова, отбросил ведро, — мне что, каждый вечер самому щиты активировать? Ты зачем их отключила?

В комнате начало проявляться Зеркало, и через пару секунд из него вышел совершенно невозмутимый Макс в лабораторных перчатках и очках, оглядел комнату, задержал взгляд на Виктории. Ей стало совестно.

— Малыш, — ехидно поддел его блакориец, — а я опять первый. Давай, снимай след, будем искать злодея.

Вики медленно подняла ладонь и вытерла совершенно мокрое лицо. С волос вода текла по спине, по груди, и тело остывало. И с этим приходило осознание случившегося.

— Дайте мне две минуты, — хрипло попросила она, — нужно переодеться.

Волшебница встала. Ее шатало, голова болела, будто после жесточайшего похмелья. Во рту было сухо, а на душе — противно.

Мокрая сорочка прилипала к телу, и мужчины проводили Викторию взглядами.

Когда она вернулась, одетая в сухое и растирая волосы полотенцем, в комнате было уже трое мужчин. Алекс с тревогой смотрел на нее. Он явно хотел что-то спросить, но Вики сжала зубы, качнула головой. Села в кресло.

— Читай, — сказала Макс. — Надо поймать наконец этих гаденшей.

Когда Виктория открыла глаза, Макс уже поднялся. Он не смотрел на нее, но был бледнее обычного, и желваки на скулах ходили туда-сюда.

— Бесполезно, — сообщил инляндец сухо, — он уже проснулся, и я не вижу ничего конкретного. Рядом, на нижних этажах, мужчина.

Он пошел мыть руки, а Мартин сунул ей чашку горячего настоя.

— Алекс успел сходить к себе, взять Максов тоник, — пояснил он. — Пей, а то на тебе лица нет. Что тебе снилось, Вик? — спросил он тихо, и она покраснела, наблюдая, как Тротт выходит из ванной.

— Один человек. — Макс уселся в кресло, упорно не глядя на нее. — Я не поняла, что это сон. Поэтому и не среагировала.

— А щиты зачем отключила? — поинтересовался Алекс. Он выглядел еще более изможденным, чем Виктория.

— В Инляндию сегодня моталась, проверяла защиту дворца, отключила, чтобы не фонили... и забыла активировать, — призналась Вики. — И не надо на меня так смотреть, Март, я замоталась совершенно.

Тоник был противным, но действенным, и она медленно пила напиток, ощущая, как отступают головная боль и слабость. Снова посмотрела на Макса, тот глянул на нее и опустил глаза.

— Ясенько. — Блакориец со злостью пнул злополучное ведро, и друзья удивленно посмотрели на Мартина. — Алекс, сообщая тебе, что твой план — туфта. Мы имеем старого и немощного тебя, немного подвыпитую Вики и ценную информацию о том, что в общаге живут демоны. Надо что-то другое придумывать и выманить их, когда они бодрствуют. Сегодня один из них подзакусил Викой, на прошлой неделе насосались от тебя — так они помаленьку, не выходя из тени, наберутся сил, и будет нам всем очень хорошо. Что делать-то теперь?

Алекс поморщился:

— Не оставим им другого выхода, кроме как попытаться напасть на меня. Надо подождать еще неделю максимум, пока я сливаю внешний резерв, чтобы выглядеть истощенным. Не хочется оставаться без защиты, но если демон обнаглел настолько, что напал на сильнейшую Викторию, то скоро его, точнее их, будет не остановить. Потом сообщу, что по состоянию здоровья не могу больше занимать пост ректора и что собираюсь уезжать. Должно сработать.

— Бред, — резко возразил Тротт. — Ты, похоже, решил доконать себя, Данилыч? Я скорее взломаю каждого из живущих в этой общаге и отсижу лет сто, чем соглашусь на этот план. Да и зачем ты им нужен будешь, без резерва?

— Внутреннего им вполне хватит обожраться досыта, — сказал Свидерский тихо. Макс выругался, и теперь уже на него смотрели с удивлением.

— Внутренний тебе нужен, чтобы жизнь поддерживать, — зло напомнил инляндец, — и если его опустошат, никто тебе помочь не сможет. Надо что-то еще придумывать. Если не придумаем — подождите хотя бы две недели, а лучше месяц, я закончу реагент на кровь темных, просто возьмем анализы у студентов и выясним все научным путем. Быстрее не получится, слишком много доз надо, но и рисковать никем из вас не будем.

— Кроме нас, еще есть студенты и преподаватели, — тихо и скрипуче произнес Алекс. — Не думаю, что темные будут ждать месяц.

— А, я понял, — жизнерадостно оповестил всех Мартин. — У нас началась благотворительная неделька «Отдайся демону». Макс, ты как, не хочешь тоже попробовать вкусить ощущений? Заодно используем тебя как тайное оружие — темные посмотрят, что у тебя в голове творится, и сами издохнут от потрясения и ужаса.

— Спасибо, — открестился рыжий профессор, мрачно глянув на стиснувшую стакан Вику, — я уже сегодня вкусил. Тем более что на меня их ментальные атаки не действуют, сам же знаешь. Те, в ком есть кровь Белого, все защищены в той или иной степени. Может пробить только сильный, и только если лично столкнемся.

Виктория чувствовала себя жутко неловко, но все-таки спросила:

— Макс, объясни мне, каким образом они узнают о наших воспоминаниях или желаниях и насылают такие сны? Как у Алекса и меня?

— Темные — сильные менталисты, Вики, а это обычное эмоциональное воздействие, направленное на то, чтобы человек расслабился и раскрылся, — уже совершенно спокойно и даже занудно пояснил Тротт, — для него не нужно ничего знать. Наш мозг сам выстраивает картинку под внешний раздражитель, как, например, бывает в обычном сне — рядом кто-то может включить музыку, а тебе приснится, что ты на концерте. А тут к тебе, к твоей ауре «присасываются», и сознание само подкидывает сны, объясняющие эти ощущения. Менталист же уже постфактум картинку видит и, если силен, может ею манипулировать, включая туда какие-то воспоминания или наведенные образы. Но если он напрямую вмешивается в сон, его можно и перехватить. Если бы ты вместо светлячка запустила бы в... в того, кто тебе приснился, боевым заклинанием, то убить бы не убила, но боль бы он испытал вполне реальную. Поэтому так рискуют редко.

Вики поколебалась.

— А ты так можешь?

— Если захочу, смогу, — равнодушно ответил природник. — Но зачем? Питаться способны только темные, а подглядывать за чужими снами — сомнительное развлечение.

— Ему куда веселее водоросли на составляющие разделять, — хохотнул неугомонный Мартин. — И с растениями разговаривать. Макс, а правда, что ты зачаровал деревья вокруг своего дома, чтобы они к тебе гостей не пускали?

— Правда, — зло процедил Тротт. — Откуда узнал?

— От графини Кьёльхен, — весело пояснил Съедентент. — Она раньше была любовницей вашего посла в Блатории. А тот когда-то возглавлял комитет по здравоохранению Инляндии. Говорит, делегация к тебе пыталась добраться, так вернулись все ободранные, в занозах. Якобы деревья их блокировали, злобно шуршали и кололись

веточками. Сказала, что любовник, пообщавшись с питомцами Максика, тут же подал прошение о переводе на другую должность. Так и попал в Блакорию.

Вики чуть расслабилась и даже улыбнулась. Мартин глянул на нее и ободряюще подмигнул.

— Вот видишь, Кусака, откуда появляются легенды о злобных лесных колдунах. С нашим Малышом по извращенности ни один демон не сравнится.

— А с тобой — по болтливости, — огрызнулся Макс. — Алекс, — Свидерский поднял глаза, — если ты все решил и убедить тебя не заниматься суицидом нельзя, то нам нужно подготовиться. Брать надо сразу, второго шанса не будет. Тебе нужна активная переноска. Мартин, ты сможешь сделать за это время?

— Зигфрида попрошу, — легко пообещал тот, — буду еще на фигуно время тратить. Я бы вообще Данилыча твоим антидемоническим репеллентом обработал, чтобы наверняка.

— Нельзя, — сказал Алекс, — почуют. Но взять с собой могу, если Макс сделает в виде капсулы с жидкостью, например. Чтобы можно было быстро раскусить и проглотить. Март, а что с обратным щитом, про который Алмазыч говорил?

— Будет вам щит, главное, чтобы никто посторонний под него не попал, иначе и его опустошит, — поделился блакориец. — Откачивай потом. Викуля, а ты готовь источники — как поймает и нейтрализуем, надо будет Алекса сразу докачивать. В остальном будь милой девочкой и не лезь под руку.

Все хорошее отношение к нему у Виктории сразу же пропало.

— Я, вообще-то, дипломированный боевой маг, фон Съедентент, — отчеканила профессор, — и стоять в стороне...

Мартин выставил ладони вперед.

— Боевой, боевой, — произнес он со смешком. — Самый боевой из всех боевых магов.

Вики хотела сказать что-то резкое, язвительное, но моральных сил ругаться не было, и она просто махнула рукой и плотнее запахнулась в теплый халат. Алекс укоризненно покачал головой.

— Думаю, пора расходиться спать, господа маги. Я завтра набросаю план, и после занятий обсудим. Хорошо?

— Я только «за», — сообщил Тротт. — Давай я тебе Зеркало открою, Данилыч, и провожу.

Они исчезли в Зеркале, и в комнате осталась только угрюмая молчаливая Виктория и смотрящий на нее Мартин.

— Э-э-эй, — позвал блакориец тихо. Виктория поморщилась. — Эй, Вики... ну не обижайся...

— Иди уже отсюда, — устало ответила она. Но вместо того чтобы уйти, Март подошел к ней, сел на корточки и начал заглядывать в лицо, корча противные и смешные рожи, косил глазами, приговаривая: «Ну посмотри на меня. Посмотри», пока она не рассмеялась. А потом заплакала.

— Ну что ты, — сказал он растерянно. — Кусака... испугалась, да?

Приобняв ее неловко, выдерживая дистанцию, похлопал по спине, и Виктория зарыдала еще громче.

— Понятно, — произнес он, хватая ее на руки и открывая Зеркало. — У меня как раз стоит коньяк. То, что нужно испуганным боевым магам.

— Я с тобой спать не буду! — возмутилась Вики сквозь слезы.

— А тебе никто и не предлагает, — с комической серьезностью ответил блакориец, выходя в своей спальне. — Даже если очень попросишь. Даже если умолять будешь.

— Прекрати, — всхлипнула она и засмеялась.

— Вот-вот, — тоном доброго доктора подтвердил маг. — Типичная истерика. Сейчас я тебя напою и уложу спать. А сам скромно прилягу где-нибудь рядом, на тумбочке. Один, понимаешь, боюсь спать, очень мне страшно, так что будешь меня охранять. Ты-то ничего не боишься, правда? Поэтому и не попросила остаться и побыть с тобой?

Мартин нес какую-то чушь, разливая коньяк, и Вики, закутавшись в одеяло и подтянув на его огромную кровать ноги, сразу опрокинула стакан, потом другой, и только на третьем отпустило.

— Боюсь, — ответила она через какое-то время. Из-за алкоголя на голодный желудок язык заплетался. — А еще мне ужасно противно. Будто кто-то взял самое сокровенное, самое дорогое, извратил и испоганил его так, что я всегда буду помнить об этом. И это дорогое теперь навсегда останется с привкусом этой погани.

— Все будет хорошо, — заявил Мартин уверенно и тоже чуть пьяненько. — Это всего лишь сон, Вики. Что бы тебе ни приснилось, ты, и только ты управляешь своей жизнью, и только ты решаешь, как относиться к тому или другому.

Виктория кивнула, откинулась на кровать. Голова кружилась.

— А у тебя здесь миленько, — пробормотала она, — такой мужской минимализм.

Март расхохотался:

— Опять удар по моей гордости, Вики. Вот меньше всего я хочу, чтобы моя спальня выглядела миленькой.

Она кивнула и вдруг зевнула, отвернулась, уткнувшись в постель. Пахло Мартином, никаких бабских запахов не было. Что-то вспомнила, подняла голову — блакориецпил коньяк и смотрел на нее печально и задумчиво.

— А ты, — Виктория пыталась уловить убегающую мысль, — ты точно не хочешь... То есть ты вполне можешь спать со мной, Март.

— Нет-нет, — маг мотнул головой, — меня ждет прекрасная и удобная тумбочка. — И уже совсем другим голосом добавил: — Это плохая идея, Вики.

— Угу, — сказала она неуверенно. — Тогда я спать. Не выключай пока свет, ладно?

— Конечно, — ответил он, вставая и прихватывая с собой стакан и бутылку. — Конечно, Вик.

Мартин вышел в гостиную, глянул на себя в зеркало, отсалютовал отражению пустым бокалом.

— Поздравляю, парень, — пробормотал он Мартину-в-зеркале, глаза которого пьяно блестели. — Второй раз ты отказываешься от женщины, которую хочешь. Точно Макс заразил. — Посмотрел на себя, ухмыльнулся и добавил: — Глупостью.

Лорд Максимилиан Тротт оставил Алекса и перенесся к себе, в свой защищенный лес. Он отдавал себе отчет в том, что другу не нужна была помощь в открытии Зеркала, но воспользовался поводом, чтобы просто трусливо сбежать и не видеть глаз Виктории. Каждый раз, когда она смотрела на него, он видел в ее взгляде либо чувство вины, либо совершенно неприкрытый вызов. И реагировал, не мог не реагировать.

В его небольшом доме было темно и свежо, и он вздохнул с облегчением. Сразу разделся, пошел в душ, включил очень горячую воду на полный напор, подставил голову и плечи под жгущие струи.

Тело постепенно расслаблялось, а боль позволяла отвлечься. Кожа покраснелась, спина горела, и Макс выключил горячую, вывернул кран холодной, сжался весь, застучал от холода и злости на себя кулаками по стенам, зашипел сквозь зубы. Затем повторил снова и снова.

Не помогало, и он, не вытираясь, быстро вышел в спальню, достал из шкафчика собственноручно изготовленное убойное снотворное и выпил его.

Лорд Максимилиан Тротт терпеть не мог средства, которые не позволяли контролировать себя. Но сон был безопасен, а иначе избавиться от тихого голоса в голове, спрашивающего, почему он не остался там, с Викторией, на ночь и почему бы ему не вернуться к ней сейчас, не мог.

ГЛАВА 6

Конец октября, Пески
Ангелина

«...Люди здесь, в отличие от драконов, добродушные и словоохотливые. И очень наивные, как бывает у живущих в деревнях и далеких от городов поселениях. Они с радостью делятся со мной своими трудностями и надеждами, приглашают в дома, когда я выхожу прогуляться по городу (да, меня не держат взаперти, но, уверена, следят, чтобы не вздумала сбежать), просят благословить детей и сочиняют песни в мою честь. А служанки бесконечно рассказывают легенды о том, как хорошо было в Песках до ухода драконов. И все они боготворят Владыку Норши. Все верят в то, что он оживит пустыню. Хотела бы я, чтобы народ в Рудлоге так безоговорочно доверял правителям...»

«Терпение и выдержка».

Сорняк под треск рвущихся корней был выдернут из земли и, пролетев по воздуху, со шлепком упал в кучу своих собратьев.

«Чуть больше трех недель. И домой».

Розы понимающе кивали нежными светлыми бутонами — пустыня расщедрилась на рассветный прохладный ветерок. Было раннее утро, и Ангелина проснулась от непонятной злости. Всполошила сонных служанок, попытавшихся накормить ее завтраком. Отмахнулась, поплавала немного и, так и не сумев обуздать раздражение, пошла к клумбам.

Могла бы она подумать в свою бытность первой наследницей и украшением дома Рудлог, что у нее появится привычка возиться в земле? Видимо, семилетнее огородное рвение не прошло даром.

Садовники, извещенные о том, что розы — территория могущественной гостьи Владыки, с тоской обходили клумбы стороной. Зато у Ангелины всегда было куда приложить свою энергию.

«Ты думала, он не будет использовать любую возможность, чтобы сблизиться с тобой?»

Очередной сорняк шмякнулся чуть в стороне от принцессы, разбрызгивая вокруг сыпучую землю.

Мужчина в ее постели. Как он посмел? Дикарь, не понимающий личного пространства. Пользуется тем, что она никогда не будет визжать и вырываться, как простолюдинка. Да и сама она связана словом, а от слов своих отказываться может кто угодно, только не принцесса Рудлог. Остается только одно — холодность.

Стоит дать слабину... Стоит откликнуться на прикосновения этого доисторического ящера, и все, жизнь будет сломана.

А откликнуться хочется. Расслабиться, забыть обо всем, что сопутствует их общению, отвлечься. Не зря же дурочки из гарема говорят о нем с таким придыханием и нежностью. Но нельзя. Ни один мужчина не стоит того, чтобы хоронить себя в этой пустыне.

Тем более мужчина, который в другой ситуации на тебя бы и не посмотрел и который будет использовать любое средство, только чтобы сделать тебя своей женой.

А разве ты не поступала бы так же? Разве не вывернулась бы наизнанку ради того, что тебе дорого? Вот и он... выворачивается. В политике нет неприемлемых инструментов, ей ли не знать. И соблазнение столь же эффективно для облегчения переговоров, как и любое другое заманчивое для партнера предложение.

Но хорошо же, правда? Очень интересный экземпляр. Равный. Стратег, никакого нерва, истеричности. Настойчив, как бульдозер, и при этом достаточно гибок, чтобы менять стратегию на ходу, если предыдущий вариант не сработал. Ему бы современное образование — и на континенте засияла бы новая политическая звезда. Спокойный и ведет себя с достоинством. Даже когда просит — не подобострастный. Не «можно я прикоснусь к тебе», а «мне нужно прикоснуться к тебе».

Прохладный, как вода. И голос — как перекатывающиеся в реке валуны.

Хорошо, что ты никогда не была восторженной девчонкой. И все эти маневры вокруг и около вызывают у тебя только сдержанный интерес, ну хорошо, любопытство: что он будет делать дальше? Насколько хватит его сдержанности? Когда наступит критический момент и он от мягкости перейдет к жесткости, к угрозам и принуждению?

Ангелина ставила на конец отведенного ей месяца. Вряд ли он отпустит ее. Она бы на его месте не отпустила.

В прохладном, как вода, Нории принцесса не обманывалась. Достаточно было понаблюдать за ним, чтобы понять: на самом деле дракон способен быть и жестким, и неуступчивым, и подавляющим, и гневаться так же мощно, как она. Потомки богов вообще не отличаются сдержанным и мягким характером. Не зря же повинуются одному его слову и люди Истаила, и живущие здесь драконы.

Оперативно перепаханная под раздражение принцессы клумба радовала взор, и Ангелина разогнулась, оглядела просыпающийся дымчатый сад с полосами пробивающегося меж деревьями солнечного света, сияющий, как жемчужина, драконий дворец, с брезгливостью посмотрела на свои исцарапанные и испачканные руки, черные ногти. Даже перчаток тут нет. Как здесь вообще можно жить?

По земле пронеслась тень, затем еще одна, и Ангелина подняла голову. В воздухе, завершая круг, парили два дракона, розоватые в свете поднимающегося солнца, огромные, красивые. Все-таки какие волшебные, невероятные создания! И как страшно то, что случилось с их народом.

Драконы скрылись за стенами дворца, опустившись во внутренний двор, а первая принцесса дома Рудлог, с удовлетворением оглядев дело рук своих, пошла обратно в покои. Теперь, когда она поработала и привела мысли в порядок, можно снова поплавать. И позавтракать. А потом — дела Истаила и Песков. Которые приносят ей не меньше удовольствия, чем прополка розария, но, к сожалению, не дают такого же быстрого и наглядного результата.

Проснувшиеся служанки ждали принцессу из бассейна с полотенцами и халатом, и Ангелина уже привычно прошла в сияющую золотом и мрамором купальню, позволила облить себя из кувшинов мягко пахнущей травами водой, вытереть, накинуть халат. Пока она плавала, к дворцу слетелись еще несколько драконов, и если она не успеет перехватить Нории, то поговорить снова не удастся.

— Суреза, — сказала Ани, когда служанка расчесывала ее волосы, — пусть накроют завтрак на двоих. И сообщи Владыке, что я хочу позавтракать с ним в своих покоях.

Во взгляде малиты мелькнула неуверенность, но Суреза только опустила глаза и пробормотала:

— Хорошо, госпожа.

Нории тоже плавал с утра, поглядывая на трепещущие разноцветные занавески, ограждающие бассейн его невесты от любопытных взглядов. Тело его, любящее стихию Синей Богини, давшую драконье-

му народу жизнь, стремительно двигалось в голубоватой воде бассейна. Он любил нырять, любил ощущение тишины и покоя под водой, любил плавать у дна лицом вверх, изучая, как меняется пространство по ту сторону водной глади, любил собирать горстями песок с ложа глубокой чаши и затем разжимать кулаки, наблюдая, как золотистой пирамидкой опадают песчинки.

В воде Нории мог побыть играющим мальчишкой и отвлечься от тяжелых мыслей, болезненных воспоминаний и тревог о будущем.

Но свободней всего он чувствовал себя на море, когда мог вернуться в дракона и поиграть в материнских объятиях Богини-Воды. Решено. Закончит облет городов и снова отнесет похищенную им принцессу на берег Южного моря. Ему этого хочется, наверное, даже больше, чем ей.

К краю бассейна деликатно подошел слуга, склонил голову. Изпод воды его силуэт выглядел изломанным и мутным, словно отражающимся в кривом зеркале.

— Что, Зафир? — Хозяин Истаила вынырнул на поверхность, отбросил рукой волосы с лица.

— Великая сафаиита просит вас присоединиться к ней за завтраком, — несколько недовольно высказался Зафир. Виданное ли это дело — передавать приказы Владыке! Он так и сказал личной служанке гостыи из-за гор, на что малита высокомерно посоветовала ему не вмешиваться в отношения Владыки и его невесты, потому что госпожа — не простая женщина, а великая волшебница и, если Зафир что-то скажет про нее нехорошее, наколдует ему рог на лбу и горб на спине.

Они разошлись, недовольные друг другом, и все же верный слуга смягчил формулировки, переделав приказ в просьбу.

Нории вышел из бассейна, посмотрел на песочные часы. Очень удачно.

— Разместили ли прилетевших? — спросил он, окунаясь в купальне в чашу с минеральной водой.

— Да, господин. — Зафир взглядом отослал ожидающих массажистов — ему с его опытом уже было понятно, что Владыке сейчас не до массажа. — К каждому приставлены слуги, господа отдыхают сейчас после перелета в своих покоях.

— Распорядись подготовить к полудню малахитовый зал. Мы будем говорить.

— Будет сделано, господин.

Принцесса ждала его у накрытого стола, пила чай и рассеянно поглядывала в окно. Увидела дракона, улыбнулась холодно, сдержанным изящным жестом пригласила присоединиться.

— Ты очень свежо выглядишь, — пророкотал Нории, оглядывая ее розовые щеки, аккуратно собранные волосы, блестящие темные глаза. Ангелина склонила голову, принимая комплимент. Служанки наливали ему чай, раскладывали по тарелкам холодное мясо и овощи, а он нахмурился — увидел ее исцарапанные руки.

— Выйдите, — сказал коротко, и женщины поспешно удалились. Принцесса посмотрела им вслед, затем выжидающе глянула на драконьего Владыку.

— Ты поранилась, — произнес он.

Она бросила равнодушный взгляд на свои руки.

— С утра занималась розами. Ерунда, Нории. У вас прекрасные заживляющие мази.

— Дай мне руку, — сказал он нетерпеливо, и невеста его, чуть помедлив, с ироничной улыбкой протянула кисть. Он отметил эту улыбку. Понятно. Значит, стойкая, как самая крепкая сталь, женщина нашла против него еще одно оружие. Холодность и иронию.

Нории наклонился вперед, аккуратно притронулся к ее пальцам, прикрыл глаза, повел рукой выше, к локтю. Услышал приглушенный вздох, улыбнулся.

— Давно хотел сделать это, — признался он даже с некоторым самодовольством. — Шрамы тебя не красили.

— Эти шрамы — напоминание о не самом легком периоде в моей жизни, — откликнулась принцесса, рассматривая излеченную руку — без рубцов от ожогов, без царапин. Протянула ему вторую.

— Покалывает, — сообщила она, внимательно наблюдая за Нории.

— Возрождение всегда идет через боль, — ответил дракон, пробегая кончиками пальцев по гладкой, обновленной коже от запястья до локтя. Посмотрел на огненную Рудлог — аура тепло пульсировала, и Ангелина насмешливо улыбалась, но руку пока не отнимала, словно спрашивая: и что ты будешь делать дальше?

— Вы сильны в целительстве, — рассеянно проговорила принцесса, мягко высвобождая ладонь и доливая себе чай.

— Мы дети Белого Целителя, я говорил тебе, — объяснил Нории, глядя на ее прямую фигуру, на разворот плеч: может ли что-то заставить их согнуться? — У нас нет больниц и аптек, поэтому люди либо

лечатся дома, либо, если что-то серьезное, идут к драконам. Огни каждый день принимает много болеющих.

— Кто она тебе? — поинтересовалась Ангелина, глядя, как он аккуратно кладет на плоскую тарелку сладкую баклаву, пропитанную медом, с начинкой из орехов и семечек.

— Двоюродная сестра. У нее в горé погибли муж и дети, Ангелина.

Она нахмурилась, словно своими словами он нарушил хрупкое очарование этого утра. Наверное, так оно и было.

— Неудивительно, что она так негативно настроена по отношению ко мне.

— Ее можно понять, — спокойно ответил Нории, глядя принцессе в глаза. Ани пожала плечами.

— Я понимаю. Вас всех понимаю. Только вы меня понять не хотите.

Дракон наклонил голову, и ключ, вплетенный в косичку, мазнул по его плечу.

— Не будем ругаться, Ани-лиша. Хорошо? Мы договорились, а остальное неважно.

— И ты выполнишь договор? — насмешливо спросила она. — Отпустишь меня?

— Отпущу, — пророкотал он уверенно и увидел, как пытливо она всматривается в его лицо, как изгибает губы — недоверчиво и даже презрительно. Опустила глаза, взяла сочный томат, откусила, о чем-то раздумывая.

— Что означает «Ани-лиша»?

— Маленькая сокровенная жена, — расшифровал дракон, улыбаясь. — «Ани» — сокровенная, «ли» — маленькая, малютка. «Ша» — это женщина, жена. Шеен-шари — невеста.

— Какая же я маленькая? — спросила Ангелина сухо. — Я большая, Нории. Крупная.

Он даже не понял сначала, что она говорит о своей фигуре. А поняв, гулко рассмеялся.

— Это для слабых и мелких мужчин ты большая. — Принцесса, недовольная его смехом, вскинула брови. — А для нормального мужчины ты маленькая и легкая. Ты же мне по плечо, Ангелина, и на руках я тебя могу нести долго. Мы любим разных женщин, главное, чтобы они были здоровыми.

— И покорными, — добавила она холодно, — как девочки из гарема.

Разговор, начавшийся вполне приятно, опять стал напоминать столкновение.

— Их никто не принуждает, принцесса, — пророкотал Нории приглушенно и увидел, как едва заметно дернулись ее губы, — они сами ко мне приходят. И да, я люблю покорных женщин. Но это не про тебя. От тебя покорности никто не ждет, ты же наследница Красного, равная мне, несущая огненную стихию. Хотя, — добавил он не обидно и даже шутливо, — слово «господин» в твоих устах звучит очень приятно.

— Я не хотела ставить тебя в неудобное положение, — сказала она сдержанно.

— Спасибо, — мягко кивнул Владыка. — Ты меня удивила. Но это не обязательно. Люди примут тебя такой, какая ты есть. И тем более не нужно менять себя перед драконами. Ты встретишься сегодня с ними? Они помогут в охране и поиске воды.

— Встречусь, — отозвалась Ангелина, помешивая чай. Совершенно без звука. Отложила аккуратно ложечку, поднесла к губам чашку. Какую? Третью, четвертую? Такое ощущение, что чай она готова пить бесконечно. — Мне нужно знать, сколько у тебя золота, — проговорила принцесса, окончательно переходя на деловой тон. — Без понимания объема финансов я не могу планировать закупки и развитие.

— Я отведу тебя в сокровищницу после завтрака, — пообещал дракон, улыбнувшись. — Может, выберешь себе что-то?

— Не выберу, — отрезала первая Рудлог, и Нории насмешливо склонил голову набок, словно прислушиваясь.

— Что-то еще?

— Да. — Ангелина пододвинула к себе листочек с записями. — Прежде всего нужно провести перепись населения города. Я должна понимать, сколько у нас детей, взрослых мужчин, женщин, что они умеют, чем занимаются в городе. Затем хочу обсудить с тобой отмену запрета на поход к горам...

Завтрак, перешедший в деловой разговор, продолжался более двух часов, и служанки, принося свежий горячий чай, лимонад и освежающий мятный лукум, тихонько сплетничали за дверями о том, как хорошо, что госпожа и господин столько времени проводят вместе, но плохо, что смотрят они в бумаги, а не друг на друга.

— Женщины, — презрительно пробормотал дежуривший тут же Зафир — вдрут Владыке что-то понадобится? — Вам бы только сплетничать.

Он бы никогда не признался в том, что ловит каждое слово периодически проходящих в покои малит.

Сокровищница находилась в зале на первом этаже, за тяжелыми дверями. Но охраны видно не было.

— Чужой отсюда не выйдет, — коротко пояснил Нории в ответ на вопрос Ангелины о мерах безопасности, открывая двери. — Не заходи, пока не позову.

Внутри было темно, и он первый шагнул в эту темноту. Ани стояла у входа и ежилась. Изнутри тянуло чем-то неприятным, будто кто-то зловещий пристально разглядывал ее и прикидывал, какова она на вкус.

Что-то зашелестело, зашуршало, центр зала осветился мягким тусклым светом, и она чуть не вскрикнула. Нории стоял почти у центра и ласково поглаживал холки двух здоровых, ему до пояса, полупрозрачных черных псов.

— Иди сюда, — сказал он тихо, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы шагнуть внутрь.

— Ты держишь здесь нежить? — Голос все-таки дрогнул, а псы, словно обидевшись, заворчали, показывая клыки. Ангелина не оставилась, но затылок от страха все-таки стал влажным, и сердце забилось быстрее. И в кончиках пальцев стало покалывать.

— Не бойся, — произнес Владыка ровно, — это не нежить, это охранные духи. У нас добровольный договор. Я разрешаю их сородичам жить на территории города, они помогают охранять. Дай руку.

— Зачем? — спросила принцесса с подозрением. Псы презрительно глазели на нее и шумно дышали. Видимо, духам тоже было жарко здесь.

— Познакомлю вас, — пояснил дракон, — сможешь заходить сюда, когда захочешь.

Ангелина подошла совсем близко, разглядывая призрачных собак. В Рудлоге с природными духами встретиться можно было нечасто, они избегали крупных высокоэтажных городов, предпочитая жить на природе, или, на крайний случай, договаривались с людьми и поселялись в деревенских домах, помогая хозяевам за кров и пищу. Принцесса за свою жизнь не видела ни одного, а тут сразу два, и такие здоровые.

Нории взял Ангелину за руку, перевернул ее ладонью вверх.

— Это ваша хозяйка, — пророкотал он, — запомните и другим передайте.

Псы один за другим ткнулись ей в ладонь холодными носами — показалось, будто она сжала в кулаке кубик льда, — и лениво несколько раз махнули хвостами.

— Они не любят громких звуков, — объяснил Владыка, — а при ярком свете их просто не видно. Если захочешь кого-то привести, сначала зайди сама. — Нории снова потрепал псов по холкам, и те охотно подставлялись под его ладони, словно были настоящими, из плоти и крови.

— Как их называют? — поинтересовалась принцесса, успокоенная тем, что на нее не обращают внимания, выпрашивая ласку у хозяина.

— Тер-сели, это духи воды. — Нории улыбался, глядя на начавших резвиться собак. — Они любят людей, потому что с людьми им тепло. Принимают облик домашних животных. Молоко обожают и млеют от шерстяных вещей, поэтому женщины вяжут для новых домов ковры из шерсти овец. Тер-сели стали возвращаться в Истаил вместе с народом Песков. Вообще, они могут принимать вид совершенно обычных собак, из плоти и крови, просто сейчас ленятся. Лентяи, — рассмеялся он добродушно, и один из псов прыгнул ему на грудь, лизнув его лицо с совершенно счастливым видом.

— Им скучно тут, наверное? — Ангелина совсем перестала бояться этих странных игривых охранников.

— Они меняются. — Нории отмахнулся от тыкающегося ему в бедро пса. — Ты не смотри, что они разыгрались. Воры отсюда живыми не уйдут.

— Надо думать, — пробормотала принцесса, успевшая оценить зубастые пасти тер-сели.

— Ну все, хватит, хватит. — Псы поскуливали, виляли хвостами, и дракон еще раз почесал их, потрепал по спинам. — У нас дела. Потом зайду, поиграю с вами. Или Зафира попрошу. Идите.

Собачищи послушно растаяли в тусклом свете единственного светильника, словно впитавшись между мраморными плитами пола. Нории вернулся ко входу, закрыл тяжелую дверь, и тут же по периметру зала стали вспыхивать золотистые круглые шары.

— Магический свет работает, только если дверь закрыта и внутри кто-то есть, — пояснил он. Но Ангелина его не слушала. Она осматривала сокровищницу.

Зал был большой, без окон, но с обязательными арками в стенах, мозаиками и колоннами. У стен стояли широкие мраморные лавки с углублениями, будто это была не сокровищница, а гигантская прачечная — так походили эти углубления на корыта. И все они были заполнены золотом.

Ани с недоверием подошла, осмотрела одну из монет. Вот это да! Когда драгоценного металла столько, он начинает восприниматься как песок. Но нет, чистейшее золото, тяжелое, весомое — ей ли не знать, как ощущаются в руке настоящие драгоценности.

— Это монеты, которые мы чеканили до войны, — глухо сказал Нории, запустив руку в одно из «корыт» и просыпая обратно горсть блестящих кругляшков. — Напротив, кстати, ты можешь увидеть старые рудожские монеты — мы вели активную торговлю.

Ангелине археологические изыскания были неинтересны: она соображала, как подсчитать реальный вес золота в драконьей сокровищнице и перевести его в современную валюту. Чтобы понимать, сколько финансов у нее на руках.

— Здесь слитки. — Нории поманил принцессу в угол, где стояла высоченная, почти до потолка, пирамида, сложенная из тускло мерцающих неровных шаров размером с мужской кулак. Будто кто-то, забавляясь, налепил тысячи неаккуратных больших снежков, а потом обратил их в драгоценный металл. Она сначала и не поняла, что это тоже золото, — пирамида была выше Ангелины раз в пять, занимала почти четверть зала, и удивительно, как под этой тяжестью не трескался пол. Сколько же здесь тонн? И как, интересно, эти слитки достают с вершины? Вытащишь из основания — и все рассыплется. Или держатся с помощью магии?

— А здесь, — продолжал дракон, подходя к своеобразным мраморным «полкам» на стене, где были выставлены драгоценности, сияющие самоцветами, — вещи нашей семьи. Парадные украшения, мы их надевали на большие праздники, и магические амулеты.

Он с любовью перебирал какие-то диадемы, украшенную перьевую для оружия, кинжал с золотой рукоятью, кольца, браслеты, и Ангелина даже отвлеклась от подсчетов, наблюдая за ним. Наблюдала и молчала. Внутри было гадко.

Нории обернулся, посмотрел на нее и что-то увидел в ее глазах, потому что нахмурился, отошел от полок.

— Достаточно тебе золота, чтобы вернуть Пески к жизни? — спросил он насмешливо.

— Мне нужно знать вес, — ответила Ани, стараясь, чтобы голос не передал жалость, которую она испытывала в тот момент.

— Взвесят и подсчитают, — сказал Нории коротко. — Я предупрежу тер-сели, чтобы не тронули слуг. Если это тебе поможет, то слитки здесь весом от восьмисот граммов до полутора килограммов, и их тут более пятидесяти тысяч.

Ани быстро пересчитала в уме на рудложские руди, взяв килограмм на слиток.

— Почти сто миллиардов руди только в слитках. — Она покачала головой. — Неплохо.

— Неплохо? — иронично переспросил он. — Мы были богаче всех стран, вместе взятых.

— У Рудлога сейчас бюджет в сотню раз больше, — пояснила принцесса. — Но и населения около семидесяти миллионов. И расходная часть очень весомая. И территория обширнее.

— Ненамного, — проворчал дракон. Она улыбнулась. Золота Песков точно хватит на развитие до становления торговли. А там — как управлять будут.

— Если нормализуешь отношения с Рудлогом, — рассуждала Ангелина увлеченно, шагая рядом с Нории по колонной галерее дворца, выходящей в парк, — то половину надо распределить по банкам континента. Тем самым уберешь излишек с рынка и будешь получать проценты. И в Песках можно открыть кредитно-инвестиционный центр. Золото постоянно растет в цене, люди будут вкладывать живые деньги.

Принцесса глянула на Нории — тот шел рядом с непроницаемым лицом.

— Извини, — произнесла она мягко. — Я все объясню. И что такое банки, и что такое кредиты. И, — Ангелина замялась, — когда все наладится, рекомендую тебе получить экономическое образование. Без него в управлении делать нечего.

— Или мне нужно уговорить остаться женщину, которая уже имеет это э-ко-но-ми-че-ское образование, — ответил он, останавливаясь у какой-то двери. Ани бросила на него ледяной взгляд — дракон улыбнулся, и она уже хотела сказать что-нибудь резкое, когда вдруг поняла: он ее дразнит.

— Уговаривать никто не запрещает, — сказала она высокомерно, не желая шутить в ответ. Дистанция и осторожность. А то сначала пожалеешь, потом пошутишь, а потом уже раз — и в женах доисторического ящера.

Нории снова улыбнулся, на этот раз понимающе, и открыл дверь в малахитовый зал.

— Нас ждут драконы, — произнес он, приглашая ее войти. Принцесса сердито вскинула голову — мог бы и предупредить, куда они идут, — расправила плечи и вошла в роскошный, мерцающий зеленью и золотом зал.

Все-таки есть в них что-то нечеловеческое, размышляла старшая Рудлог, сидя рядом с Нории за огромным столом и стараясь не морщиться от прямо-таки осязаемой ненависти, боли и агрессии, излучаемой почти двумя десятками красноволосях и рыжеволосях мужчин, здоровающихся с Владыкой. Черты лица у них правильнее и мимика не такая интенсивная, как у простых людей. Зато глаза куда выразительнее. Разного возраста, но пожилых и стариков нет, все кажутся не старше тридцати лет. Бледные, но не болезненно, кожа скорее бледно-прозрачная, без дефектов, родинок, шрамов или угрей. Будто статуи ожили. И ни один не сутулится, нет грузных или с лишним весом. Крепкие, высокие и изящные.

Был здесь и Четери, в присутствии которого она никак не могла чувствовать себя уверенно.

Только что Нории представил ее, и Ангелина в наступившей звенящей тишине ровно поприветствовала собравшихся.

— Благодарю за то, что вы откликнулись, — сказала она твердо, пытаясь не показывать беспокойства. Если сейчас дрогнет, оступится, то потом работать не получится. Ангелина замечала и сжатые зубы, и полыхающие красным глаза, но взгляд не прятала — смотрела прямо, выигрывая поединок за поединком. Перевела взгляд на Четери — тот глядел с насмешливым интересом, как на диковинную зверушку, затем вдруг кивнул ей, и она расслабилась. — Предстоит большая работа, и ваше участие позволит ускорить возрождение Песков.

— От расчистки дорог Пески не станут зелеными. — Ани перевела взгляд на говорящего. Красноволосях с узким лицом и гневом в рычащем голосе. — Твой предок погубил страну, тебе ее восстанавливать. Как можешь ты отказываться от долга крови?!

Что же, ожидаемо.

— Тобреди, — спокойно, с едва различимым предупреждением пророкогал Владыка-дракон, и высказавшийся полыхнул глазами, сжал зубы. Принцесса осторожно коснулась локтя Нории ладонью, останавливая, пока конфликт не перешел в замалчиваемую и потому неисправимую стадию. Коснулась и убрала руку.

— Легко возложить ответственность на одни плечи, — четко произнесла она в наступившей злой тишине, — особенно если это плечи женщины и заложницы. Однако прошло пять сотен лет, и вряд ли я могу быть ответственна за несчастье, произошедшее так давно. Даже если вы считаете иначе — я вступлю в брак только тогда, когда решу сама.

Ненависть стала не просто осязаемой — она давила на Ангелину плитой, и, если бы не сидящий рядом Нории, ее бы, наверное, разорвали тут же. Но нужно говорить прямо. Здесь и сейчас нельзя использовать обтекаемые фразы и дипломатию, нужно выпустить гнойник, дать им возможность пройти пик эмоций.

— Мир сильно поменялся, — продолжала принцесса, не позволяя себе дрогнуть, — и в любом случае Пескам придется многое наворачивать, а вам — приспособливаться к этим изменениям. Если бы я могла повернуть время вспять, не допустить войны, я бы сделала это. Но произошедшее не изменить. Нужно работать с тем, что есть. И работать нужно начинать сейчас.

Драконы мрачно смотрели на нее. Не получается. Не хватает сил, не хватает слов.

— Почему ты не заставил ее? — спросил все тот же, обращаясь к Нории.

— Владыка, — произнесла она быстро, не давая ему ответить, — достаточно благороден, чтобы не уподобляться своим врагам и не использовать бесчестные методы.

Бей врагов их же оружием, да.

— Он ни разу не заставил меня заподозрить его в том, что может применить насилие или угрозы.

Вот так, правильно.

Сидящий напротив Чет снова чуть заметно кивнул. На Нории она не смотрела. Кажется, он был недоволен.

— Владыка, несмотря на то что я потомок вашего общего врага, не стал мне мстить. Потому что мужчины должны сражаться с мужчинами, — внутри все дрожало, и, видят боги, это были самые тяжелые переговоры в ее жизни, — а женщин должно беречь и хранить.

— Сэдрик не стал делать различий между нашими мужчинами и женщинами. И детьми, — резко возразил еще один, сидящий ближе.

«Прости меня, прадед. Не знаю, что там у вас было, но мне нужно выиграть этот бой».

— И вы хотите стать такими же, как ваш враг? — спросила Ангелина уже спокойно.

Драконы опускали глаза. Нет, она не выиграла. Но получила немного времени.

— Сколько бы вас ни осталось, — сказала принцесса молчащим угрюмым мужчинам, — на вас все равно лежит ответственность за Пески и их народ. Вы — жизнь этой страны, а не я. Вы могли про-

снуться в тот момент, когда вообще не было бы потомков Красного женского пола, и что, неужели вы бы ничего не делали? Я не могу обещать стать женой Владыки. Но я готова работать вместе с вами. Одна я не справлюсь. Мир ведь меняют мужчины. Я могу лишь стать проводником в этом новом для вас времени, и то только до той поры, пока вы не станете знать и уметь больше меня. А это, я уверена, произойдет очень скоро.

Немного лести еще никому не помешало. А теперь нужно дать им время обдумать сказанное.

— Я ясно высказал свою волю, — грозно пророкотал рядом Норри, и она сжала кулаки под столом — ну надо же все испортить! — И я недоволен тем, что вы расстроили мою невесту.

Кажется, этот дракон ее не слушал. Или в упрямстве он не уступает Рудлогам.

Но Ангелина промолчала. Не место и не время выяснять отношения. Тем более что мужчины теперь смотрели на них двоих как-то странно, некоторые даже улыбались.

— Мы не ослушаемся твоего приказа, Владыка, — произнес наконец красноволокый Тореди, и остальные закивали, подтверждая.

Когда закончился совет и Красная принцесса, одарив всех сдержанной улыбкой и попрощавшись, удалилась, а за ней через несколько минут потянулись и драконы, в малахитовом зале остались только Норри и Четери. Чет глядел понимающе, Норри — чуть насмешливо, и им даже не нужно было озвучивать свои мысли полностью — так давно они знали друг друга.

— Зубастая у тебя невеста, — высказался наконец Чет, посмеиваясь. — И действительно ведь переживает за возрождение Песков. Правда, способ выбрала не тот.

— Она пока играет. — Норри покачал головой, глянул в окно, полюбовался на цветущий жасмин, чей тонкий горьковатый и нежный запах едва ощущался в зале и напоминал ему о старшей Рудлог. — Для Ангелины выживание нашей страны и нашего племени — не вопрос долга или жизни и смерти. Просто пища для ее ума и сфера для приложения умений. Но пусть лучше планирует, как возродить Пески, и привязывается к этой земле и к людям, чем обдумывает очередной побег.

— Кстати, кажется, она на тебя разозлилась, — хохотнул воин-дракон. — Аура полыхнула таким алым...

— Ты тоже заметил? — улыбнулся Нории. — Она просто хочет все и сразу, желает все делать сама и не знает, как это — иметь возможность опереться на другого. И еще не поняла, что мужчины скорее покорятся приказу повелителя, чем признают свою неправоту в споре с женщиной. Мир действительно очень поменялся, Чет. Разве можно было в наше время встретить такую, как она?

— Слишком много силы. — Воин-дракон поморщился. — Вместо того чтобы прятаться за тебя, она пошла на столкновение, еще и тебя защитить пыталась. Все опешили. Но, Владыка мой, теперь я тебе сочувствую. Ты ее, конечно, в конце концов привяжешь к себе... если успеешь, но жить с женщиной, в которой так много мужского? В ней же ни капли податливости, Нори. Ни нежности, ни тепла.

— Ты просто привык все брать нахрапом, Мастер, пять минут ухаживания — и на ложе, — усмехнулся красноволосый Владыка. — Но этот трофей так просто не получить.

— Я и не претендую, — пробурчал Чет, — я хочу, чтобы дома у меня была женщина мягкая, ласковая и всегда готовая встретить меня в постели. Пусть смотрит мне в рот и говорит, какой я умный, сильный и красивый. Повоевать я и с песчаниками могу. А тут как со змеей ядовитой в кровати ночевать. Не знаешь, согреется возле и разомлест или вопьется.

Нории расхохотался — вспомнил свои мысли по этому поводу.

— В ней есть и нежность и податливость, Чет. Просто нужно время.

— Хватит ли тебе его? — серьезно спросил воин-дракон. — Что будешь делать, когда месяц закончится?

Нории пожал плечами:

— Тогда уже поздно будет что-то делать. Либо она прикипит к Пескам и ко мне и не сможет нас оставить. Либо нет.

Всезнающая Суреза расстроено сообщила Ангелине, что Владыка снова улетел после обеда и, по слухам, ночью не вернется. Ани только пожалала плечами. Дела захлестнули ее с головой, и следующие три дня она буквально сбивалась с ног. Обучение девочек из гарема, встречи с жителями города, которые отчего-то решили навестить ее со своими проблемами и надеждами именно в отсутствие дракона, сбор информации по найденным источникам воды, общение с советниками по делам города. Примерные раскладки по бюджету, исходя из взвешенных золотых запасов Истаила. Встреча с главами пле-

мен, просивших ее о возможности поселиться на окраинах Города, потому что там, откуда они пришли, вода ушла.

Вернулась забытая жара, и принцесса изнемогала — она почти ничего не ела, только пила и плавала в любую свободную секунду. Попросила сделать навес над бассейном, потому что терпеть палящее солнце не было сил, и, пока рабочие усердно занимались приказом госпожи, без всякого сомнения пользовалась бассейном Владыки. Он находился совсем рядом, туда перенесли стойки с занавесками, сделали цветистый коридорчик от ее купальни к его бассейну — и принцесса долго плавала после захода солнца, взяв с Сурезы обещание сразу же предупредить ее, когда дракон прилетит.

Нории не прилетал.

Ангелина ежедневно навевалась в сокровищницу, и слуги шептались, что наконец-то Владыка сделал невесте такой подарок, от которого она не смогла отказаться, — все золото Белого дворца. Но ее интересовали тер-сели. Псы действительно меняли форму, но вели себя с принцессой дружелюбно, бегали за маленькой золотой флейтой, которую она кидала вместо палки. Пытались лизаться, но Ангелина это быстро пресекла. Ей было любопытно, насколько они разумны; судя по всему, понимали они многое, но вряд ли были способны поддерживать беседу. Она часто вспоминала Алину, думая, как загорелась бы сестра от возможности изучить водных духов так близко.

Во дворец продолжали слетаться драконы. Их встречал Четери, и здесь становилось все шумнее — и все неудобнее для Ани. Она никогда не стала бы прятаться, но постоянное напряжение и готовность дать отпор изматывали, заставляли злиться. Ее не трогали, с ней вежливо здоровались, но ненависть была везде — во взглядах, в обрывках приглушенных разговоров, в поджатых губах прекрасных дракониц, в жестах и напряженных движениях.

Она злилась, и это удивительным образом придавало ей сил. И принцесса успевала всюду: то ее видели у караванов беседующей о состоянии дел в поселениях, расположенных далеко от Истаила, то на рынке обсуждающей с торговцами то, что они могут идти к горам и покупать товар там, то со строителями, отчитывающимися, как идет работа.

К концу третьего дня Ангелина устала так, что ни один дракон не мог бы смутить ее — она просто перестала обращать внимание на взгляды.

— Сафаиита, — суетилась Суреза у теплой ванны, — попробуйте сладкий кускус. Он с изюмом и медом, восстановит ваши силы. Вы же высохли вся, госпожа!

— Оставь, Суреза. — Ани вышла из ванны, глянула на себя в зеркало. И правда, лицо очень осунулось, одни глаза, и в талии стала тоньше. Но все равно широкая и крупная. Хотя она давно перестала переживать по этому поводу.

Теплая ванна не дала нужного отдыха телу, привыкшему к вечернему плаванию, и, хотя очень хотелось просто упасть и полежать на прохладной плитке, остывая и охлаждаясь, Ангелина все же прошла в темноте по занавешенному коридорчику, отложила полотенце и спустилась в бассейн. И, не давая слабости даже малейшего шанса, поплыла, как всегда, до противоположного края чаши с водой и обратно, вдыхая чудесный горьковатый аромат какого-то цветущего кустарника и слушая привычные уже песни радующихся ночной прохладе птиц.

Звезды были словно подернуты дымкой, а растущая луна, наоборот, светила ярко — словно госпожа ночи старалась всю показать свою холодную красоту. Мир тихо и заворуженно наблюдал за ней, царящей на небе, и даже разноцветные занавески поблекли, окрасившись в лунный голубоватый цвет. И Ангелина засмотрелась, почти задремала, облокотившись на бортик бассейна. В душе постепенно воцарялось умиротворение. Принцесса расслабилась, отпустила заботы. Здесь не с кем было воевать.

Она не сразу поняла, что в бассейне уже не одна. И не сразу смогла снова собраться, растерялась, дернулась прочь, забыв о том, что нужно вести себя с достоинством и не показывать слабости.

— Не уходи, — пророкотал Нории тихо, словно боясь спугнуть. — Я не хотел тревожить тебя. Думал, ты меня услышала.

Ангелина покачала головой:

— Я, наверное, заснула. Извини. Меня должны были предупредить.

Сердце все еще колотилось как ненормальное, и она спешно приводила эмоции в порядок и никак не могла совладать с ними.

— Ты меня боишься? — спросил Нории, склонив голову. Вода доходила ему до груди, он не двигался, и принцесса заставила себя прекратить вжиматься в бортик, выпрямиться — никакой слабости, никакого отступления. Хорошо хоть, что она скрыта водой, а свет луны, хоть и ярок, не дает что-либо разглядеть.

— Нет, — сказала она. — Нет.

Тело его мягко мерцало перламутром, но линии на нем почти не светились.

— Я много летал эти дни. Поэтому хотел прийти к тебе ночью, — произнес дракон, поймав ее взгляд. — Но Зафир сказал, что ты здесь. Дай мне прикоснуться к тебе. Я не буду смотреть, обещаю.

У нее чуть не вырвался нервный смешок. То ли очарованность лунной так действовала, то ли усталость, то ли неожиданное появление дракона, но броня никак не желала вставать на место. А может, виной был запах белых, похожих на звездочки цветов, наполнивших сад своим тонким ароматом.

А возможно, ей было непривычно и приятно ощущать власть над древним и могущественным существом.

Да и не бежать же ей, первой Рудлог, прочь? Нории пользовался ее силой и неумением отступать, превращая их в слабость. Но если она уйдет сейчас — значит, признает, что слабее.

Разве Ангелина Рудлог может быть слабее?

— Хорошо, — сказала принцесса и улыбнулась. С превосходством. Повернулась к нему спиной, положила руки на холодную плитку, отсвечивающую голубоватым. И прикрыла глаза. Потому что все равно было страшно. От плеска воды, от движения мужского тела сзади.

— Ты такая горячая, — рокотал он ей на ухо, прижимаясь, обхватывая ее, — такая яркая, что затмеваешь собой луну. — Одна рука скользнула на живот. — Такая сильная девочка, неуступчивая, яростная. — Вторая легла чуть ниже, и Ани напряглась, не желая признавать то, что чувствует, разозлилась. — Не сердись, — голос приглушенный, тело прохладное, крепкое, и он ничуть не стесняется, вжимается в нее и застывает, — я не возьму больше, чем надо.

Низ живота под его крупной рукой пульсировал непривычно и сладко, и она не могла не злиться и не желать, чтобы он позволил себе вольность — тогда Ангелина могла бы полыхнуть и запретить ему прикасаться к себе.

Но дракон молчал, и не двигался, и дышал тихо, и щекотал ее плечи своими длинными волосами. Спиной принцесса чувствовала, как размеренно бьется его сердце, и пыталась сосредоточиться на этом ощущении, отвлечься и расслабиться. Если бы только в воде можно было сохранять полную неподвижность! Но бассейн колыбался, едва заметно, и их тела тоже двигались, почти неощутимо. Соприкасались друг с другом то плотнее, то легче, сдвигались вверх-вниз, совсем чуть-чуть, и дыхание мужчины становилось все тяжелее, и тело его реагировало, наливаясь силой там, где его бедра прижимались

к ее спине. И Ани хотелось обернуться, ударить его, впиться ногтями в грудь, исцарапать до крови так, чтобы он корчился от боли, чтобы упал на колени и умолял о прощении. Ярость полыхала внутри, сжигая и доводя до иступления, и, не найдя выхода, превращалась в тянущее, болезненное возбуждение, от которого пересыхали губы и мышцы на ногах сжимались почти до судорог. Хотелось пошевелиться, повернуть голову и впиться зубами ему в плечо или схватить за волосы и поцеловать, забыв обо всем.

Нории отпустил ее так неожиданно, что принцесса пошатнулась, зашипела, обернулась — дракон медленно отплывал от нее, и линии ауры на его теле теперь светились ярко, пульсировали и мерцали.

Перевела дыхание. Выстояла. Снова победила.

— Ты прекрасна, — сказал он серьезно, зависнув в воде почти на середине бассейна. — Стойкая огненная принцесса.

— Я не поддамся, Нории, — ответила она ледяным тоном. Броня снова была на месте, и было спокойно и хорошо.

— Никогда? — спросил дракон и глухо, рокошуще засмеялся.

— Никогда, — подтвердила Ангелина, стараясь не улыбнуться.

— Хочешь уйти? Я отвернусь, — предложил Владыка, отплывая еще дальше.

Разве первая Рудлог может сбежать?

— Нет, — ответила Ангелина, — я еще немного поплаваю.

И честно продержалась еще полчаса, а затем сообщила, что выходит, и, не глядя, действительно ли он отвернулся, ушла.

В спальне было прохладно и хорошо, и простыни были приятны к телу, и сон уже давно ступал за ней по пятам, обещая успокоение и отдых. Но принцесса засыпала долго, тяжело, и мысли в сковавшей тело полудреме то текли лениво, словно приглушенно, то вспыхивали яркими брызгами, заставляя ее сжимать кулаки и зло, глухо стонать от невозможности уснуть и не думать, отрешиться от эмоций и случившегося вдруг на тридцать первом году жизни чувственного откровения.

Кто бы мог подумать, что она способна реагировать так остро?

И почему, Великие Боги, она никогда не испытывала ничего подобного при общении с другими мужчинами? Образованными, достойными, родовитыми, привлекательными, которые ухаживали за ней, насколько позволяло ее положение, и допускали определенные вольности, и прижимались во время танцев, и признавались в любви? И были ведь при дворе и настоящие охотники, совсем не слащавые,

знающие толк в соблазнении, которых не пугали ни ее холодность, ни неминуемое наказание королевы Ирины. Ни одного Ангелина не хотела, прикосновения оставляли ее равнодушной, поцелуи, которые она позволяла себе, когда начала выезжать и все было внове, не вызвали ничего, кроме недоумения. Со временем любопытство Ани к чувственной стороне жизни прошло, уступив место уверенности, что это не для нее.

Придворные дамы, ее фрейлины — молоденькие и не обаянные, в отличие от кронпринцессы Рудлог, хранить чистоту до брака — обсуждали мужчин, свои похождения и ощущения, даже составляли список самых сексуальных красавчиков высшего света. Она не останавливала их разговоры, но и участие принимала лишь номинальное. Ей было недоступно понимание, что такое сексуальный мужчина. Сильный, хорошо сложенный, выносливый, остроумный — это Ангелина понимала и даже находила удовольствие в общении с несколькими представителями сильного пола, входящими в ее ближайший круг. Но ни один не волновал, не заставлял получать удовольствие от противостояния и желать того, чтобы мужчина покорился ей. Да обнимая сестер или глядя лошадей, она испытывала больше приятного чувства, чем от прикосновений к мужчине!

Оказывается, желание, болезненно сжимающее все внутри и обостряющее восприимчивость к прикосновениям, звукам и запахам, очень похоже по реакции тела на страх. И оно такое же неконтролируемое, как ярость.

Хотя разве она не достигла совершенства в самоконтроле?

В спальне было так тихо, что слышен был плеск воды в фонтане холла. И звук этот, как и терпкий запах цветущих белых звездочек, раздражал. Заставлял ворочаться, скидывать тонкое покрывало, подставляя обнаженное тело едва заметному дуновению ветерка, подтягивать колени к животу, пытаясь найти удобную позу, глядеть на голубоватые полосы лунного света, льнущие к мраморному полу, — что угодно, только бы измученный мозг утомился и дал заснуть.

Ангелина смутно помнила отношения между матерью и отцом, первым мужем королевы. А когда тело принцессы начало меняться и первая Рудлог из девочки стала девушкой, мама уже была замужем в третий раз. Их общение со Святославом Федоровичем казалось теплым и спокойным. Но никаких страстей, описанных в классической литературе, никакой томности — ровные, почти родственные

чувства. Он всегда был на втором плане, всегда был готов помочь и супруге, и ее детям.

Многие говорили, что Ани очень похожа по характеру на королеву Ирину, и уже потом первая принцесса приняла для себя то, что ее идеальный брак должен быть таким же — доверительным, тихим, удобным. Как и мужчина рядом.

И уж точно она не сможет быть вместе с мужем, которым не сможет управлять.

Ани опустила босые ноги на прохладный мрамор, встала, налила себе лимонада, подошла к окну и начала медленно пить, глядя на залитый лунным призрачным светом сад. Нагую грудь и руки холодил ветерок, словно лаская, соски сжались, и она машинально провела пальцами по ноющему наверху, раздраженно дернула плечами, переступила с ноги на ногу. И пошла в купальню — принять теплую ванну с лавандовым мылом.

Из окон купальни была видна луна, и мысли принцессы перенеслись в Рудлог, к сестре и ее мужу-медведю. Василина была чувствительнее ее, мягче, женственнее. И если ею, Ангелиной, восхищались до благоговения, то, глядя на Васю, улыбались. Васюша умела наслаждаться вкусной едой, приятными тканями, любила запах цветов и с ранней юности увлекалась любовной поэзией. Как раз в ней мягкая, сдержанная притягательность была всегда. И Василина не закрывалась от мира, была готова и приучена чувствовать, осязать, наслаждаться.

Королева Ирина настороженно следила за второй дочерью, волновалась, что Васюшино отзывчивое сердце изберет какого-нибудь автора дурных строк или успешного прогоркнуть ловеласа. Но вторая Рудлог, с улыбкой принимая восхваления и заверения в любви, была со всеми одинаково мила и равнодушна. И Ани думала, что младшая сестричка такая же, как она.

Но Васе встретился Мариан. «Он первый и единственный мужчина, который вызывал и продолжает вызывать у меня дрожь в коленках», — сказала как-то сестричка после свадьбы.

Дрожь в коленках! У принцессы Рудлог!

Тогда Ангелина фыркнула, а сейчас понимала ее и грустила, шевеля пальцами в теплой воде, легко поглаживая себя по рукам, животу, по бедрам и вдыхая знакомый запах лаванды, чуть настойчивый и навевающий мысли о каменистых и сухих, жарких, щедро

политых солнцем холмах, где гуляет ветер и терпко пахнет цветами и травой.

Конечно, дрожь в коленках. Достаточно вспомнить, как они иногда замолкали во время общего разговора и смотрели друг на друга так, что всем становилось неудобно, или как барон, проходя мимо жены, поглаживал ее по шее, и Вася прикрывала глаза, мгновенно туманившиеся странной мечтательностью, или как вдруг пропадали посреди дня, а младшие хихикали и шептались.

Однажды Ани застала молодоженов в саду — в середине октября, днем, когда погода стояла сухая и солнечная, но было уже холодно. Вышла прогуляться. И прогулялась — так, что, смущенная и негодующая, почти бежала обратно к дому, а перед глазами стояла сестра с неаккуратно задранной длинной юбкой, с запрокинутой головой, прижатая спиной к старой яблоне, всхлипывающая и как-то беспомощно цепляющаяся за резкодвигающегося, обхватившего ее, вбивающегося в нее Байдека. Неужели вождение было настолько сильным, что у Василины, с ее воспитанием, и Мариана, офицера Севера, не хватило благоразумия дотерпеть до спальни? А если бы в сад вышла не она, Ангелина, а кто-то из младших? Или отец? Или слуги? Что же это за чувство, которое так действует на здравый смысл, гордость, воспитание, чувство долга, ответственность?

Ани плеснула ладонью по воде, поболтала ногами. В купальне она не зажигала света, и глаза отдыхали, на душе становилось спокойно и тепло. Напряжение спадало, а с расслаблением возвращалась и способность связно мыслить. Ей подобное не грозит. Абсолютно.

Ангелина не любила ни мягких тканей, ни сладких строк любовных поэм: пища должна питать, а вкус — дело десятое. Ей не хотелось остроты чувств, как Марине, она не была поглощена учебой или спортом, как Алинка с Полей, и не находила удовольствия в рисовании, как Каролиша.

Единственной любовью старшей принцессы дома Рудлог была семья. И это Ани про себя знала точно.

Семья.

«Василина, Васенька, сестрички мои родные. Как вы там без меня? Боги с ней, с короной, хотя очень хочется понять, почему vybrали не меня, а Василину. Что со мной не так? Где я недоделала, недоглядела, недостаралась?

Три недели — страшный срок. Я здесь, в безопасности, а что там — только богам известно, а боги молчат. Может, Васюту уже сожрали акулы из парламента и она не выстояла, не смогла отбить свою

независимость? Вдруг в стране гражданская война? Или, не дай боги, с семьей что-то случилось? Во дворце ведь как на ладони: было бы желание причинить вред, а способ найдется.

Как, интересно, Василина восприняла то, что стала королевой? Если даже все в порядке, то справляется ли она? Без моей поддержки, без советов, объяснений?

Конечно, там есть кому поддерживать. Но куда спокойней было, если бы я делала это сама.

Домой. Как же я хочу вернуться, увидеть, что все хорошо, успокоиться, избавиться от удушающего, ставшего привычным чувства тревоги. Разве даже лучший мужчина в мире может остановить меня в этом стремлении?

А если все хорошо... все-таки Василина тоже училась, тоже слушала, наблюдала, хоть и никогда не любила светскую жизнь и тосковала на дипломатических встречах, — если все хорошо, то я не буду мешать. Негоже, когда страной правит королева, а королевой правит еще кто-то. Но находиться рядом, быть готовой прийти на помощь мне никто не запрещает. И я найду, чем заняться. В конце концов, начну налаживать отношения между Рудлогом и Песками. Здесь непаханое поле работы и задачи интересные. И партнерство между двумя странами принесет Рудлогу выгоду. Если вовремя взять развивающееся государство с богатейшими ресурсами под свое крыло, то мы надолго закрепим за собой первенство в международных отношениях... И с драконом, с этим драконом я смогу говорить уже не с позиции заложницы, а на равных, без ограничения моей свободы...»

— Госпожа, вы здесь? — испуганный и сонный голос служанки вырвал первую принцессу из разговора с собой, возвращая в ночной дворец Белого города.

— Здесь, Суреца, — расслабленно сказала Ангелина, облокачиваясь на стенку ванны. — Не шуми.

— Я проснулась, а вас нет. Испугалась, что вы... ушли. — Малита замялась. Она была расстроена: Владыка бы спросил за побег, если бы госпожа снова решилась.

— Все в порядке. — Ани села в ванной, и свежий воздух тут же охладил кожу. — Я просто не могла заснуть. Раз ты проснулась, принеси мне теплого молока с медом. Я сейчас выйду в спальню, помогать вытираться не нужно.

— Хорошо, сафаиита. — Суреца подняла руки к небу, видимо благодаря высшие силы, что беспокойная драконья невеста нашлась, и ушла.

Молоко подействовало — а может, не беспокоили больше мысли, приведенные в порядок, — или легкий аромат лаванды, оставшийся на коже, сделал свое дело, но через двадцать минут Ангелина Рудлог уже крепко спала и не слышала ни плеска фонтана, ни громкого пения птиц за окнами.

Владыка Истаила тоже не сразу заснул после будоражащих кровь прикосновений к обнаженной, полыхающей огнем, яростью и страстью принцессе. Тело его покалывало от избытка силы и жаждало женщину, но он не торопился, освежаясь прохладным шербетом и терпким виноградом, неспешно пил ароматный фруктовый чай и улыбался. Сколько же в ней гордости, сколько силы!

— Господин, — почтительно позвал верный и тонко чувствующий настрой повелителя Зафир, — вы давно не уделяли внимание вашим нани-шар. Позвольте, я позову женщин из гарема, служанки женской половины говорили мне сегодня, что ваши жены соскучились и обижаются.

Нории помедлил. Он не был евнухом и любил женщин. И сейчас ласковые руки дочерей пустыни были желанны — если та, которую он желал на самом деле, была еще не готова.

— Да, — сказал он гулко, — позови двоих или троих. Ты помнишь?..

— Конечно, Владыка, — произнес Зафир, кланяясь. — Только тех, кто сам захочет прийти.

Эта ночь прошла для Нории в горячем дурмане плотской любви, и девушки, пришедшие к обожаемому Владыке-дракону, потом шепотом рассказывали, что был он особенно внимателен, нежен и страстен и так и не дал никому из них поспать. А еще одарил наутро прекрасными украшениями, которые и драконице надеть не стыдно.

Среди пришедших к Нории в эту ночь была и черноволосая, черноглазая Зара. Ей нравилась невеста господина, но она, будучи поумнее многих в гареме, предчувствовала, что скоро дракон забудет про своих нани-шар. И что эта ночь вполне может стать последней, когда он позвал их к себе.

Зара любила Владыку не как женщина мужчину — как восторженная девочка, получившая возможность прикоснуться к чуду. И именно поэтому она пришла к нему. Может быть, когда-нибудь, когда дракон наконец завоюет свою невесту и они будут жить долго и счастливо, он вспомнит с улыбкой и нежностью и ее, Зару из Аль-Севедов.

Зара из Аль-Севедов

И не испытывала она чувства вины перед госпожой из Рудлога, взявшейся учить их писать и читать, — потому что Ангелине, если она возьмется за ум и откроет глаза, достанется все чудо целиком. А ей, Заре, достаточно и этого мимолетного сладкого касания от необыкновенно нежного к женщинам дракона.

ГЛАВА 7

Конец октября, Пески
Четери

Четери доплыл до середины своего озера, нырнул в темную воду так глубоко, как позволяло дыхание, достав до холодного слоя, развернулся и, вытянувшись стрелой, устремился к поверхности. Вынырнул под ночным небом, лицом к белеющему дому, и поплыл обратно.

Пришедшие на землю Чета люди сдержали обещание и начали восстанавливать его жилище. Вычистили в отсутствие дракона комнаты, настелили легкую крышу, принесли самотканых ковров и матрац, набитый верблюжьей шерстью, кувшин для воды и немного сухого мяса и лепешек — не испортятся, дождутся хозяина.

Ему было достаточно, а как отблагодарить их — он придумает.

За кипарисовой рощей уже виднелись огни разрастающегося поселения, и иногда ветер доносил запах дыма и готовящейся еды. Все-таки хорошо, что он прилетел так поздно. Значит, гостей сегодня не будет, а завтра он улетит. Подпитает ночью землю и улетит.

Через час Мастер клинков уже лежал на колючем матрасе, закинув руки за голову, и погружался в дремоту. Ему было хорошо здесь, потому что можно было представить, что все вокруг по-прежнему и что не томился он пятьсот лет в мучительном, отупляющем полусне-полуумирании под удушающей тяжестью миллионов тонн горной породы.

Поначалу он бился, пытался скинуть с себя эту тяжесть, рвался, пока не обессилевал и не повисал в каменной пустоте, теряя сознание. Потом приходил в себя, а в голове звучали голоса его собратьев, затихающий плач детей, уговоры матерей, которые не могли прижаться, укрыть родных — и все равно находились рядом, пусть мысленно. Пели песни, убаюкивали словом. Именно долгая, мягкая колыбельная одной из дракониц стала его навязчивым кошмаром. Иногда во сне Четери снова слышал этот мотив, и сжималось горло, и он рычал, плакал и вновь пытался вспороть удушающую тьму и спасти хоть кого-то.

Детей он перестал слышать первыми.

Всем телом ощущались вспышки силы Владык: они пытались синхронно разрушить каменную тюрьму, командовали — и все законные драконы рвались вверх, но силы их крыльев и магии не хватило для спасения.

И тогда же прозвучало проклятие виновным в предательстве. И приказ не тратить силы, уходить в анабиоз и держаться столько, сколько возможно.

Его личным проклятием стало неумение Мастеров клинков даже в анабиозе отключать восприятие окружающего мира — ведь враг не должен иметь возможности подкрасться, в каком бы состоянии ты ни был.

И Четери, потерявший счет времени, застывший в камне, как мошка в янтаре, слышал затухание сознания своих воинов. Ощущал дыхание горы, треск и ворчание в ее недрах — земля живая, она постоянно в движении. И раз за разом чувствовал вспыхивающую надежду на то, что это не просто судороги каменных жил, а разрушение их темницы, но потом она гасла, уступая место равнодушию.

Чет умирал все эти сотни лет и никак не мог умереть.

Он слышал, как меняются на поверхности времена года, как полусует по каменным склонам дождь и бегут вниз ручьи, как там, на свободе, гуляет ветер, как сходят лавины, как бегут стада баранов с живой, горячей кровью, как шуршат и осыпаются крошкой дряхлеющие камни.

Он чувствовал вспышки тепла, когда кто-то из Владык отдавал всю свою силу заключенному в камень народу, чтобы была надежда выжить хоть кому-то. Владыки истекали потоками силы и умирали. Сначала самый старший и могущественный, Тёрии Вайлертин, отец Нории. Затем — по убыванию силы. Нории был самым молодым и слабым, и он остался последним.

Слышал Четери и теплый голос, похожий на плеск веселого ручья по гладким солнечным камешкам, который пел ему о надежде и сначала умолял, а потом требовал держаться. Голос был женский, и он уносил боль.

Иногда женщина плакала и просила прощения, что недоглядела. Потом снова пела, возвращая дракона в сознание, и обещала, что найдет выход, хоть сама и не имеет права трогать гору.

Иногда Мастер думал, что это песни смерти, иногда — что игры обезумевшего сознания.

Оставалась надежда, что со смертью Седрика заклятие падет.

Нет, не пало.

Пало оно, лишь когда два проклятых трона опустели и сила крови Рудлог перестала сдерживать гору.

Четери, растворенный в небытии, потерявший счет времени, медленно угасающий и ждущий смерти как прихода ласковой и ми-

лосердной матери, с давно уже перегоревшими и забытыми чувствами, запомнил только оглушительный нутряной вой лопающейся горы. Затем были ударивший по глазам свет, полет кувырком куда-то вниз, и боль, восхитительная невыносимая боль от ломающихся крыльев и лап, и холод катившейся вместе с ним снежной лавины.

Сколько-то времени он пролежал без сознания.

Очнулся, жадно глотая свежий воздух, от которого голова болела так, что, казалось, еще несколько вздохов, и она лопнет.

Боялся открыть глаза — больно было от света даже с закрытыми — и тыкался мордой вокруг, полз червяком, волоча за собой переломанные крылья, лизал сухим языком грязный, смешанный с каменной крошкой снег, чтобы хоть немного жидкости попало внутрь.

Билась в голове мысль просто лечь и умереть, но Четери был воином, лучшим из воинов, и не мог не сражаться.

Внизу снег стал таять, и второй раз он очнулся уже ночью, в луже холодной воды, и почти всю ее выпил. Когда пил, почувствовал привкус крови и пополз на него.

На тушу первого горного барана он наткнулся через несколько десятков метров, но полз до нее, останавливаясь и почти умирая от слабости и боли, полночи.

Сожрал за один укус и даже не почувствовал.

Следующий раз очнулся днем. Солнце грело истерзанную шкуру, питало ауру, но Четери был так слаб, что лежал не шевелясь и согреваясь до вечера. А потом снова пополз на запах крови.

Ему повезло — в мешанине камней и тающего снега он нашел переломанное стадо. Лавина была такой силы, что даже легендарная живучесть горных баранов не спасла их. А он... он был покрепче этих животных.

Живая кровь подошла бы лучше, но выбирать не приходилось, и Чет грыз одну тушу за другой, чувствуя, как отступает боль, как сила возвращается в мышцы и срастаются изломанные кости. На этом кровавом могильнике он, как падальщик, пропасса четыре дня. И только почувствовав, что восстановился, решился на полет.

Ему нужно было увидеть землю сверху, чтобы понять, что он не мертв и что падение горы и последующие дни не привиделись в предсмертной агонии.

Но Четери был жив. В отличие от многих сородичей, оставшихся в горе. Он слушал, искал выживших, звал — и у огромного, перего-

родившего долину осколка, и у словно срезанного ножом основания горы. А потом наткнулся на останки трех дракониц. Они были мертвы еще до крушения горы, это точно.

После они с Нории прилетали туда, и Владыка звал Зовом, но никто не откликнулся. Скорее всего, все действительно были уже мертвы. Но даже если нет — какая сила в мире способна перемолоть гигантский камень, не затронув находящихся в нем драконов, и выпустить их?

Но Четери надеялся, что там, в горе, еще остались живые и что есть возможность их спасти.

Он понимал ненависть слетавшихся во дворец выживших сородичей. Каждый из них пережил свой личный многовековой кошмар и видел в Красной деве Рудлог воплощение зла. Только воля Владыки удерживала их от расправы. А далекая правнучка Седрика ходила с прямыми плечами, будто бросая вызов. И не признавая вины. Современный мир утратил понятие кровного долга, да и сколько поколений назад это случилось? Мог ли он осуждать ее за это?

Сам воин-дракон не мог ненавидеть. Ненависть его за много веков перегорела в каменном плену в попытках справиться с безумием, да и видел Чет, в отличие от других драконов, что современный Рудлог — совсем другой мир, где никто не помнил о совершенном преступлении.

Пока драконий народ агонизировал под толщей горной породы, люди продолжали жить, рождаться, умирать, воевать и мириться, смеяться и пахать землю, дышать свежим воздухом и радоваться солнцу.

И Четери, выбравшись, тоже начал отчаянно вспоминать, какво это — жить. Парил под солнцем, летал к морю, гонялся за дельфинами; облетая города, проводил оглушающие страстью ночи с тянущимися к живому теплу драконицами; пил сладкое вино, валялся в горячем песке, жмурясь от счастья, шутил, соблазнял служанок во дворце Нории.

Единственное, чего у него не было, — это достойного противника. Мастер клинков скучал по настоящему бою, а из выживших разве что Нории позволял размяться хотя бы в десятую часть силы. Все его воины остались под камнем. Хотя... за всю жизнь он знал только двоих — тех, с кем мог сражаться так, что пела душа.

Первый был его учителем, драконом, он умер от старости, и Четери похоронил его со всеми почестями, как родного отца.

Второй был его учеником, человеком, и Мастер клинков убил его в бою.

Перед полетом в Рудлог, устав маяться тянущей тоской в груди, от которой не спасали ни женщины, ни свобода, Четери пришел в храм Синей Богини за благословением и помощью.

Туда обычно приходили девушки из народа Песков, вошедшие в пору зрелости и дарившие любовь заходящим за благословением мужчинам.

Но в тот день не было ни одной послушницы, и все-таки ему разрешили поспать на женской половине храма. Пришедший не мог уйти, не получив утешения.

В ту ночь Чет то ли спал, то ли грезил наяву. И казалось ему, что лежит он на коленях маленькой женщины с голубоватой кожей, которая ласково гладит его волосы и поет песню, похожую на переливы текущей воды. И говорит, что он хороший, сильный мальчик и что все будет хорошо. И обязательно он найдет то, что заполнит выдранную безумием и отчаянием пустоту в его душе.

А в Рудлоге он встретил Светлану.

Четери заснул под мягкий плеск близкого озера, и ночь была тиха и тепла, но сон, вызванный воспоминаниями, снова вернул его в удрушающее бессилие каменной тюрьмы, и вдруг показалось, что все случившееся — освобождение, возвращение в Пески — просто бред, и он все еще там, и нет никакой надежды.

Он стонал, не в силах вырваться из кошмара, и покрывался липким потом, судорожно дергая руками на колючем матрасе, и проигрывал, проигрывал собственному страху. И засевшее где-то неглубоко безумие уже расправляло когтистые крылья, вцепляясь в душу, нашептывая, что он остался один, остался последним и должен отплатить, упиться кровью людей Рудлога — за то, что позволили, и людей Песков — за то, что не отомстили. Никто не должен жить больше в мире, где истребили его племя.

Безумие показывало будоражащие жестокие картины, вызывавшие в нем отвращение и возбуждение одновременно, шептало: «Ты будешь жнецом этого мира и самым неумолимым судьей». Где-то там, в болезненном сне, Мастер уже видел себя будто со стороны идущим по Иоаннесбургу под низким красным солнцем, с дымящимися от крови клинками. За ним оставались улицы, полные теплых искромсанных тел, и крови было так много, что она разливалась рекой, хлюпала под ногами, покрывала светлые стены высоких домов бурными брызгами, липла к рукам и ощущалась на языке сладким железистым привкусом, и люди, еще живые, пытались убежать от него

и не успевали. Он — другой, страшный, с лицом-маской, со слипшимися от человеческой крови волосами — колол, резал и рубил, как мясник на скотобойне, и воздух был наполнен криками и хрипами умирающих.

«Смотри, — говорило безумие, — как хорошо, как спокойно. Ты же хочешь покоя? Покой найдешь в истреблении...»

Впереди молодая темноволосая женщина судорожно дергала какие-то завязки на детской коляске, пытаясь вытащить пристегнутого ребенка, и ему сразу вспомнился плач детей в толще горы.

«Смерть за смерть. Убей», — шепнул голос, и он очутился в теле, размеренно шагающем в потоке крови, с лицом-маской и дрожащими от нетерпения клинками.

«Убей!» — ликовало безумие, уже уверившееся, что победило.

Четери поднял клинки, глядя на застывшую женщину с таким знакомым лицом, прижимающую к себе ребенка, оскалился, зарычал тоскливо и надломно и вонзил лезвия наискосок себе в грудь. Так, чтобы наверняка распороть ребра, разрезать сердце на неровные куски — убить зверя в себе, чтобы не было никогда кровавых рек и липких от человеческой смерти рук.

Безумие растаяло разочарованной дымкой, оставив вокруг лишь темноту, и гадливое ощущение реальности произошедшего, и трясущиеся руки, и колотящееся сердце — целое, живое. Чет хватал ртом воздух и думал о том, что есть выход, что он опасен и, возможно, когда-нибудь у него не хватит сил остановить страшный морок. И он сойдет с ума и пойдет убивать.

«Сны — зеркало, в котором отражается истина о нас, — говорил учитель, Мастер Фери. — Если ты украл во сне, значит, ты можешь сделать это наяву. Если взял женщину без ее согласия — то в тебе дремлет насильник. Если убил невинного — то ты не воин, а убийца. Блюда чистоту даже в снах, Четери-эн. Спишь ты или нет — сознание все воспринимает реальностью, а значит, это и есть реальность».

Сегодня он смог остановиться. Сможет и впредь.

Дракон вышел из дома, не останавливаясь спустился в озеро, снова поплыл, и голубоватый свет луны развеивал кошмар, а Мать-Вода охлаждала тело, качая его в своих объятиях, утешала, лаская мягкими струями скользящее вперед тело.

«Ты хороший мальчик, Четери. Сильный».

Он зажмурился — так легко ему было и спокойно.

«Как мне избавиться от боли, Великая?»

Озеро игриво плеснуло брызгами, начало подниматься тонкими перьями тумана.

«Только любовью, мальчик».

Он плыл сквозь водяную дымку, сверкающую голубоватыми искорками в свете небесной царицы-луны.

«Почему ты говоришь со мной? Я же не Владыка».

Четери нырнул в темную глубину и надолго завис в толще воды, словно на руках у матери, пока его не подтолкнули наверх, мягко, бережно, но с некоторой укоризной.

«Ты самый старший из всех живущих на Туре моих детей, малыш. И на тебе благословение сразу двух моих братьев».

Чет выбрался на берег, и туман скользнул по его лицу, словно поцеловав перед сном. И заснул дракон легко, и не было больше страха и крови.

...Он целует женщину в шею, щекочет языком впадину над ключицей, фыркает — и она смеется и просыпается.

Гостиничный номер в Иоаннесбурге освещен лишь отблесками огней уличных фонарей, но ему больше и не надо — за несколько дней он изучил ее тело. Податливое, мягкое, как раз по нему — от крупной груди, на которую хочется смотреть бесконечно, трогать, гладить, играть, просто лежать и расслабленно держать губами сок, когда она еще подрагивает от прошедшей любви, — до тонких красивых щиколоток, которые так смотрятся на его плечах, что он сходит с ума.

Живот у нее упругий, и под ребрами есть местечко, от прикосновений к которому она мгновенно заводится, но скользнешь чуть ниже к бокам — смеется и отбивается. Ужасно боится щекотки. И пахнет нежностью. И бедра круглые, налитые, не боятся мужских крепких рук. И она сама — вся по нему, покорная, отзывчивая, признающая его силу и превосходство.

Жаль, что он понял все так поздно.

— Жди меня, — говорит он жестко, двигаясь в ней, и женщина дрожит, выгибается, хватается руками за изголовье кровати и стонет.

Тепло, нет, жарко, как же жарко и хорошо.

— Жди, — рычит он ей в губы и держит ее за волосы — чтобы не отворачивала голову, а он мог видеть, что поняла, услышала и знает: теперь уже никуда не денется от него. А она не боится — приподни-

мается и целует его, и глаза ее — как темная вода озера, и кожа светлая, прохладная.

— Жди, Светлана! — Мир содрогается от удовольствия, и он просыпается и долго лежит, улыбаясь и хмурясь одновременно. За окнами рассвет, от озера тянет свежестью, а ему хорошо, и ночной кошмар кажется пустым и глупым.

Светлана Никольская

Светлана открыла глаза и еще долго приходила в себя, остывая после сна, в который, по своему обыкновению, безапелляционно ворвался Чет и утащил ее в постель. Что во сне, что наяву — резкий, мгновенно переходящий от шутилой возни к тяжелой и жесткой страсти, где вел и командовал только он, и такой нежный, раскрывшийся, совершенно по-мальчишески напрашивающийся на тихую женскую ласку после — когда сон позволял это «после», а не прерывался на пике удовольствия.

Последнюю неделю Свете начало казаться, что она сходит с ума. Днями она работала в школе, преподавала историю, общалась с коллегами, проверяла контрольные и готовилась к урокам. Это была одна жизнь.

Ночами наступала вторая жизнь, и она была не менее реальна, чем первая. Света бродила по городу на берегу высохшей, засыпанной песком реки и видела свои — вчерашние — следы на улицах. Луна двигалась по небосклону, дул ветерок, шурша песчинками, и в тишине огромной пустыни этот звук казался очень громким и тревожным. Ей могло быть прохладно — если она долго стояла на одном месте, или жарко — если взбиралась на очередной бархан или крышу дворца. Но одновременно состояние ее нельзя было назвать вполне материальным: физиологических потребностей Света не испытывала, усталости почти не чувствовала — только раздражение и уныние от безрезультатных поисков решения задачи, обозначенной маленькой богиней. У Светланы менялся рост — от человеческого до огромного, выше крыш, — она могла мгновенно оказаться в той части города, о которой думала, и в темноте ночи видела не хуже, чем днем.

Песок не был безжизнен, как казалось на первый взгляд: ночью выбирались на поверхность длинные и противные многоножки, большие жуки с черными блестящими панцирями, огромные скорпионы и тарантулы с многочисленными, мерцающими зелеными глазами. Стелились шелестящими лентами, оставляя извилистый след, тонкие пестрые змейки, даже внешне казавшиеся жутко ядовиты-

ми, пробегали какие-то истеричные ящерицы — размером с две ладони, но они так воинственно и оглушительно верещали, что хотелось схватить хотя бы одну и постучать ею о стену дома в назидание остальным.

Один раз Света чуть не наступила на флегматичную черепаху, притворившуюся камнем; видела она и каких-то маленьких ушастых зверят, похожих на лисичек, и смешных пугливых и шустрых тушканчиков, на которых эти самые лисички охотились. Но Светлане нужно было не за жизнью местной фауны наблюдать, пусть увлекательной и жестокой, а думать, как оживить город и заполнить реку.

Она ломала голову уже больше недели. И чувствовала себя ужасно глупой. Богиня могла бы выбрать и кого-то посообразительнее.

Света обследовала дворец, разбросав большими ладонями песок от входных резных дверей — но они были закрыты, пришлось лезть в окно. Бродила по прекрасно сохранившимся залам — великолепным в своей архитектурной восточной выразительности, с обилием синего и белого, со всеми этими арками, светлыми, возносящимися в небо куполами, сухими фонтанами, мозаиками и роскошными мраморными полами. Искала двери, примерялась к замочным скважинам ключом, подаренным богиней. Ведь если есть ключ, то где-то должен быть к нему замок? Может, задача проста и надо найти подходящий, проверить, и все?

Дворец стоял огромный, тихий и темный, ночью там было страшно и неприятно. Света утешалась тем, что это ее сон, и до сих пор он был довольно-таки скучным: живность ее не видела и не чувствовала, опасностей не наблюдалось. И она упорно ходила от двери к двери, пытаясь найти ту самую, волшебную.

Во дворце подходящей двери не нашлось, и сновидица печально посидела на прохладном сухом бортике широкой и высокой террасы, с которой, видимо, ранее открывался прекрасный вид на реку. Подумала и решила пройтись по храмам города: вдруг нужная дверь найдется там? Или, может, нужно просто приложить ключ к чаше Синей Богини? Света терялась в догадках и расстраивалась. Ну хоть какую-то подсказку можно было дать? Великая, помоги, пожалуйста!

Богиня не появлялась, и Светлана, посидев еще немного и послушав визжащих в мертвом городе ящериц, сползла с бортика и медленно, погружаясь в сыпучий песок, пошла к храму.

Именно по пути к храму, упорно шагая в своей длинной ночнушке к увиденному с террасы ближайшему храмовому шпилю, Света и провалилась в другой сон — с улетевшим далеко и, скорее все-